Вас Гроссман

В С Е Т Е Ч Е Т

I.

В Москву Хабаровский поезд приходил к девяти часам утра. Молодой человек в пижаме почесал вихрастую голову и поглядел в окно на осенний утренний полусумрак. Зевая, он обратился к людям с полотенцами и мыльницами стоявшим в проходе:

– Граждане, кто тут у нас крайний?

Ему объяснили, что за дядей, державшим искалеченный Тюбик зубной пасты и кусок мыла, облепленный газетной бумагой, зашла очередь полная гражданка.

– Почему только одна уборная открыта? – проговорил молодой человек. – Ведь приближаемся к конечному пункту, столице, а проводники Товарооборотом заняты только, а по-культурному обслужить пассажира у них времени не хватает.

Через несколько минут появилась толстая женщина в халате и молодой человек сказал ей:

– Гражданка, я за вами, пока пойду к себе, чтобы в проходе не болтаться.

В купе Молодой человек расстегнул чемодан оранжевый и своими вещами.

Из его соседей, – один, со вздутым, широким затылком храпел, второй – румяный, лысый и молодой – разбирал бумаги в портфеле, а третий, худой старик, сидел подперев голову коричневыми кулаками и смотрел в окно.

Молодой человек спросил румяного спутника:

– Вы читать больше не будете, надо книженку уложить в чемодан.

Ему хотелось, чтобы сосед полюбовался

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

чемоданом :тут были вискозные (сорочки), и "Краткий философский словарь", и плавки,и защитные от солнца очки в белой оправе.Прикрытые мелкокалиберной районной газетой с краю лежали серые коржики,домашнего,деревенского печения.

Сосед ответил :

- Прошу,я эту книгу „Евгения Гранде",уже читал в прошлом году,в санатории.

- Сильная вещичка,ничего не скажешь,- проговорил молодой человек, и уложил книгу в чемодан.

В дороге они играли в проферанс,а выпивая и закусывая разговаривали о кинокартинах, пластинках, мебельных гарнитурах, сочинских санаториях, о социалистическом земледелии, спорили чье нападение лучше — „Спартака" или „Динамо", в области инструктором ВЦСПС.

Румяный,лысый работал а вихрастый возвращался после отпуска, проведенного в деревне в Москву,где он состоял экономистом в госплане ТСФСР.

Третий спутник, сибирский прораб,храпевший сейчас на нижней полке,не нравился им своей некультурностью:он матерился,рыгал после еды,а узнав,что попутчик работает в госплане по части экономических наук спросил:

- Политическая экономия,как же, это про то,как колхозники ездят из деревни в город у рабочих хлеб покупать?

Как то он сильно выпил в буфете на узловой станции,куда,как он говорил,бегал отмечаться,и долго не давал своим спутникам уснуть, все шумел:

- По закону в нашем деле ничего не добьешься,а если хочешь дать план,надо работать, как жизнь требует: "я тебе

При царе это называлось частная инициатива, а по нашему — человек жить хочет:

дам и ты мне дай". Вот это экономика! У меня арматурщики целый квартал, пока новый кредит пришел, расписывались заместо нянек в яслях. Закон против жизни идет, а жизнь требует! Дал план, на тебе надбавку и премию, но, между прочим, и десять лет могут припаять. Закон против жизни, а жизнь против закона.

Молодые люди молчали, а когда прораб притих, вернее, не притих, а наоборот, стал громко храпеть, они осудили его:

— Таких тоже следует присматриваться. Под маской братишки.

— Деляга беспринципный. Вроде какого то Абрама.

Их сердило, что этот грубый, с глубинки, человек относился к ним презрительно.

— Умные на стройке заключенные работают, они таких как вы придурками называют, а прийдет время и станут разбирать, кто коммунизм построил — как то прораб и пошел в соседнее купе играть, — сказал им в подкидного.

Четвертый спутник, видимо, не часто ездил в плацкартном вагоне. Он большей частью сидел положив ладони на колени, словно прикрывая заплаты на штанах. Рукава его черной сатиновой рубахи кончались где то между локтями и кистями рук, а белые пуговки на вороте и на груди придавали ей вид детской, мальчуковой. Что то смешное и трогательное бывает в этом соединении белых детских пуговичек на одежде с седыми висками, с стариковских взглядом измученных глаз.

Когда прораб сказал, привычным к команде голосом:

— Папаша, пересядь от столика, я сейчас чай буду пить, — старик по-

солдатски вскочил и вышел в коридор.

В его деревянном чемодане с облупившейся краской, рядом с застиранным бельем лежала буханка крошащегося хлеба. Курил он махорку и, свернув папироску, шел подымить в тамбур, чтобы скверный дым не тревожил соседей.

Иногда спутники его угощали колбаской, а прораб как то преподнес ему крутое яичко и глоток московской.

Говорили ему "ты" даже те, кто были вдвое моложе его, а прораб все подшучивал, что "папаша" выдаст себя в столице за холостого и женится на молодой.

Как то в купе зашел разговор о колхозах и молодой экономист стал осуждать сельских лодырей.

- Я теперь убедился своими глазами, соберутся возле правления и почесываются. Пока председатель и бригадиры погонят на работу, десятым потом обольются. А колхозники жалуются, что им на трудодень при Сталине вовсе не платили, и что теперь еле, еле получают.

Профсоюзный Инспектор, задумчиво тасуя колоду карт, поддержал его:

- За что ж, им друзьям, платить, если они поставок не выполняют. Их надо воспитывать, вот, - и он покачал в воздухе большим, крестьянским, отвыкшим от работы, белым кулаком:

Прораб погладил себя по толстой груди с просаленными ленточками:

- Мы на фронте с хлебом были,накормил нас русский народ.И никто его не воспитывал.

- Вот правильно,-сказал экономист:-главное в том,что мы русские люди.

улыбаясь ,подмигнул своему дорожному приятелю: - то,что называется : русский - старший брат,первый среди равных!

- Оттого и зло берет,-проговорил молодой экономист :-ведь русские же люди!Но мне один разогнался:"липовый лист пять лет ели,с сорок седьмого года на трудодень не получали".теперь все от зависит.

Он оглянулся на седого мужика,молча слушавшего разговор,и сказал:

- Ты,папаша не сердись.Не выполняете вы трудового долга, государство вам лицом повернулось.

- Куда им,-сказал прораб:-сознательности никакой,каждый день кушать.

Разговор этот ничем не кончился,как и большинство вагонных и не вагонных разговоров.В купе заглянул, блестя золотыми зубами, майор авиации и с укором сказал молодым людям:

- Что же это вы,товарищи? А работать кто будет?

И они пошли к соседям,доигрывать пульку.

Но вот огромная дорога. Пассажиры убирают в чемоданы тапочки,выкладывают на столики куски зачерст-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

велого хлеба, обглоданные до голубизны куриные кости, куски побледневшей, окутанной шкурками, колбасы.

Вот уже прошли хмурые проводницы, собирающие мятые постельные принадлежности.

Скоро рассыпется вагонный мир. Забудутся шутки, лица и смех, и судьба, случайно рассказанная, и случайно высказанная боль.

Все ближе огромный город, столица великого государства. И уж нет дорожных мыслей и тревог. Забыты беседы с соседкой в тамбуре, где перед глазами за мутными стеклами проносится великая русская равнина, а за спиной тяжело ёкает в резервуарах вода.

Тает, возникший на несколько дней тесный вагонный мир, равный законами всем иным, созданным людьми мирам, прямолинейно и криволинейно движущимся в пространстве и времени.

Велика сила огромного города. Она заставляет сжиматься и беспечные сердца тех, кто едет в столицу погостить, порыскать по магазинам, сходить в зоопарк, в планетарий. Всякий, попавший в силовое поле, где на прянулись невидимые линии мирового города живой энергии, вдруг, испытывает смятение, томление..

Экономист едва не пропустил очереди в уборную. Сейчас на ходу, причесываясь, он прошел на свое место и оглядел соседей.

Прораб дрожащими пальцами /немало было пито в дороге/ перекладывал сметные листы.

Профсоюзный Инспектор уже надел пиджак, притих, оробел попав в силовое поле людского смятения, что то скажет ему желчная седая баба, ведающая инспекторами в ВЦСПС.

Поезд проносится мимо бревенчатых деревенских домиков и кирпичных заводов, мимо оловянных капустных полей, мимо станционных платформ с

серыми,асфальтовыми лужами от ночного дождя.Под серыми тучами провисают провода высоковольтных передач...На запасных путях стоят серые зловещие вагоны:"Станция - Бойня,Окружной дороги".

На платформах стоят пластмассовых плащах,надетых поверх пальто.

А поезд грохочет и мчится с какой то злорадной,все наростающей скоростью. Скорость эта сплющивает пространство и время.

Старик сидел у столика ,смотрел в окно,подперев кулаками виски.Много лет назад с лохматой,плохо расчесанной шевелюрой сидел вот также,у окна вагона третьего класса.И хотя исчезли люди,ехавшие вместе с ним в вагоне, забылись их лица,речи, в седой голове вновь ожило то,что,казалось,уже не существовало вовсе.

А поезд уже вошел в зеленый подмосковный пояс.Серый рваный цеплялся за ветви елей,прижатый токами воздуха струился над дачными заборами.Как знакомы эти силуэты суровых северных елей,как странно выглядят рядом с ними голубые, остроконечными крышами, разноцветные стекла террас, клумбы,засаженные георгинами.

И человек,который за три долгих десятилетия ни разу не вспомнил,что на свете существуют кусты сирени,садовые дорожки,посыпанные песком, тележки с газированной водой,-ахнул ,убедившись еще раз,по новому,что жизнь и без него,продолжалась.

2

Это телеграмма.Прочтя Николай Андреевич пожалел о данном почтальону - телеграмма очевидно предназначалась не ему, телеграмма была от двоюродного брата Ивана.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

- Маша!- позвал он, входя в переднюю в комнату.

Мария Павловна, взяв телеграмму, проговорила:

- Ты, ведь, знаешь, я без очков совершенно слепая, дай-ка мне очки.

- Вряд ли его пропишут в Москве,-сказала она.

- Ах, да оставь о прописке.

- Подумать, одни могилы.

Мария Павловна задумчиво сказала:

- Как неудачно с Соколовых. Подарок пошлем, но все равно не хорошо, ему пятьдесят лет, дата.

- Ничего, я объясню.

- И с юбилейного обеда пойдет новость по всей Москве, что Иван вернулся и с вокзала прямо к тебе.

Николай Андреевич потряс перед ней телеграммой:

- Да ты понимаешь, для моей души?

Он сердился на жену: ерунда, с которой обращалась к нему Марья Павловна возникла в его сознании еще до того, как жена заговорила с ним. Так не раз уж случалось. Он вспыхивал, видя свои слабости в ней, но не понимал, что негодует не об ее несовершенствах, а о своих собственных. А отходил он в спорах с женой так легко и быстро потому, что любил себя; прощая ей, он прощал себя.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Сейчас ему лезла в голову мысль о пятидесятилетии Соколова. И потому, что его потрясло известие о приезде двоюродного брата, его собственная жизнь, полная правды и неправды, встала перед ним, ему было стыдно жалеть о вечере у Соколовых, о симпатичном соколовском флаконе с водкой.

Он стыдился своих соображений, что придется маяться с пропиской Ивана, мысль, что всей Москве станет известно о возвращении Ивана и событие это как то да отзовется на его шансах при выборах в Академию...

А Мария Павловна продолжала мучить его тем, что случайные и мнимые, - не ставшие действительными, мысли высказывала вслух, доводила до дневной очевидности.

-Странная ты, - проговорил он: - Мне было бы приятней, когда тебя нет дома.

Слова его были обидны для нее, но она знала, что Николай Андреевич сейчас обнимет ее и скажет:

- Маша, Маша вместе будем радоваться, с кем же, как не с тобой.

И, действительно, так, он обнял ее, а она стояла с выражением терпеливым и неприятным, означавшим: "От ласковых слов удовольствия мне нет, но я потерплю."

Уже после этого глаза их встретились и чувство любви исправило все злое.

28 лет, не разлучаясь, прожили они, - трудно понять и разобраться каковы отношения людей, проживших почти треть века вместе.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Теперь, седая, она подходила к окну, глядела, как он, седой, подходил к ожидавшему у парадных дверей автомобилю. А когда то они обедали в столовке на Бронной.

- Коля, - тихо сказала Мария Павловна, - ведь Иван никогда не видел нашего Валю. Его посадили, Вали еще не было на свете, а теперь, когда он возвращается, Валя уже восемь лет в могиле.

И эта мысль поразила ее.

3.

Николай Андреевич, ожидая двоюродного брата, думал о своей жизни и готовился показаться в ней Ивану. Он представлял себе как будет показывать Ивану дом. Вот в столовой текинский ковер, черт, посмотри, красиво, ведь? У Маши хороший вкус, не секрет от Ивана кем был ее отец, а в старом Петербурге, слава богу, понимали толк в жизни.

Как говорить с Иваном? Ведь прошли десятилетия, жизнь прошла. Нет, о том и будет разговор - не прошла жизнь! Только теперь начинается она.

Да, это будет встреча! Иван приезжает в удивительное время, после смерти Сталина перемен. Они коснулись всех. И рабочих, и крестьян.

Ведь ~~жизнь в колхозах становится лучше.~~ Хлеб появился! ~~[illegible]~~ И вот Иван вернулся из лагеря. И не он один. ~~Людей не сажают. Оттепель, оттепель.~~ И в жизни Николая Андреевича произошел, многое определивший, перелом.

~~Начиная~~ Со студенческих лет Николай Андреевич испытывал на себе тяжесть неудачливости. Эта тяжесть была особенно мучительна тем, что казалась ему не справедливой. Он был образован, ~~обладал широкими интересами,~~ и много работал, ~~Его любили товарищи.~~ Он считался остроумным рассказчиком; ~~до недавнего времени~~ в него влюблялись женщины.

~~Друзья и знакомые говорили, что он совершенно порядочный человек, за долгие годы за ним нет плохого поступка.~~

Он гордился званием честного, принципиального человека, но, вообще то, был чужд постному лицемерию, - любил веселые анекдоты за ужином, отлично разбирался в сложной нумерации сухих вин, и часто, пренебрегая вином, переходил на водку. ~~Вообще же больше, чем выпить, любил он покушать.~~

Когда знакомые хвалили характер Николая Андреевича, Мария Павловна, глядя на мужа веселыми, сердитыми ~~[illegible]~~ глазами, говорила:

- Прожили бы с ним под одной крышей, вы бы узнали чудного Коленьку: ~~раздражителен~~, деспот, ~~[illegible]~~ псих, ~~[illegible]~~ а эгоист такой, какого свет не видел.

~~Но все знали, что Мария Павловна влюблена в мужа, а он об этом знал больше других.~~

~~Но они, действительно, часто ссорились.~~ Порой они ~~мучительно~~ невыносимо раздражали друг друга знанием всех слабостей, всех смешных недостатков своих. Иногда даже казалось, что легче разойтись. Но это только казалось, видимо жить друг без друга они уже не могли, или, живя порознь, ~~очень бы~~ сильно страдали бы.

Мария Павловна влюбилась в Николая Андреевича еще ~~девочкой~~ школьницей,-его голос,~~его большие плечи,его большие глаза~~,его большой лоб,большие зубы,его милая улыбка,-все казавшееся тридцать лет назад удивительным и прекрасным,с годами становилось для нее все милее.~~И милее. И теперь,когда его виски побелели и щеки немного отвисли-она продолжала обожать его,словно девушка школьница.~~

И он любил ее,но ~~любовь его была иной~~,его любовь менялась и то,что в их отношениях было когда то главным,теперь отошло,а то, казавшееся не самым значительным,заняло главное место.

Мария Павловна была когда то хороша - высокая,темноглазая. ~~она нравилась многим~~.И теперь ее движения отличались легкостью, а глаза не теряли молодой прелести. Но и в молодости,а теперь особенно,прелесть ее лица портила улыбка,-при улыбке открывались большие,выдающиеся вперед,нижние зубы. ~~и лицо ее казалось недобрым.~~

Николай Андреевич со студенческих лет болезнено ощущал свою неудачливость. ~~В своих~~ Не его тщательно подготовленные докладах, ~~на университетских семинарах, он использовал множество источников. Даже профессора удивлялись, где студент Черепанов ухитрялся откапывать мало распространенные труды второстепенных биохимиков. И всегда~~ Так а торопливое сообщение рыжего ~~маленького~~ либо пьянчужки Пыжова Радионова, ~~а не Чевапановские обстоятельные доклады~~ вызывали ~~главное~~ волнение участников студенческих семинаров....

Николай Андреевич стал старшим научным сотрудником в знаменитом научно-исследовательском институте,напечатал десятки работ, ~~его учебником пользовались студенты~~,он защитил ~~наконец~~ докторскую диссертацию.Но только жена знала какие терзания и унижения переживал Николай Андреевич. ~~Изо-дня в день,на протяжении всей своей жизни.~~

Несколько человек ,из которых один был академиком,двое занимали положение худшее,чем Черепанов,а один даже не защитил кандидатской степени были главной,живой силой его науки.Эти люди ценили Николая Андреевича,как собеседника,уважали его порядочность, но искренне, совершенно добродушно,не считали его ученым.

Николай Андреевич знал, что в счете, который вели эти люди - ему не было отведено места. Он постоянно ощущал атмосферу напряженности и восхищения,которая сопутствовала этим людям, особенно хромому Мандельштаму.

Однажды лондонский научный журнал написал о Мандельштаме-,"великий продолжатель дела создателей современной биологии". Когда Николай АНдреевич прочел эту фразу,ему показалось,-прочесть о себе подобные слова и умереть от счастья.

Мандельштам вел себя не хорошо,-он то он бывал угрюм и подавлен,то надменно объяснялся учительским тоном;выпив в гостях он начинал осмеивать знакомых ученых,называл их бездарностями, а некоторых аферистами и жучками.Эта его черта очень раздражала Николая Андреевича,-ведь ругал Мандельштам тех,с кем дружил и у кого бывал дома.И Николай Андреевич думал,что,вероятно,где нибудь,в другом доме,сидя в гостях,Мандельштам именует и Николая Андреевича жучком и бездарностью.

Раздражала его и жена Мандельштама- толстая, когда то бывшая красивой женщина,любившая,казалось,лишь азартные карточные игры,да научную репутацию своего хромого мужа.

И в то же время он тянулся к Мандельштаму, ~~нарядному и красивому~~ и ~~грубоватому~~ видел в немирятину и честность, говорил, что таким, особенным людям, не легко бывает в жизни.

Но когда Мандельштам снисходительно поучал Николая Андреевича, тот, ~~придя домой, смеялся~~ злился, страдал и ругал Мандельштама выскочкой.

Мария Павловна считала своего мужа человеком ~~необыкновенного~~, ~~выдающегося~~ большого таланта.

Николай Андреевич рассказывал ей ~~с удивлением~~ о снисходительном безразличии корифеев к его работам и все яростней становилась ее вера в него. Ее восхищение, ее вера были необходимей ему, чем водка пьянице. ~~Он никогда больше, чем в~~ ~~книгах и в словах Марии Павловны найти то, что было ему так необходимо~~ Он ~~вместе с ней~~ считал, что есть люди, которым везет ~~всегда~~ и есть такие, которым не везет, а вообще-то все одинаковы. Вот ~~он вспоминал вечную рыжую Радионова со студенческих лет~~ Мандельштам отмечен особым везением, какой то Вениамин Счастливый в ~~биохимической~~ биологической науке, а Радионов подобно оперному тенору окружен ~~пылкими~~ поклонниками, правда сходства с оперным тенором у ~~Радионова~~ курносого, ~~скуластого~~ скуластого не было никакого. Казалось и Исаакию Хавкину везет, хотя Хавкину ~~до сих пор~~ не утвердили кандидатской степени, в научные институты его по подозрению в витализме не брали даже в самые тихие времена, и он, уж седой человек, работал в районной санитарно-бактериологической лаборатории, ходил в порванных брюках. Но вот к ~~нему~~ Хавкину ~~ездят~~ стали ездить толковать академики и он ~~в~~ в жалкой лаборатории ~~ведет~~ ведет научную работу, о которой ~~многие~~ многие говорят и спорят.

Когда началась кампания по борьбе с вейсманистами, вирховианцами, менделистами Николай Андреевич был огорчен суровостью

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

мер ,принятых против многих товарищей его по работе. И он, и Мария Павловна расстроились, когда Родионов не пожелал признать свои ошибки. Родионова уволили и Николай Андреевич, ругая его за бессмысленое донкихотство, устраивал ему переводы с английского.

Почкова обвинили в низкопоклонстве перед Западом, отправили работать в опытную лабораторию (в Чкаловскую область). Николай Андреевич писал ему, посылал книги, а Мария Павловна соорудила для его семьи посылку к Новому году.

В газетах стали печататься фельетоны, разоблачавшие карьеристов, жуликов, мошеннически получивших дипломы и ученные степени; врачей, преступно жестоко обращавшихся с больными детьми и роженицами; инженеров, строивших вместо больниц и школ дачи для своей родни. Почти все разоблаченные в фельетонах были евреями и газеты с особой старательностью приводили их имена и отчества: "Хаим Абрамович", "Израиль Менделевич", "Сруль Нахманович"... Если в рецензии критиковалась книга, написанная евреем, носящим русский литературный псевдоним, то рядом, в скобках, печаталсь еврейская фамилия автора. Казалось в СССР одни лишь евреи воруют, берут взятки, разбазаривают государственные средства, преступно равнодушны к страданиям больных, пишут порочные и халтурные книги.

Николай Андреевич видел, что фельетоны эти нравятся не только дворникам и пьяным пассажирам пригородных электричек. Его эти фельетоны возмущали, но в то же время он раздражался против своих друзей евреев, относившихся к этим писулькам так, словно пришел конец света. Они жаловались, что талантливую еврейскую молодежь не принимают в аспирантуру, что евреев не принимают на физический факультет университета, не берут на работу в министерства, в Тяжелую, да и в легкую промышленность,

что окончивших ВУЗ евреев засылают на самую дальнюю периферию. Говорили, что ~~евреям~~ очень трудно попасть на работу, что под сокращение почти всегда попадают одни лишь евреи.

Конечно, все это действительно было, но евреям мерещился какой то грандиозный государственный план, обрекавший их на голод, вырождение, гибель, а Николай Андреевич считал, что дело просто в неприязненом отношении к евреям части партийных и советских работников и что отделы кадров и приемочные комиссии никаких инструкций не получают.

Да, и не одни только евреи пострадали, досталось и Чурковскому, и Радионову.

Мандельштама, возглавлявшего научную часть, сделали сотрудником в том отделе, где работал Николай Андреевич. Он мог продолжать работу, а докторская степень давала ему возможность получать большое жалование.

Но после того как в "Правде" появилась редакционная статья о театральных критиках-космополитах Гурвиче, Юзовском и других, началась широкая кампания по разоблачению космополитов во всех областях искусства и науки, и Мандельштама объявили антипатриотом. Кандидат наук Братова написала в стеной газете статью: "Иван не помнящий родства"; она начиналась словами: "Возвратившись из дальних странствий Самуилович Мандельштам решил предать забвению принципы отечественной науки"...

Николай Андреевич поехал к Мандельштаму домой, тот был тронут, печален и его надменная жена уж не казалась такой надменной. Они пили водку, Мандельштам ругал матерными словами Братову, свою ученицу, [illegible] Мандельштам, запустив руки в волосы, горевал - [illegible]

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~подлинные фамилии, деятелей искусств, в большинстве евреев~~, почему его учеников талантливых ~~молодых людей~~ мальчиков евреев гонят из науки.

- Что же им в артели итти, папиросами торговать? - спрашивал он.

- Да, не нужно волноваться, будет работа у всех, и у вас, и у Хавкина, и даже у лаборантки Анички Зильберман, - шутливо сказал Николай Андреевич: - ~~никто не пропадет~~ образуется, у всех будет хлеб, да еще с икоркой.

- Боже мой, - сказал Мандельштам, - разве ~~[illegible]~~ речь об икорке, речь о человеческом достоинстве.

Но насчет Хавкина Николай Андреевич ошибся, с Хавкиным дело повернулось в плохую сторону. Вскоре после того, как в газетах появилось сообщение о врачах-убийцах, Хавкина арестовали.

Сообщение о том, что ~~известные~~ ученые, медики ~~знаменитый~~ артист Михоэлс совершили чудовищные преступления потрясло всех. Казалось, черный туман стоит над Москвой и заползает в дома, в школы, ~~[illegible]~~ заползает в человеческие сердца.

~~[illegible]~~

В заметке "хроника" на четвертой газетной полосе было сказано, что все обвиняемые врачи признали на следствии свою вину, - значит нет сомнения, - они преступники.

И все же это казалось немыслимым, трудно было дышать, заниматься своим делом, ~~читать книги~~, зная о том, что профессора, академики, ~~знаменитый артист~~ Жданова и Щербакова стали убийцами, отравителями.

~~И хотя они сознались, в глубине души жило сомнение - все это не так.~~

Николай Андреевич ~~стоило~~ вспоминал милого Вовси, ~~обаятельного человека~~ замечательного артиста Михоэлса и казалось невероятным, немыслимым преступление в котором их обвиняли.

Но ведь они признались! Если они не виновны, а признали себя ~~[illegible]~~ виноватыми, надо предпологать другое преступление, еще более ужасное, чем то в котором их обвиняли, - преступление против них.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Даже думать об этом было старшно. Надо было обладать отвагой, чтобы усумниться в их вине, - ведь тогда преступники ~~те, кто создали~~ руководители ~~великое~~ социалистического государства, тогда преступник Сталин.

~~Николай Андреевич был подавлен всеми этими событиями.~~ Знакомые врачи рассказывали, что работать в больницах и поликлиниках стало мучительно ~~исключительно~~ тяжело. Больные под влиянием ужасных официальных сообщений сделались ~~[illegible]~~ подозрительными, многие отказывались лечиться у врачей евреев. Лечащие врачи рассказывали, что от населения поступает масса жалоб и доносов на умышленно недобросовестное лечение. ~~Работники бактериологических лабораторий по десять раз проверяли результаты анализов.~~ В аптеках ~~[illegible]~~ покупатели подозревали фармацевтов в попытках подсунуть им ядовитые лекарства; в трамваях, на базарах, в учреждениях рассказывали, что в Москве закрыто несколько аптек, в которых аптекари евреи - агенты Америки продавали пилюли с высушенными вшами; рассказывали, что в родильных домах заражают новорожденых и рожениц сифилисом, а в зубоврачебных амбулаториях прививают больным рак челюсти и языка. Рассказывали о спичечных коробках со смертельно ядовитыми спичками. Некоторые люди вспоминали обстоятельства смерти давно умерших родственников, писали заявления в органы безопасности с требованием расследований и привлечения к ответственности евреев врачей ~~из больниц и поликлиник.~~ Особенно ~~[illegible]~~ печально было, что всем этим слухам верили не только дворники, полупьяные и полуграмотные грузчики и шоферы, ~~[illegible]~~ но и некоторые доктора наук и ~~профессора~~ писатели, инженеры, ~~артисты~~ студенты.

Эта ~~[illegible]~~ всеобщая подозрительность казалась Николаю Андреевичу ~~ужасной~~ невыносимой. Лаборантка - большеносая Анна Наумовна - приходила на работу бледная, с сумашедшими, расширенными ~~[illegible]~~ глазами; однажды она рассказала, что ее квартирная соседка, работавшая в аптеке по рассеянности отпустила больному не то лекарство и когда ее вызвали для объяснений, охваченная ужасом, покончи-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ла самоубийством, оставив двух сирот - дочь студентку музыкального техникума и сына школьника. Анна Наумовна теперь на работу ходит пешком - в трамваях пьяные затевали с ней разговоры о евреях врачах, убивших Жданова и Щербакова.

Николай Андреевич испытывал гадливое чувство к новому директору Института Рыськову. Тысков говорил, что пора очистить русскую науку от не русских имен, однажды сказал: "пришел конец жидовской синагоге, если бы вы только знали, как я их ненавижу."

И в то же время Николай Андреевич не мог преодолеть невольного радости, когда Рыськов сказал ему: "Ценят вашу работу товарищи в Цека, работу большого русского ученого".

Мандельштам уже не работал в институте, а устроился методистом в учебном комбинате. Николай Андреевич приглашал его к себе, заставлял жену звонить Мандельштамам по телефону. Мандельштам стал нервен, подозрителен и Николай Андреевич был рад, что Марк Самуилович оттягивал их встречи, все они становились тягостней. В такое время приятней встречаться с жизнерадостными людьми.

Когда Николай Андреевич узнал об аресте Хавкина, он оглянувшись на телефон шепотом сказал жене:

- Я убежден в невиновности Исаака, знаю его тридцать лет.

Она, вдруг, обняла его, погладила по голове.

- Горжусь я тобой, - сказала она, - сколько душу ты тратишь на Хавкина и Мандельштама, и только я знаю, сколько обид они тебе причинили.

А время было трудное. Николаю Андреевичу пришлось

выступать на митинге о врачах убийцах, говорить о бдительности, о ~~том, что в Институте нельзя терпеть~~ ротозейства и благодушия. После ~~второго~~ митинга Николай Андреевич разговорился с сотрудником сектора физиологической химии профессором Марголиным, тоже выступавшем с большой речью. Марголин требовал смертной казни для преступников врачей, огласил текст приветствия Лидии Тимашук, разоблачившей врачей-убийц ~~[illegible]~~ и награжденной ~~[illegible]~~ орденом Ленина. Этот Марголин был силен в марксистской философии, он ~~и~~ руководил ~~кружком~~ занятиями по изучению четвертой главы "Краткого курса".

- Да, ~~[illegible]~~ Самсон Абрамович, -сказал Николай Андреевич, -трудное времячко. И мне не ~~очень~~ легко, но каково вам выступать на эти темы?

Марголин поднял тонкие брови и вытянув тонкую, бледную нижнюю губу, спросил:

- Простите, я не совсем понимаю, что именно вы имеете ввиду?

- Да, так, вообще ~~[illegible]~~, -~~[illegible]~~ сказал Николай Андреевич: - ну, знаете, Вовси, Этингер, Коган, кто бы мог ~~подумать~~ предположить, я лежал у Вовси в клинике, персонал его ~~[illegible]~~ любил, а больные верили, как Магомету.

Марголин подняв худое плечо, пощевелил бескровной бледной ноздрей, сказал:

- А, понял: вы ~~видно~~ считаете, что мне, ~~как~~ еврею, ~~должно быть тяжело говорить о~~ неприятно клеймить этих извергов? Наоборот, именно мне ~~Я всегда презирал еврейское мещанство и мне всегда~~ особенно омерзителен ~~был~~ еврейский национализм. А если евреи, тяготея к Америке, ~~представляют опасность для~~ становятся препятствием в движении к коммунизму, то мне ~~не жаль никого~~, не только себя, родной дочери не ~~пожалею~~ жалко.

Николай Андреевич понял, что ~~напрасно описывает Марголину~~ зря рассказал о любви ~~персонала~~ ротозеев-больных к Вовси, - уж если человек родной дочери не жалеет, то с ним следует говорить чеканными формулировками.

~~- Да, да, да, -сказал он, -если бы все проявляли сознательность, подобную вашей, то бандиты не сумели бы обманывать ротозеев.~~

~~- Я не исключение, - сказал Марголин.~~

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

- Еще бы, сказал Николай Андреевич, сказал: - Еще бы, - обреченность врага в нашем морально политическом единстве.

Да, это было трудное тяжелое время и одно лишь утешало, что работа Николая Андреевича; работа его шла хорошо.

Он словно впервые вырвался из узкого цехового пространства и вторгся в живые области, куда его раньше не допускали. Люди стали тянуться к нему, искали его советов, радовались его отзывам. Обычно равнодушные редакции научных журналов начали проявлять интерес к его статьям, ему; как то позвонил из ВОКСа учреждения, которое никогда не обращалось к Николаю Андреевичу, и попросил прислать рукопись еще неоконченной книги, - ВОКСу хотелось, заранее поставить вопрос об издании ее в странах народной демократии.

Николай Андреевич по особому, глубоко, волнуясь, воспринимал приход успеха. Мария Павловна была спокойней его. случилось лишь то, что не могло, по мнению Марии Павловны, не случиться.

А перемен в жизни Николая Андреевича становилось все больше. Новые люди, возглавившие институт и выдвигавшие Николая Андреевича все же не нравились ему, кое что отталкивало его от них - их грубость и необычайная самоуверенность, их манера обзывать

научных противников - низкопоклонниками, космополитами, агентами капитала, наймитами империализма. Но он умел видеть в новых модах главное, - дерзость, силу.

Неправ был, кстати, Мандельштам, назвавший их безграмотными идиотами, "догматическими жеребцами". В них не узость была, а страсть, целеустремленность, идущая к жизни и рожденная жизнью. Поэтому они и ненавидели талмудистов, абстрактных теоретиков.

И они, новые начальники в Институте, чувствуя в Черепанове человека с иными взглядами, привычками, все же относились к нему хорошо, доверяли ему, чесному человеку! Он получил теплое письмо от Лысенко, тот высоко оценивал его рукопись, предлагал ему сотрудничать.

Рыськов предлагал Николаю Андреевичу выступить с научным развенчанием из биологической науки космополитов. Николай Андреевич отказывался, хотя видел недовольство директора, тому хотелось, чтобы общественность услышала гневный голос беспартийного русского ученого.

А в это время ходили слухи, что в Восточной Сибири, в тайге, спешно строится огромный барачный город. Говорили, что эти бараки строятся для евреев. Их вышлют также, как уже выселили калмыков, крымских татар, болгар, греков, немцев Поволжья, балкарцев и чеченцев.

Николай Андреевич понял, что зря сулил Мандельштаму бутерброды с икрой.

Он волновался, ожидая процесса врачей-убийц. Утром он оглядывал газетные листы - не началось ли? Так же, как и все, он гадал будет ли процесс от-

(Вставка II (на обороте)

Вставка II

— крытым и часто спрашивал жену:

— Как ты думаешь, процесс будут публиковать изо дня в день, с прокурорской речью, с допросами, с последним словом подсудимых, или дадут только сообщение о приговоре Военной Коллегии? — ~~Верховного~~ ~~Суда?~~

Вставка I

Николай Андреевич плохо относился к ~~работам~~ лысенковским теориям, ~~Лысенко~~ но письмо от знаменитого академика-агронома было ему приятно. Да и в работе Лысенко ~~[illegible]~~ не следовало огульно отрицать. Да и слухи о том, что он ~~[illegible]~~ очень опасен для своих научных противников и любит прибегать к ~~административным~~ полицейским аргументам и доносам в научном споре, видимо, были преувеличены.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Под страшным секретом Николаю Андреевичу (однажды) рассказали, что ~~предполагается~~ врачей казнят всенародно на Красной Площади, ~~что~~ после ~~казни~~ чего по стране, видимо, прокатится волна еврейских погромов и что к этому времени ~~и будет приурочена массовая~~ приурочивается высылка евреев в тайгу и в ~~пустыню~~ Кара-Кумы на строительство Туркменского канала. Эта высылка будет предпринята в защиту евреев от справедливого, но беспощадного народного гнева. В этой высылке скажется ~~великий~~ вечно живой дух интернационализма, который, понимая гнев народа, всё же не может допустить массовых самосудов и расправ.

Как и всё, что совершалось в стране и это стихийное возмущение против ~~страшных~~ кровавых преступлений евреев, было заранее задумано, запланировано, ~~разработано во всех подробностях.~~

Вот так же ~~заранее~~ задумывались Сталиным, ~~планировались~~ выборы в Верховный Совет, - заранее ~~за много месяцев~~ собирались объективки, назначались депутаты, а затем уже планово шло стихийное выдвижение кандидатов, ~~обсуждение их,~~ агитация за них, и, наконец, наступали всенародные выборы, ~~тех, кто давно уже был назначен~~ в депутаты ~~на избрание.~~ Вот так же ~~планировались,~~ назначались стихийные митинги протеста, взрывы народного гнева и ~~стихийные~~ проявления братской дружбы, вот так же за много недель до праздников ~~писались и~~ утверждались репортажи с Красной Площади: "В эту минуту я гляжу на ~~быстро движущиеся по площади~~ мчащиеся танки..." Вот так же заранее ~~планировалась,~~ назначалась личная инициатива Изотова, Стаханова, Дуси Виноградовой, ~~назначались всенародные движения~~, массовые вступления в колхозы, назначались и отменялись легендарные герои гражданской войны, назначались требования рабочих выпустить займы, требование работать без выходных, вот так же ~~заранее~~ назначалась всенародная любовь к вождю, заранее назначались тайные агенты заграницы, диверсанты, шпионы, а затем уже в процессе сложных, остроумных перекрестных допросов ~~очных ставок~~ подписывались протоколы, в которых еще недавно не подозревавшие о своей принадлежности к контрреволю-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ционному охвостью бухгалтеры, инженеры, юристконсульты признавались в многолетней и многогранной террористической и шпионской работе. Вот так же назначались великие писатели любимые народом, вот так же назначались тексты писем, которые матери деревянными голосами зачитывали перед микрофоном, обращаясь к своим сыновьям солдатам, вот так же назначались участники свободных дискуссий, если почему либо нужны были свободные дискуссии и заранее составлялись и согласовывались речи участников этих свободных дискуссий.

И вдруг, пятого марта умер Сталин. Эта смерть вторглась в гигантскую систему механизированного энтузиазма, назначенного по указанию райкома, всенародных выборов в Верховный Совет, исход которых был определен заранее составленной директивой.

Сталин умер беспланово, без соответствующих указаний, директивных органов, Сталин умер без личного указания самого товарища Сталина. В этой свободе, своенравии смерти было нечто динамитное, противоречащее самой сокровенной сути государства. Смятение охватило умы и сердца.

Сталин умер! Одних объяло чувство горя, - в некоторых школах педагоги заставляли школьников становиться на колени и сами стоя на коленях, обливаясь слезами, зачитывали правительственное сообщение о кончине вождя. На траурных собраниях в учреждениях и на заводах многих охватывало истерическое состояние, слышались безумные женские выкрики, рыдания, некоторые падали в обморочном состоянии. Умер великий бог, идол двадцатого века и женщины рыдали...

Других объяло чувство счастья. Деревня, изнывавшая под чугунной тяжестью сталинской руки, вздохнула с облегчением.

Ликование охватило многомилионное население лагерей.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

...Колонны заключенных в глубоком мраке шли на работу. Рев океана заглушал лай служебных собак. И вдруг, словно свет полярного сиянья замерцал по рядам: Сталин умер! десятки тысяч заключенных шепотом передовали друг другу: "Подох, подох..." и этот шопот тысяч и тысяч загудел, как ветер.

...Черная ночь стояла над полярной землей. Но лед над Ледовитым океаном был взломан и океан ревел.

Немало было ученых людей и рабочих людей соединивших при этом известии в своих сердцах и горе, и ~~светлое облегчение~~, ~~смутную печаль и новую надежду на будущее, и желание плакать~~, и желание плясать от счастья.

Смятение пришло в тот миг, когда радио передало бюллетень о здоровьи Сталина: дыхание Стейн Стокса.. моча... пульс... кровяное давление.

Обожествленный владыка, вдруг, обнаружил свою старческую немощную ~~дряблую~~ плоть...

Сталин умер! В этой смерти был элемент свободной, ~~непреодолимой~~ внезапности, бесконечно чуждой природе сталинского государства.

Эта внезапность заставила ~~сосредоточиться~~ содрогнуться государство, так, как содрогнулось оно после внезапности обрушившейся на него в 4 часа утра 22 июня 1941 года.

Миллионы людей хотели видеть усопшего. В день похорон Сталина не только Москва, но и области, районы устремились ~~к Дому~~ к Дому Союзов. Очередь перефирийных грузовиков вытянулась на многие километрн. ~~по шоссе, ведущим к Москве.~~ Затор движения достиг Серпухова, затем паралич ~~охватил~~ сковал шоссе между Серпуховым и Тулой.

Миллионные ~~людские~~ пешие толпы ~~устремились~~ шли к центру Москвы. Потоки людей, подобно черным зимним рекам, сталкивались, ~~на площадях~~,

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~хрустские людские потоки, волны и водовороты~~ расплющивались о камень, кромсали машины, ~~вырывали~~ ~~домали~~ ~~деревья~~, ~~вы~~рывали ~~из~~ с петель ~~чужие~~ чугунные ворота. В этот день погибли тысячи. День коронации царя на Ходынке померк по сравнению с днем смерти земного русского бога - рябого сына сапожника из городка Гори.

Казалось люди шли на гибель в состоянии ~~какой-то~~ очарованности, в христианской буддиской мистической обреченности. Словно бы Сталин, великий чабан, добирал недобранных овечек, ~~исправлял~~ посмертно ~~сглаживал внезапность~~, выбрасывал элемент случайности из своего грозного генерального плана.

~~Конечно, дело было в неорганизованности, в растерянности, в неподготовленности тех, кому надлежало предвидеть колоссальность похорон, направить движение людских толп.~~

Собравшись на заседание ~~они~~ соратники Сталина читали чудовищные сводки московской милиции, ~~больниц~~, моргов и переглядывались. Их растарянность была связана с ~~совершенно~~ новым для них чувством - отсутствием ужаса перед неминуемым гневом великого Сталина. Хозяин был мертв.

~~Сталин умер!~~

Пятого апреля Николай Андреевич разбудил утром жену, отчайно крикнул:

- Маша, врачи не виноваты! Маша, их пытали!

Государство признало свою страшную вину, - признало, что к заключенным врачам применялись недозволенные методы на допросах.

После первых минут счастья, радости, ~~необычайной~~ светлой душевной легкости Николай Андреевич неожиданно ощутил какое-то незнакомое, впервые в жизни пришедшее, ~~тяжелое~~ мутное, томящее чувство.

Это было новое, особое, странное чувство вины за свою душевную слабость, за свое выступление на митинге, за свою подпись под коллективным письмом,

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

клеймящим врачей извергов, за свою ~~внутреннюю~~ готовность согласиться с заведомой неправдой, за то, что это согласие ~~с неправдой~~ рождалось в нем добровольно, искренне, в глубине души.

Правильно ли он жил? Действительно, как все вокруг считают, был он честен? А в душе всё слилось покаянное, ~~мучительное,~~ томящее чувство.

В тот час, как божественно непогрешимое государство ~~заявило о своей греховности, несовершенстве,~~ покаялось в своем преступлении Николай Андреевич почувствовал его смертную земную плоть, - у государства, как и у Сталина были сердечные перебои, ~~повышенное кровяное давление, прерывистое дыхание~~, белок в моче.

Божественность, непогрешимость бессмертного государства оказывается не только подавляли человека, они и защищали его, утешали его немощь, ~~поддерживали его слабость~~, оправдывали ничтожество; государство перекладывало на свои железные плечи весь груз ~~человеческой убогости,~~ ответственности, освобождало людей от химеры совести.

И ~~сейчас~~ Николай Андреевич почувствовал себя словно бы раздетым, словно бы тысячи чужих, ~~любопытствующих~~ глаз смотрели на его ~~мерзнущее, стынущее под северным ветром~~ голое тело.

И самое неприятное, что и он стоял в толпе, смотрел на себя голого, вместе со всеми брезгливо разглядывал свои по бабьи свисающие ~~волосатые~~ цицьки, мятый, раздавшийся от большой еды, живот, ~~толстые~~ жирные ливерные складки на боках.

Да, у Сталина ~~неожиданно~~ оказались перебои и нитевидный пульс, государство, оказывается, выделяло мочу, и Николай Андреевич увидел себя ~~ходящим~~ голым под своим коверкотовым ~~пиджаком и коверкотовыми брюками.~~ костюмом.

Ох, и неприятно ~~это~~ всем оказалось ~~дело: кряхтя, морщась, сплевывая, рассматривать самого себя голым, обнаженным~~ это саморазглядывание:.

Неимоверно паскудным оказался мерзостный список.

В него были вписаны и общие собрания, и заседания Ученого Совета, и торжественные заседания, и производственные заседания, и лабораторные летучки, и статейки, и письма, и две книги, и банкеты, и хождения в гости к плохим и важным, и голосования, и беседы, и доклады, и застольные шутки, и торжественные тосты, и деловые разговоры с директором, с завотделами кадров, с секретарем партийной организации, и подписи под письмами, обращениями, и прием у министра.

Но в свитке его жизни было немало и иных писем: тех, что не были написаны, хотя бог велел их написать. Было молчание там, где бог велел сказать слово, был телефон, по которому обязательно надо было позвонить и не было позвонено, имелись посещения, которые грех было не совершить и которые не были совершены, были не посланные деньги, телеграммы, посылки. Многого, многого не было в списке его жизни.

И отныне нелепо было теперь, голому, когда умер от инсульта Сталин, гордиться тем, чем он всегда гордился, - что никогда не донес он, что однажды вызванный к следователю на Лубянку, он отказался давать компромитирующие сведения об арестованном сослуживце, что столкнувшись на улице с женой высланного товарища, он не отвернулся, а спросил о здоровьи детей, пожал ей руку, сказал: "Если поедете к нему в лагерь, передайте ему мой привет."

Чем уж гордиться...

Вся его жизнь была заполнена великим послушанием и не было в ней непослушания.

Вот и с Иваном, ведь почти 30 лет Иван скитался по тюрьмам и лагерям, и Николай Андреевич всегда гордившийся тем, что не отрекся от Ивана, ни разу за эти десятилетия не написал ему письма. А ведь он мог бы не только написать, мог бы и прие-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

хать повидать Ивана. Когда Иван писал Николаю Андреевичу, а делал он это раз в несколько лет, Николай Андреевич сам не отвечал на письма, а просил отвечать старуху тетку, двоюродную сестру Ольгу. Всё это казалось законным, естественным, и вдруг, затревожило, заскребло.

Вспомнилось ему, что на митинге, созванном в связи с политическими процессами 1937 года, он голосовал за резолюцию, требовавшую смертной казни для Рыкова, Бухарина. 17 лет он не вспоминал об этих митингах и вот вспомнил о них.

Странным, безумным казалось, что профессор горного института, фамилию которого он забыл и поэт Пастернак отказались голосовать за смертную казнь Бухарина. Ведь государство объявило Бухарина и Рыкова виновными, и так просто было поддержать государство, немыслимым, нелепым было усумниться. Ведь сами злодеи признались, подробно рассказали о своих делах. Ведь их публично допрашивал образованный, университетский человек Андрей Януарович Вышинский. Ведь не было сомнения в их вине, ни тени сомнения!

Но вот теперь-то Николай Андреевич вспомнил, что сомнение было. Он лишь делал вид, что не было сомнения. Будь сомнение, он всё равно голосовал бы за смертную казнь. Ведь даже будь он в душе уверен в совершенной невиновности Бухарина, и Рыкова, он всё равно бы голосовал за смертную казнь. Ему было легче не сомневаться и голосовать, вот он и не сомневался. Притворился перед самим собой, что не сомневался. А не голосовать он не мог, он ведь действительно верил в великие цели партии Ленина-Сталина. Он ведь верил, что впервые в истории построено социалистическое общество без частной собственности, социалистическое общество, что для осуществления социализма необходима диктатура государства. Усумниться в виновности Бухарина, отказаться голосовать, значило усумниться в могуществе государства, в его честности, в его

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

великих целях.

Но ведь, где-то в глубине души, жило сомнение.

Социализм ли это - вот с Калымой, с людоедством во время коллективизации, с гибелью миллионов людей. Ведь бывало, что совсем другое лезло в тайную глубину сознания, - уж очень безчеловечен был террор, уж очень велики страдания рабочих и крестьян.

Да, да, в великом послушании прошла его жизнь, в страхе перед голодом, пыткой, сибирской каторогой, смертной казнью. Но был и особенно подлый страх, - вместо зернистой икры получить кетовую. И этому страху служили и юношеские мечты, и вера - лишь бы не сомневаться, лишь бы без оглядки голосовать, подписывать, участвовать во имя веры, а не во имя спасения своей шкуры.

И вдруг, государство дрогнуло, пробормотало, что врачей пытали. А завтра государство признает, что пыткам подвергли Бухарина, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Пятакова, что Максима Горького не убили враги народа. А послезавтра государство признает, что миллионы честных и чистых были зря погублены.

И окажется, что не всесильное, непогрешимое государство берет на свою совесть все содеянное, а отвечать приходится Николаю Андреевичу, а он то довел себя до того, что сомневался, он за всё голосовал, подо всем подписывался. Он то довел себя до того, что сомневаясь, заставлял себя притворяться перед самим собой. Он научился так хорошо, ловко притворяться перед самим собой, что никто, никто, и он сам, не замечали этого притворства. Он искренно гордился своей чистотой.

Мучительное чувство, терзания совести, презрение к самому себе минутами бывали так велики, что у него возникал горький, уп-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

рек к государству - зачем, зачем оно призналось, лучше бы молчало. Пусть всё остается по прежнему.

Каково-то было профессору Марголину, который заявил, что не только врачей убийц, но и собственных детей, он готов умертвить ради ~~торжества~~ великого дела интернационализма.

Невыносимо брать на ~~себя~~ свою совесть многолетнюю подлость, ~~рабство, трусость.~~

Но постепенно ~~невыносимое~~ чувство стало успокаиваться. Всё, казалось, изменилось и в то же время ничто не изменилось.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

крытым и часто спрашивал жену:

- Как ты думаешь, процесс будут публиковать из-дня в день, с прокурорской речью, с допросами, с последним словом подсудимых, или дадут только сообщение от Военной Коллегии Верховного Суда ?

Пятого марта умер Сталин. Смятение охватило умы и сердца. Одни плакали, другие были счастливы. Рассказывали, что в лагерях заключенные ликовали, ждали свободы. Огромное потрясение чувствовалось во всем.

Пятого апреля Николай Андреевич разбудил утром жену, отчайно крикнул:

- Маша, врачи не виноваты! Маша, их пытали!

После признания государством, своего страшного преступления, (после оправдания врачей, у Черепанова, так же, как и) возникло ощущение вины за свою душевную слабость, за свои выступления на собраниях, за свою подпись под коллективным письмом, клеймящим ученых-извергов в белых халатах, за то, что он минутами верил и не верил, за свою готовность согласиться с заведомой неправдой. Правильно ли он жил? Действительно, как все вокруг считают, был он честен? В душе возникало то и дело, какое то покаянное, мучительное, томящее чувство. Но постепенно оно улеглось. Жизнь пошла дальше. Все, казалось, изменилось и в то же время ничто не изменилось. Люди особенно энергично проводившие ужасную политику в последние годы жизни Сталина, постепенно стали отходить от дел; шутя говорили : они стоят под парами, на запасных путях...

Работать в институте стало несравненно легче, спокойнее. Особенно это почувствовалось, когда Рыськов вызвал недовольство высших инстанций своей грубостью и был снят с поста директора

Николай Андреевич. Успех о котором мечтал, наконец, пришел, - это был не ведомственный, не министерский, а настоящий большой

успех. Он чувствовался во многом, - в журнальных статьях, в высказываниях участников научных конференций, (в восхищенных взглядах научных сотрудниц и лаборанток), в письмах, которые стал он получать.

Николай Андреевич был выдвинут в Высший Ученный Совет, а вскоре Президиум Академии утвердил его научным руководителем Института.

Николай Андреевич хотел вновь привлечь (космополитов и идеалистов) изгнаных, но оказалось невозможным переспорить начальника отдела кадров, милую и хорошенькую, но черезвычайно упрямую женщину.

Единственно, что удалось сделать - это предоставлять уволенным внештатную работу.

И теперь, глядя на Мандельштама, Николай Андреевич думал, - неужели, об этом жалком и беспомощном человеке, приносящем в институт пачки переводов и аннотаций, несколько лет назад писали заграницей, как о крупнейшем, чуть ли не великом ученом. Неужели его одобрения так страстно жаждал Николай Андреевич?

Раньше Мандельштам одевался неряшливо, а теперь приходил в Институт в своем лучшем костюме. Николай Андреевич пошутил по этому поводу и Мандельштам сказал: "актер без ангажемента должен быть всегда хорошо одет".

И вот теперь, вспоминая прошлую жизнь, странно, горько и радостно было думать ему о встрече с Иваном. В семье когда то установился взгляд, что Ваня превосходит всех своих сверстников и по уму, и в талантах, - и сам Николай Андреевич уверился в этом, собственно не уверился, в глубине

души совсем не уверился, но покорствовал.

Ваня с легкой быстротой прочитывал математические и физические книжищи, разбирался в них, не по ученически покорно, а всегда по-своему, странно; ~~он поражал ученых математиков и физиков внезапными, неожиданно простыми и острыми выводами.~~ С детских лет он обнаруживал способности к лепке, умел довольно живо передать в глине подмеченные в жизни выражение лица, странный жест, особенность движения. Рядом с интересом к математике, и это было уж совсем необычайно, в нем жила тяга к древнему Востоку, он хорошо знал литературу о парфянских рукописях и памятниках.

С детства в характере его странно сочетались, казалось, никогда не объединявшиеся в одном человеке, черты.

Маленьким реалистиком, он в драке разбил в кровь своему противнику голову и его двое суток продержали в участке. А вместе с тем, он был робок, застенчив, чувствителен, и у него имелась в закуте под домом больница, где жили убогие животные, собака с отрубленной лапой, слепой кот, печальная галка, с выдернутым из плеча крылом.

~~Николай Андреевич вспоминал, что~~ С студентом Иван так же странно соединял в себе деликатность, доброту, застенчивость с безжалостной резкостью, заставляющей даже близких людей таить на него обиду.

Возможно, эти особенности характера и привели к тому, что не оправдал Иван надежд - жизнь его сломалась, а уж он сам ее доломал до конца.

~~Ведь препятствия, на которые жаловались неудачники, не сумевшие победить в жизни, не стояли перед Иваном.~~

В двадцатые годы многие способные молодые люди, не смогли учиться из за своего социального происхожде-

ния, - детей дворян, царских военных, священников, фабрикантов и торговцев не принимали в вузы. Ивана приняли в университет, - он происходил из трудовой интеллигентной семьи. Легко прошел он жестокую чистку по классовому признаку.

И случись Ивану сейчас начать жизнь, нынешние жестокие трудности, связанные с пятым пунктом анкеты, с национальностью, никак бы не коснулись его.

Но начни свою жизнь Иван теперь, он, вероятно, бы снова пошел путем неудач.

Значит, дело было не во внешних обстоятельствах. Неудачная, горькая судьба Ивана зависила от Ивана.

В Университете его Он в кружке по изучению философии вел жестокие спора с преподавателем диамата. Споры продолжались, пока кружок прикрыли.

Тогда Иван выступил в аудитории, против диктатуры, объявил, что свобода есть благо, равное жизни и, что ограничение свободы калечит людей, подобно ударам топора, обрубающим пальцы, уши, а уничтожение свободы равносильно убийству. После этой речи его исключили из Университета и выслали на три года в Семипалатинскую область.

С тех пор прошло около 30 лет и за эти десятилетия Иван, пожалуй, не больше года был на свободе. В последний раз Николай Андреевич видел его в 1936 году, незадолго до нового ареста, после которого он уж без перерывов провел 19 лет в лагерях.

Долго помнили его товарищи детства и студенческих лет, говорили: "быть Ивану бы теперь академиком", "да, был он все же особый чело-

век, но, конечно, ~~сумасшедший~~ не повезло ему." А некоторые говорили: "Все же он сумасшедший".

~~Но, естественно, вспоминали его все реже.~~ Аня Замковская, любовь Ивана, помнила о нем, пожалуй, дольше других, ~~она даже писала ему, а выйдя замуж, встречая Николая Андреевича, спрашивала жив ли, пишет ли еще Иван.~~

Но время сделало свое дело и Аня, теперь уже болезненая, седеющая Анна Владимировна, ~~жена академика, [illegible]~~, не спрашивала, при встречах в театре, или осенью в Теберде, об Иване.

Из сознания людей, из их горячих и холодных сердец, он ушел, ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ существовал ~~[illegible]~~ скрытно, все трудней ~~и реже~~ появлялся в памяти, знавших его. ~~сознании, в форме: "он был".~~

А время работало, не торопясь, добросовестно, - человек сперва выписался из жизни, перекочевал в память к людям, потом и в памяти потерял прописку, ушел в подсознание и теперь возникал редко, как ~~[illegible]~~ Ванька-Встанька, пугал неожиданностью своего внезапного, секундного появления.

А время все работало, да работало, свою наредкость простую земляную, работу и ~~человек~~ Иван уж занес ногу, чтобы перебраться из темного погребка подсознания своих чувств на постоянное жительство в небытие, в вечное забвение.

Но пришло новое, послесталинское время, и судьба судила ~~[illegible]~~ Ивану шагнуть вновь в ту самую жизнь, которая уже утратила и мысль о нем, ~~и чувство, связанное с ним~~ и зрительный его образ.

4

~~Ивана Григорьевича Черепановы ожидали до вечернего часа. Мария Павловна, это изредка случается с людьми скупыми, на этот раз с широтой, превосходящей широту щедрость размашистых натур, приготовила бога~~

~~Ратый обед. Но обед давно уже остыл, пломбир поток в холодильнике, а Иван Григорьевич, не появлялся.~~

Он пришел ~~в десятом часу~~ лишь к вечеру.

В этой встрече смешалось и сегодняшнее,- досада о перестоявшемся богатом обеде, тревога, ~~где положить гостя спать, и то, что десятилетиями сокровенно живет в глубине души, и вопросы - когда пришел поезд~~ и восклицания о седой голове, о прожитой жизни, морщинах. ~~И давние, ушедшие горести и мысли~~...И ~~вновь~~ увлажнились глаза Николая Андреевича ~~забытым горем~~ - так в глинистых сухих оврагах, вдруг, ~~[illegible]~~ зашумит послегрозовая вода, и заплакала Мария Павловна, вновь ~~с Иваном Григорьевичем~~ хороня сына.

Не сходны были с миром паркетных полов, книжных шкафов, картин, люстр ~~с хрустальными подвесками~~ ~~Было в Иване Григорьевиче многое такое, что делало его не сходным с миром, в который он только что шагнул, - в его~~ темном морщинистом лице, ~~в его глазах и руках, в его~~ ватник, ~~и~~ неловко ступавших солдатских ботинках человека из лагерного царства.

~~Не сходны с миром паркетных полов, книжных шкафов, люстр с хрустальными подвесками - шершавых, сосновых нар, желтый снег возле проходной, керосиновая лампочка без стекла, хриплый лай служебных собак, лагерных котелков и ложек с продырявленной ручкой...~~

Подавляя волнение, глядя затуманеными слезами глазами на двоюродного брата ~~ее~~ Иван Григорьевич сказал:

- Николай, прежде всего вот что : у меня к тебе не будет никаких просьб - ни о прописке, ни о деньгах и обо всем прочем. Кстати я уже в бане побывал, зверья не занесу.

~~Николай Андреевич воскликнул:~~

~~- Ваня!~~

~~Но Иван Григорьевич перебил его:~~

~~- Что ж тут такого ? Я потому и опаздал,- побывал в бане, а ватник и брюки провалили в вошебойке, я вам Маруся никакого зверья не занесу.~~

Николай Андреевич, утирая глаза, стал смеяться:

- Седой, в морщинах, и тот же, тот же наш Ваня, тот же.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~- Какой?~~

~~Николай Андреевич~~ И он сделал в воздухе округлый жест, а затем проткнул этот воображаемый круг пальцем. ~~и проговорил:~~

- Невыносимый, прямой, как оглобля, и вместе с тем, черт тебя знает, добрый, ~~нежный.~~

Мария Павловна ~~торжественно~~ спокойно посмотрела на Николая Андреевича, - она утром доказывала мужу, что Ивану Григорьевичу лучше помыться в бане, ~~дома~~, в ванне никогда так не помоешься, да и после мытья Ивана ванну не отмоешь ни кислотой, ни щелоком.

~~Теперь Мария Павловна сказала:~~

~~- Ваня знает, что ~~ванна~~ ничто не сравнится с настоящей русской баней. А ты уж кидался на меня, как будто не понимаешь, что ванну легко можно и кислотой, и щелоком отмыть.~~

~~- Водки ты, конечно, не пьешь? - спросил Николай Андреевич.~~

~~- Нет, отчего же, с удовольствием.~~

В пустом разговоре была не только пустота, - улыбки, взгляды, движения рук, покашливание, все это помогало раскрывать, объяснять, понимать на-ново.

Николаю Андреевичу очень хотелось рассказать о себе, хотелось больше, чем вспоминать детство и перечислять умерших родных, больше чем расспрашивать Ивана. Но так, как он был воспитан, то есть умел делать и говорить не то, что хотелось, он сказал:

~~- По правде говоря~~ - Надо бы нам поехать куда нибудь ~~[illegible]~~ на дачу, где нет телефонов и слушать тебя неделю, месяц, два.

Иван Григорьевич представил себе, как сидя в дачном кресле, ~~кушая бутерброды с икрой~~ и попивая винцо, он стал бы рассказывать о людях, ушедших ~~под северным сиянием~~ в вечную тьму. Судьба многих из них казалась так пронзительно печальна и даже самое нежное, самое тихое и доброе слово, сказанное о них было бы как прикосновение шершавой, тупой рукой к обнажившемуся, растерзаному сердцу. Нельзя было касаться их.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

И, качая головой, он ~~медленно~~ сказал:

~~Современная Шахерезада~~, сказки тысячи и одной полярной ночи.

Он был взволнован, ~~все всматривался в двоюродного брата~~. Где же он, Коля: тот ли ~~худенький~~ в потертой сатиновой рубахе, с английской книжкой под мышкой, веселый, остроумный и услужливый, или этот с большими мягкими щеками, с восковой лысиной.

~~Ему хотелось молчать~~. Всю жизнь был Иван сильным, ~~сильнее чем люди вокруг~~. Всегда к нему обращались с просьбой объяснить, ~~[illegible]~~, успокоить. ~~Десятки лагерных споров и ссор приходилось ему решать, не раз~~ И когда даже обитатели уголовной лагерной "Индии" просили его слова. Однажды ему удалось приостановить ~~кровавую драку~~ поножевщину между ворами ~~отказывавшимися выходить на работу~~ и ~~работавшими~~ "суками". Его уважали ~~самые~~ разные люди - и инженеры ~~сидевшие за~~ вредители, ~~[illegible]~~, и террорист секретарь сельского райкома, ~~посаженный в 1937 году по обвинению в терроре~~, и оборванный ~~[illegible]~~ старик кавалергард, и деникинский под полковник ~~в ватных штанах, ныне~~ мастер лучковой пилы, и минский врач гинеколог ~~[illegible]~~, обвиненый в еврейском буржуазном национализме, и крымский татарин, роптавший, что народ его с берегов теплого моря изгнан ~~[illegible]~~ в тайгу, и колхозник, смыливший ~~укравший~~ в колхозе мешок картошки с расчетом, ~~отсидев два года, уже~~ не вернуться после отбытия срока ~~лагеря~~ в колхоз, а ~~поселиться в городе~~, получив ~~шестимесячный паспорт~~ по лагерной справке шестимесячный городской паспорт.

~~Он сам не задумывался, почему считались с его словом и профессор гидрогеолог Борщевский, и Жора Бархатов, убивший восемь человек с целью грабежа.~~

Но в этот день ему хотелось, чтобы чьи то добрые руки сняли с его плеч тяжесть. ~~И он знал, что была одна сила перед которой~~ и чудно и хорошо ощутить себя малым и слабым - сила матери. Но давно не было у него матери и некому было снять с него тяжесть.

Николай Андреевич испытывал странное чувство, совершенно невольно возникшее.

В ожидании Ивана он с умилением думал о том, что будет с ним до конца искренен, как ни с кем в жизни. Ему хотелось исповедоваться перед Иваном во всех страданиях совести, со смирением рассказать о горькой и подлой слабости своей .

Пусть Ваня судит его, если может поймет, если может простит, а не поймет, не простит, что-ж , бог с ним. Он волновался, слезы застилали глаза, когда он повторял про себя некрасовские строки:

сын пред отцом преклонился,
ноги омыл старику...

Ему хотелось сказать двоюродному брату: "Ваня, Ваничка, дико, странно, но я завидую тебе, завидую тому, что в страшном лагере ты не должен был подписывать подлых писем, не голосовал за смертную казнь невинным, не выступал с подлыми речами..."

И, вдруг, неожиданно, непонятно возникло совершенно противоположное чувство едва увидел он Ивана. Человек в ватнике, в солдатских ботинках, с лицом изъеденным морозом и барачной махорочной духотой, показался ему чужим, недобрым, враждебным.

Такое чувство возникало у него во время заграничных поездок . За границей ему казалось немыслимым, невозможным говорить с холеными иностранцами о своих сомнениях, делиться с ними пережитого горечью, не о тревогах своих, а. Иностранцам он говорил лишь о главном, обесспорном, об исторических достижениях советского государства. Он защищал от них себя , свою родину.

Мог ли он думать, что подобное чувство вызовет в нем Иван? Почему? Отчего? Но именно так оно было.

Ему теперь казалось, что Иван пришел, чтобы перечеркнуть его жизнь. Вот Иван унизит его, заговорит с ним снисходительно, надменно.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

41

И ему страстно захотелось Ивану объяснить, втолковать, что все изменилось и стало по новому, что все старые оценки перечеркнуты и Иван повержен, разбит, что горькая судьба его не есть случайность. Да, да , седой неудачливый студент.. что за плечами его, что ждет его впереди?

И должно быть именно потому, что так страстно, упорно захотелось Николаю Андреевичу сказать все это Ивану, он сказал прямо противоположное.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Николай Андреевич проговорил:

Удивительно и как это хорошо.

- В главном Ваня, мы с тобой равны. И я хочу сказать тебе, - если у тебя появляется ощущение потерянных десятилетий, пропавшей жизни, теперь, когда ты встретишься с людьми, прожившими эти годы, не в труде дровосека и землекопа, а писавших книги и прочее, - гони это ощущение! В главном, Ванечка, ты равен тем, кто успел в жизни и труде. Не только равен, - выше, выше!

Вставка (на обороте)

Мария Павловна никогда, казалось, так полно не осозновала душевную силу мужа, как в эти минуты, когда он хотел ободрить несчастного Ивана. Она то ведь знала, кто победитель и кто побежденный.

Действительно странно, но даже в тот час, когда зисовская машина повезла Николая на Внуковский аэродром для полета в Индию, где он должен был представить премьеру Неру делегацию советских ученых, она не испытывала с такой глубиной своего жизненого торжества. Здесь оно было совсем особым, - соединеным со слезами о погибшем сыне, с жалостью, с любовью к седому человеку в грубой обуви.

- Ваня, - сказала она, - я для вас приготовила целый гардероб, ведь, вы с Колей одного роста.

Разговор о старых костюмах Мария Павловна, затеяла не совсем во время и Николай Андреевич сказал:

Господи, да нужно ли говорить о таких пустяках.

- Конечно, Ваня, от всей души.

- Тут, дело не в душе, - сказал Иван Григорьевич, - ты, ведь, раза в три обширнее меня.

Марию Павловну, кольнул внимательный и как будто бы немного участливый взгляд Ивана. Видимо то, что муж держался с особой, скромностью, мешало Ване отделаться от старого, снисходительного отношения к Николаю Андреевичу.

Иван Григорьевич выпил водки и на темно-коричневом лице его проступил румянец.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Ветвь

И он почувствовал, как ~~~~ от волнения его голос и ~~ сладко ~~~~ сердце

Он увидел ~~~~ Ивана, увидел, как вновь затуманились слезами волнения глаза ~~ жены.

Ведь он любил Ивана, любил всю жизнь любящего.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Они ~~говорили~~ о старых знакомых.

Большинство ~~их~~ его прежних ~~общих~~ друзей не встречались Николаю Андреевичу в течение десятилетий, ~~Некоторых из них арестовали~~ многих уже не было в живых. ~~в 1937 году. Некоторые уехали в провинцию. У третьих появились~~ ~~свои интересы, другой круг людей, и Николай Андреевич не виделся~~ ~~с ними.~~ Все что связывало, - общие волнения, дела - ушло; отлетели сожаления и печаль, связанные с теми, кто ушел без права переписки и без возврата. Вспоминать ~~говорить~~ о них Николаю Андреевичу не хотелось, как не хочется приближаться к потерянному листу ~~потерянному~~ засохшему одинокому стволу ~~с сухими и черными ветвями~~, вокруг которого ~~нет~~ ~~травы, ни цветов~~, одна лишь пыльная мертвая земля.

~~Николаю Григорьевичу интересно было, но не так уж жгуче интересно, узнать встречались ли Ивану с теми, кто был ему близок, кто~~ ~~был арестован при Ежове.~~ Ему ~~особенно~~ хотелось говорить о тех, которых Иван Григорьевич не знал, - с ними были связаны события его жизни. Рассказывая о них он как бы приступил к главному: рассказу о себе.

Если Иван поймет, что все переменилось, переместилось, и что от старых наивных представлений ничего не осталось и все сделалось по иному, и поток великих и жестких, кровавых и славных событий привел к тому, что история, совершив свой ход, создала новое, еще неведомое человечеством, то он, Николай Андреевич, ~~Иванов~~ ~~[illegible]~~ ~~хотелось именно в эти минуты~~ достигнет чего то очень важного и нужного, избавится от интеллигентского червячка, от ~~мучительного~~ ощущения виновности, незаконности того чудесного, что произошло с ним. Да, именно в эти минуты надо избавиться от интеллигентского червячка, Не кажется ли? Вставка (см. обороты)

И он ~~Николай Андреевич~~ стал рассказывать о людях добродушно презиравших его, не понимавших и не ценивших его, - о людях, к которым он ~~испытывает, несмотря на это,~~ искренние симпатии, он готов всей душой помочь, ~~им и помогает, едва есть к тому возможность.~~

~~Он назвал фамилии и имена, [illegible]~~

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

Не каяться захотелось ему, а утверждать, ~~проповедовать, объяснять, сказать~~

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Иван Григорьевич. Его только не пережили некоторые люди, чем только не отмечена их дорога, - трагические, бессмысленные катастрофы, карьеризм и слабоволие, соглашательство, заносчивость, увиливание перед злом, расчетливость, равнодушие к несправедливости и страданию были связаны с некоторыми милыми и горячими юношами, которых когда то знал Иван Григорьевич.

- Коленька, - вдруг прервала мужа Мария Павловна, - ты лучше расскажи об Ане Замковской.

Иван Григорьевич сказал:

- Да, о ней я хотел спросить.

Николай Андреевич сказал:

- Конечно, понятно. Ты ведь получал от нее письма?

- Да, последнее письмо было восемнадцать лет назад. Она жива?

- Да, да, благополучна. Муж ее академик физико-химик, вообще по этим самым атомным делам. Живут в Ленинграде, представь, в той же квартире, где она когда то жила у родных. В Москве у них грандиозная квартирища, но они почти не живут здесь. Мы ее встречаем обычно на отдыхе, осенью... Раньше она всегда расспрашивала о тебе, а после войны, по правде говоря, перестала, да и что спрашивать, мы ведь ничего не знали.

- Да, да, двадцать пять лет. А я думал, что она умерла,

- Почему?

- Перестала писать, и оказывается вышла замуж.

- Аня редкий доброты человек, изумительной чистоты, замечательная женщина. Маша моя любит знакомых ругать, а об Ане ни слова плохого.

Николай Андреевич продолжал рассказывать.

- Да, так о Мандельштаме. Ты помнишь Заозерского? Это был блестящий ученый, близок с Зелинским, жил одно время в Кембридже.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Мандельштам был его любимым учеником. Заозерский был шире, громадная культура, огромная переписка, участник многих конгрессов. Естественно ученик не имел таких возможностей. Заозерский рухнул в тридцать седьмом году, диалектически, сила стала слабостью, ездил человек за границу, широко, вольно и сел, не стесняясь встречался с эмигрантами и невозвращенцами, Ипатьевым, Чичибабиным. его, кстати, предупреждали не безумствовать. Словом сел, и ни жена, ни сын, никто ничего не узнали, - десять лет без права переписки. Ты то его не встречал?

- Нет. С этим приговором в лагери и изоляторы не приходили.

- Начал с обширной научной переписки, а кончил без права переписки с собственной семьей. Да, так вот, о Мандельштаме. Он сразу пошел в гору, ну я уж рассказывал тебе финал, как его объявили космополитом, идеалистом, еврейским буржуазным националистом и прочее... Все это чепуха, конечно, но по правде говоря, с легкой руки Заозерского он, действительно, весь был соткан в своих научных европейских и американских научных связях.

Он посмотрел на руку Ивана.

- Ты, вероятно, не ясно понимаешь эту терминологию, - космополитизм, буржуазный национализм, значение пятого пункта в анкете-, национальность. Космополитизм примерно соответствует участию в монархическом заговоре в эпоху первого конгресса Коминтерна. Хотя ведь так видел в лагере всех.

- В лагерях я видел тех, кого снимали и сменяли, а здесь я вижу тех, кто пришел на смену снятым.

- Ну, знаешь, - рассмеялся Николай Андреевич, - те, что приходили на смену снятым, тоже ведь снимались и становились снятыми. Но думаю, теперь это не грозит.

- Ну? - спросил Николай Андреевич. - мне думается, процесс замены завершен. Национальное из области формы в нашей жиз-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

Он подумал, что рассказывает обо всем этом не ради себя, ~~а ради Ивана своей славы~~, а ради Ивана — ведь Иван, ~~как дитя малое~~, живет ~~[illegible]~~ отжившими ~~детскими~~ рабочими представлениями, надо же его ввести в ~~реальную~~ сегодняшнюю жизнь.

И тут же мелькнула мысль: „Господи, до чего же вчелся в меня слой и лицемерие.

Он посмотрел на смирные, коричневые руки Ивана и начал объяснять:

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ни за эти десятилетия перешло в область содержания, грандиозно и просто. Но эту простоту не могут понять многие люди. Знаешь, если человека вышибают, он этот не хочет воспринять, как закономерность истории, а видит лишь дикую ошибку. Но факт остается фактом. Наша ученные, техника, создали русские советские самолеты, русские урановые котлы, и электронные микроскопы и этой суверенности должна соответствовать суверенность политическая, русское вошло в область содержания, в базис, в фундамент...

Он заговорил о том, как ненавидит черносотенцев, и одновременно он видит, что Мандельштам и Хавкин, люди бесспорно одаренные, способные, были ослеплены, им казалось, что в преодолении космополитизма лишь юдофобство и ничего больше. И так же Тыжов, Тадионов, и другие не понимали, что тут дело не только в грубой нетерпимости Лысенко, тут дело в национальной науке, которую эти новые люди утверждают.

На него смотрели внимательные глаза Ивана Григорьевича, и в душе Николая Андреевича шевельнулась тревога, такая, как бывала в детстве, когда чувствуешь на себе грустный взгляд материнских глаз и неясно ощущаешь, что не так как надо, не по-хорошему говоришь. Желая успокоить это неясное чувство, он рассуждал особенно веско, сердечно.

- Я прошел многие испытания - (печально и искренно) сказал Николай Андреевич, - прошел в трудное, суровое время! Конечно я не гудел, как герценовский колокол, не разоблачал

Берию и сталинские ошибки; но бессмысленно даже говорить о подобном.

Иван Григорьевич опустил голову и нельзя было понять дремлет ли он, грезит ли о чем то далеком или задумался над словами Николая Андреевича. Его руки дремали, его голова ушла в плечи. Вот так же сидел он вчера в поезде, слушая своих попутчиков.

Николай Андреевич сказал:

- Было мне худо и при Ягоде, и при Ежове, а теперь, когда нет Берии и Аввакумова, и Рюмина, и Меркулова, и Кобулова - я стал по-настоящему на ноги. Я сплю спокойно, не жду ночных гостей, да и не один я. И невольно думаешь, - не зря все же, мы перенесли жестокое время. Родилась новая жизнь и мы все посильные участники ее.

- Коля, Коля, - негромко сказал Иван Григорьевич.

Слова эти рассердили Марию Павловну. Она вместе с мужем заметила сострадательное и мрачное выражение лица гостя.

Она сказала мужу:

- Почему ты боишься сказать, что Мандельштам и Рыжов самовлюбленные люди. И нечего охать, что жизнь поставила их на место. Поставила и слава богу.

Но она упрекала мужа, но упрек ее был обращен к гостю. И тревожась о своих резких словах, она сказала:

- Я сейчас приготовлю постель. Ваня очень устал, а мы не подумали об этом.

А Иван Григорьевич, уже зная, что не облегчение, а новую тяжесть принес ему приход к брату, хмуро спросил:

– Скажи ка, ты то подписал письмо, осуждающее врачей убийц? Я об этом письме слыхал в лагере от тех , кого все же успели сменить.

– Милый, чудак, ты наш... – сказал Николай Андреевич и запнулся, замолчал.

Внутри у него все похолодело от тоски и одновременно Он чувствовал, что вспотел, покраснел, щеки его горели.

Но он не упал на колени, он сказал:

– Дружочек ты мой, дружочек ты мой, ведь и нам не легко жилось, не только вам, там в лагерях.

– Да боже избави,– поспешно сказал Иван Григорьевич–, я не судья тебе, да и всем. Какой уж судья, что ты, что ты.,. Наоборот даже..

– Нет, нет , я не об этом,– сказал Николай Андреевич, – я о том, как важно в противоречиях, в дыму, пыли, не быть слепым, видеть, видеть огромность дороги, ведь став слепым можно сума сойти.

Иван Григорьевич виновато произнес:

– Да, понимаешь, беда моя, я видно путаю,– зрение за слепоту, принимаю.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~Мали об этом!~~ – Где же мы Ваню положим? – спросила Мария Павловна. ~~Где ведь Ваня очень устал~~ – Где удобней?

Иван Григорьевич сказал:

– Нет, нет, спасибо, я не смогу у вас ночевать.

– Почему же? Где ж еще? Маша, давай свяжем его!

Иван Григорьевич проговорил:

– Не надо меня связывать.

– Да, объясни ты, ради бога. Если даже придет милиция проверять у тебя билет в кармане. Ты только сегодня приехал. Никакие неприятности не грозят. Или причина в том, что я говорил только что?

– Я пойду, ты уж прости.

– Чтож, если ты так непреклонен, но, ей богу, это безумие. Ведь тебе негде совершенно ночевать.

– Спасибо, но я очевидно уеду в Ленинград.

Николай Андреевич замолчал, нахмурился. ~~Глядя, как Иван одевается в передней.~~ – Да вы простите, но ~~не могу~~ совсем не то, вот не могу просто, совсем по другому, – сказал Иван Григорьевич.

– Вот, что Ваня...–сказал ~~он и опять~~ Николай Андреевич и замолчал.

Когда Иван Григорьевич ушел Мария Павловна оглядела стол, заставленный закусками, отодвинутые стулья.

– Приняли мы его по царски, –сказала она, – ~~когда у нас были~~ Несмеяновы, мы ~~их~~ не лучше приняли.

Вставка (на оборот)

Николай Андреевич ~~тоже~~ подошел к столу.

~~– Да, уж обидиться на невнимание Ваня не мог, вот, разве, сказано было несколько неловких слов, но дело не в них, это пустое.~~

– Да, если человек безумен, то это на всю жизнь, – сказал он.

~~– Переоценка ценностей – вот, что его потрясло, –сказала Мария Павловна: –ты, ты Моцарт, а все они Сальери, и он Сальери. Хорошо, что мы не звонили Соколовым, видишь, завтра сможем пойти, не так уж ты нужен Ване.~~

Она приложила ладони к его вискам и целуя его в лоб, проговорила:

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

И, правда, Мария Павловна, это изредка случается с людьми скупыми, на этот раз, с широтой превосходящей щедрость размашистых натур, приготовила, богатый обед.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

- Не огорчайся,не надо,неисправимый мой идеалист.

(5)

Иван Григорьевич проснулся на рассвете,лежа на ~~верхней~~ полке безплацкартного вагона и прислушался к шуму колес,приоткрыл глаза,~~увидел полумрак~~ стал всматриваться в предутренний сумрак,стоявший за окном...Несколько раз за двадцать девять лет он видел во сне свое детство.

Однажды,~~он увидел во сне~~ ему приснилась маленькая бухта,- в спокойной воде, и по мелким,~~светлым~~ камешкам,устлавшим дно,боком пробежали подводной бесшумной походкой,несколько крабиков и скрылись в ~~кустах~~ водорослях...Он медленно ступал по округлым камням,ощущая ступней нежный ~~пушок и стебли~~ подводный лен, и ртутной струйкой брызнули ,рассыпались ~~десятки~~ десятки удлиненных капелек- мальков скумбрии,султанки,~~чернушек~~.

(Море приснилось ему в детской Вставка (на обороте)
~~Этот сон он видел в детстве~~,и хотя с той поры прошло ~~тридцать~~ шестьдесят ~~лет~~ века, он помнил горе,охватившее его,когда, ~~он~~ увидел серый ,зимний свет и лица ~~своих спутников~~ заключенных, услышал за ~~стеной~~ стеной вагона ~~голоса~~ и скрип сапог по снегу,гулкое постукивание молотков охраны по днищу вагона, и ~~лай~~ лай служебных собак.

Иногда,~~в детском сне~~ ~~он видел~~ ветви от черешни, ~~он~~ он представлял себе дом,стоявший над морем,~~старую~~ ~~черешню~~, ~~протянувшую~~ над крышей,колодец...

Он доводил свою память до мучительной ~~ясности~~ остроты и ему вспоминались ~~самые~~ ~~мелочные подробности~~ ~~гвоздь вбитый~~ ствол платана, блеск ~~большого~~ толстого листа магнолии, ~~прохладный~~ ~~белый~~ ~~плоский~~ плоский камень посреди ручья...

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Ветвь

[illegible] осетинок [illegible] (зеленые) [illegible], подводные
[illegible] лужки, -елбнички, [illegible]. Казалось, не соленой
водой, а сонечным светом [illegible] были -заполнены [illegible], милая [illegible],
[illegible], бухвостка.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Он вспоминал тишину и прохладу комнат, обмазаных белой крейдой, рисунок скатерти.

~~Иногда он вспоминал какой нибудь предмет, — печку, стул с плетенным соломоным сидением, на котором сидела мать, диван,~~ — клеенка покрывавшая диван приятно холодила в жаркие, летние дни. Он вспоминал, как читал, взобравшись с ногами на диван.

Иногда он пытался вспомнить лицо матери и сердце его томилось, и он жмурился и на зажмуренных глазах выступали слезы, как бывало в детстве, когда пытаешься посмотреть на солнце.

Горы он вспоминал подробно и легко, точно листал знакомую книгу, — она сама открывается на нужной странице.

Продравшись среди кустов ежевики и кривушек карагачей, скользя по каменистой желтой серой, потрескавшейся земле, он добрался до перевала и, оглянувшись на море, входил в прохладную полутьму леса... Мощные дубы легко подымали на своих толстых ветвях к самому небу холмы резной листвы, важная тишина стояла вокруг.

В середине прошлого века прибрежные места были населены черкесами.

Старик грек, отец огородника Мефодия мальчиком видел многолюдные черкеские аулы, сады.

После завоевания побережья русскими черкесы ушли и в прибрежных горах заглохла. Среди дубов кое где росли сгорбившиеся, сливовые деревья, груши и черешни, вернувшиеся в лес, а персиков и абрикосов уже не было, — их короткий век прошел.

В лесу лежали закопченные хмурые камни, остатки разрушеных очагов, а на заброшенных кладбищах темнели мочильные плиты, наполовину своего роста погруженные в землю.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Все неживое,- камни,железо,с годами всасывалось землей,растворялось в ней,а зеленая жизнь,наоборот,рвалась из земли. Томящей казалась мальчику тишина над холодными очагами.Как то особенно тихо возвращался,ощущал он возвращаясь к дому запах,слушал лай собак и кудахтанье кур. Однажды он подошел к матери,сидевшей с книжкой у окна,и обнял ее,прижался головой к ее коленям.

- Ты нездоров?- спросила она.

- Нет,я здоров,я так рад,-бормотал он,целуя платье матери, ее руки и расплакался.

Он не мог объяснить маме свое чувство- ему казалось,-в лесном сумраке кто то жалуется,ищет исчезнувших людей, заглядывает за деревья,прислушивается к голосам черкесских пастухов, младенцев плачу,потягивает носом,не пахнет ли дымком,горячими лепешками...И почему не только радостно, но и стыдно было ему ощущать прелесть родного дома вернувшись из леса.

Из его объяснений,казалось ему,мать ничего не поняла,она поцеловала,проговорила:

- Глупый ты мой,как тебе будет трудно жить с таким чувствительным,ранимым сердцем.

Когда садились ужинать отец переглянулся с матерью,сказал:

- Ваня,ты,вероятно,знаешь,что наше Сочи раньше называлось пост Даховский,а поселки в горах именовались "Первая Рота","Третья Рота".

- Знаю,-сказал он,и капризно засопел.

~~сказала отцу о данном происшествии.~~

- Это места стоянки русских войск, они шли не только с ружьями, но и с топорами, лопатами, прорубали дорогу сквозь заросли, где жили дикие, жестокие горцы.

Отец почесал себе бороду под подбородком и добавил:

- Прости за высокопарность - прорубали дорогу для России, вот и мы здесь поселились... Я вот способствовал устройству школ, а скажем Яков Яковлевич насаждал виноградники, сады, а другие строили тут больницы, прокладывали шоссе. Прогресс требует жертв, а о неминуемом плакать нечего. Ты понял к чему я ?

- Понял, - ответил Ваня, - но сады тут были и до нас, они только одичали.

- Да, да, друг мой, - сказал отец, - когда лес рубят щепки летят. И, кстати, черкесов не гнали отсюда, они сами ушли в Турцию. Они могли остаться и приобщиться русской культуре. А в Турции они бедствовали и многие из них погибли...

Прожитое вспомнилось ему, - ему снилась, родная ему, Земля, слышались знакомые голоса, и дворовая собака с глазами красными от старческих слез, поднималась к нему навстречу.

Он просыпался под гул таежного океана, над которым катила холодная вьюга.

И вот теперь шли дни его вольной жизни, и он все ждал, возвращения чего то хорошего, молодого.

В это утро он проснулся в поезде с чувством безысходного одиночества. Вчерашняя встреча с двоюродным братом наполнила

его горечью, а Москва оглушила и подавила его. Громады высотных зданий, потоки машин, светофоры, толпы, идущие по тротуарам, - все это было чужим, странным. Город казался ему огромным дрессированным механизмом -, то замиравшим по красному сигналу, то, вновь, двигавшимся по зеленому... Россия много видела великого за тысячу лет своей истории. А за советские годы страна увидела и всемирные военные победы, и огромные стройки, и новые города, и плотины, преграждающие течение Днепра и Волги, и каналы, соединяющие моря, и мощь тракторов, и небоскребы... Лишь одного не видела Россия за тысячу лет, свободы. (Вставка (на обороте))

Ночью он пришел на вокзал и узнав, что в 2 часа обходит последний поезд на Ленинград, купил билет, взял вещи из камеры хранения.

Он удивился чувству покоя, когда очутился в холодном, пустом вагоне.

Поезд шел по московским предместьям; мелькали в окне темные, осенние рощицы и поляны и (Ивану Григорьевичу стало легче от того, что он) ускользает из московской Электрической, каменной и автомобильной громады, и не двоюродным братом слушает рассказа о разумном ходе истории, расчистившей место для Николая Черепанова. На полированной скамейке, как на воде, блеснул блик фонаря проводницы.

- Папаша, билет есть?

- Есть, я предъявлял.

Годами думал он о часе, когда выйдя на свободу встретится

Вставка

Он поехал ~~на~~ троллейбусом на московский ~~в новый~~ Юго-Западный ~~район~~ ~~Москвы~~. Там, среди деревенской грязи, непросыхающих сельских прудов ~~[illegible]~~ выросли огромные восьми- и десяти-этажные ~~[illegible]~~ корпуса. Деревенские избы, ~~[illegible]~~ огородики, сараюшки ~~[illegible]~~ доживали свой век, сжатые, ~~[illegible]~~ опрокинутые огромным наступлением камня и ~~кранов~~, ~~[illegible]~~ асфальта. Новой Москвы.

~~Из~~ ~~[illegible]~~ хаосе, ~~[illegible]~~ среди рева пятитонок угадывались будущие улицы ~~[illegible]~~ Иван Григорьевич ~~[illegible]~~ бродил в этом ~~[illegible]~~ возникающем городе, где не было еще мостовых и тротуаров, где люди добирались ~~[illegible]~~ своим домам ~~[illegible]~~ тропинками, лежащим среди ~~[illegible]~~ груд мусора, ~~[illegible]~~ Повсюду на домах имелись ~~два вида~~ одни и те же вывески: „Мясо" и „Парикмахерская". В сумерках вертикальные вывески „Мясо" горели красным огнем, вывески „Парикмахерская" светились пронзительной зеленью.

Эти вывески, возникшие вместе с первыми жильцами домов, как бы раскрывали плотоядную человеческую суть, ~~[illegible]~~ хищную ~~природу человека~~.

Мясо, мясо, мясо... Человек жерал мясо. Без мяса человек не мог. ~~Тут~~ Здесь не было еще ~~[illegible]~~ библиотек, ~~[illegible]~~ театров, кино, мошивочных, не было даже больниц, аптек, школ, но сразу тотчас же среди камня и железа ~~[illegible]~~ красным огнем отовсюду светилось: „Мясо". Мясо, мясо..

И тут же изумруд парикмахерских вывесок. Человек ~~[illegible]~~ ел мясо и обрастал шерстью.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

с двоюродным братом,единственным в мире человеком,знавшим его детство,его мать и отца.Но он не удивлялся легкости в вагоне ночного поезда.

Утром он проснулся с таким полным ощущением одиночества,какого не может пережить ,дышущее земным воздухом,существо.

Преодолевая это чувство пустоты,он думал о городе,где прошли его студенческие годы.Он ехал в город,где жила его любовь.

Когда много лет назад она перестала писать ему,он оплакивал ее,- он не сомневался,что только смерть могла прервать их переписку.Но она жила,она была жива...

6

Иван Григорьевич провел в Ленинграде три дня.Он дважды подходил к университету,ездил на Охту, в Политехнический,разыскивал улицы,где жили его знакомые и не находил этих улиц,домов,разрушенных во время блокады,а иногда находил и улицы и дома,но на черных досках,висевших в подворотнях не было знакомых фамилий.

Идя знакомыми местами он иногда был спокоен, рассеян,окруженный лицами,разговорами, ,а иногда пронзенный юношескими воспоминаниями стоял перед знакомым домом,на знакомом перекрестке. Он был в Эрмитаже и ушел из него со скукой и холодом. Неужели картины были так хороши все те годы,пока он превращался в лагерного старика ? Почему не менялись они,почему не по-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

старели лица дивных мадонн, не ослепли от слез их глаза? Может быть в ~~том, что они~~ вечны и неизменны не могущество их, а слабость? Может быть в этом измена искусства ~~добру и страдающему~~ человеку, породившему его?

Однажды сила внезапного воспоминания была ~~так~~ особенно пронзительна. ~~что он заплакал и люди, проходившие по улице, видели его слезы.~~ А воспоминание ~~вызвавшее слезы~~ казалось случайным и незначительным - ~~на этой улице~~ как-то он помог ~~хромой старухе~~ пожилой ~~старой~~ хромой женщине внести корзину на четвертый этаж и сбежав вниз по темной лестнице, вдруг, ахнул от счастья, - весна, ~~темный снег~~, лужи, мартовское солнце. ~~струилось в таящих сосульках~~. Он подошел к дому, где жила Аня Замковская и ему казалось ~~что~~ немыслимым вновь увидеть высокие ~~сверкающие~~ окна и гранитную облицовку стен, ~~темные двери, широкий~~ белеющий в полутьме мрамор ступеней, металлическую сетку вокруг лифта. Сколько раз вспоминал он этот дом. ~~эту улицу~~. Он провожал Аню после ~~поздних~~ ночных прогулок, стоял и ждал пока в ее окне зажжется свет. ~~Он любил ее~~ Она говорила ему: ~~"Если я буду жить тысячу лет, я буду любить одного тебя и~~ "Если ты слепым обрубком вернешься с войны, я буду счастлива в своей любви."

Иван Григорьевич увидел цветы на полуоткрытом окне. ~~и увидел белевший в полутьме подъезда прохладный мрамор ступеней~~. Он постоял ~~немного~~ у подъезда и пошел дальше. Сердце его билось ровно ~~и он удивлялся~~ там за проволокой, ~~в полярном снегу~~ женщина, казавшаяся ему умершей, была ближе его душе, чем сегодня, когда он стоял под ее окном.

Он узнавал и не узнавал город, многое казалось таким неизменным, словно несколько часов назад ~~Костров~~ Иван Григорьевич проходил этими улицами, ~~[illegible]~~ а многое возникло вновь - дома и улицы, а многое исчезло и вместо исчезнувшего не появилось ничего.

Вставка (на обороте)

~~Больше всего казалось изменились люди~~ Когда то на этих

Вставка

Но Иван Григорьевич не понимал, что не только город изменился, Ванины сверстники изменились. И Иван Григорьевич, в его интерес, его [illegible] изменил взгляд стал иным.

Он теперь видел в городе то, чего не замечал раньше; он словно перенёсся с одной этажерки на другую. Перед ним теперь [illegible] барахолки, [illegible] отделения милиции, [illegible] чертёжные столы, отделы найма, объявления о вербовке рабочей силы, больницы, [illegible], комиссионных магазинов, [illegible] бесчисленных афиш, [illegible] библиотечных магазинов, [illegible] аудиторий, высоковакуумных залов чего-то ещё, [illegible] ушел в четвертое измерение..

Весь для больного существует в городе [illegible] больницы, [illegible] аптеки, [illegible] диспансеры, [illegible] А для выписывающегося город построен из [illegible] получает [illegible] трех [illegible], [illegible] здесь [illegible] для [illegible] городских газет [illegible] строк [illegible] [illegible] [illegible]

улицах всюду были знакомые люди, окна товарищей светились по вечерам, ~~они махали ему рукой с трамвайных площадок, весело гоготали, издали заметив его. Он жил среди знакомых и в тюрьме, и на этапе, и в пересылке, и в лагере. Он входил в тюремную больницу и~~ А ныне с ой скойки ему улыбались знакомые глаза ~~знакомого человека~~ профессора-лимика и бледные губы шепотом говорили:

- Иван Григорьевич, ~~здравствуйте~~ привет!

~~И~~ Здесь, в этом городе, когда-то он знал в лицо продавцов книжных и продуктовых магазинов, и газетчиков в киосках, ~~даже тех, у которых он не покупал газет~~, и папиросниц, ~~и нищих на углах, и кондукторш в трамвае.~~

~~Когда-то~~ На Воркуте, к нему подошел ~~конвойный~~ вертух-надзиратель и сказал:

- А я тебя знаю, ты был на пересылке в Омске.

Сегодня в многотысячной Ленинградской толпе, ~~среди тысяч людей он ходил один~~ он не видел знакомых и не было у него знакомства с незнакомыми. В ~~самом~~ общем, широком облике лиц ~~встречавшихся ему людей~~ произошло большое изменение. ~~Он слышал, что после убийства Кирова из Ленинграда выслали многих жителей, что во время войны умерло огромное число людей от голода, и деревенский, районный и областной народ вошел в город.~~

Видимые и невидимые связи ~~[illegible]~~ исчезли, порвались массовые высылки после убийства Кирова, -их рвало время, их рвали бури, их засыпало снегом и пылью Казахстана, блокадный морем и их не стало, -он шел один, чужой...

Ветавка (на обороте)

Вновь стоял Иван Григорьевич в своих солдатских ботинках перед божественно босым, увенчаным ~~бронзовым~~ венком всадником. Тридцать лет назад, юношей, он проходил здесь и ~~прекрасный~~ бронзовый ~~прекрасный~~, полным мощи был Петр. Вот, наконец, и встретил ~~он~~ Иван Григорьевич знакомого.

Казалось, ни тридцать лет назад и ни сто тридцать лет назад, когда Пушкин привел на эту площадь своего героя, не был дивный Петр так велик, как сегодня. Уж не было в мире силы огромней, чем та, которую он вобрал в себя и выразил, -величественной силы ~~[illegible]~~

ВСТАВКА

Эвакуация миллионных масс привела к тому, что районные ~~сельсоветы~~ ~~заполнили~~ улицы Ленинграда, а в ~~эвакогоспиталях~~ бараках -то и дело встречались Иван Григорьевич карта-вые, ~~медальоны~~, ~~дежурные~~ -петербуржцы.

Певчий ~~проспект~~ и -деревенская ~~Васильевка~~ ~~пешеход~~ -ношки навстречу друг другу, смешались не только ~~на~~ ~~тротуарах~~, но и ~~на~~ страницах книг и журналов, в лабораториях ~~и~~ Конференц-залах ~~научных~~ институтов. ~~Казарин~~ ~~дух~~ лагерной ~~пекарни~~ ~~сгущенки~~ ~~сгущенки~~ (слушая рассказы ~~пекаря~~ ~~Васильевка~~ ~~Васильевка~~ ~~Васильевка

дивного государства. Она росла, поднималась, царила над полями, над фабриками, над письменными столами поэтов и ученых, над стройками каналов и плотин, над каменоломнями, над лесозаводами и лесосеками, в своем могуществе способная овладеть и громадой пространств, и сокровенными глубинами сердца, зачарованного человека, несущего ей в дар свою жизнь и свободу, само желание свободы.

- Санкт-Петербург, санпропустник, Санкт-Петербург, санпропустник, - повторял Иван Григорьевич.

Эти два слова нелепо сблизились, выражая связь между великим всадником и лагерным оборванцем.

Ночевал Иван Григорьевич на вокзале, в комнате для транзитных пассажиров. Он тратил в день не больше полутора-двух рублей и не торопился уезжать из Ленинграда.

На третий день он столкнулся с знакомым человеком, которого часто вспоминал во время своей лагерной жизни.

Они сразу узнали друг друга, хотя нынешний Иван Григорьевич ничем не походил на университетского третьекурсника, а встретившийся ему Виталий Антонович Пинегин, в сером плаще и фетровой шляпе, не был схожей с молодым человеком в ношенном студенческом кителе.

Увидев лицо остолбеневшего Пинегина Иван Григорьевич, проговорил:

- Ты, видно, меня числил в мертвецах?

Пинегин развел руками.

- Да уж лет десять назад говорили, что будто ты того.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~- Расстрелян?~~

~~- Да, вообщем, нечто вроде этого.~~

Он смотрел ~~карими~~ живыми и умными глазами в самую глубину взора Ивана Григорьевича.

~~- Ты всегда такой бледный?~~ - сказал ~~спросил~~ Иван Григорьевич, - Ты не беспокойся, я не ~~приведение~~ с того света и не беглый, что еще гаже. Я, как ты, с паспортом и прочим.

Слова эти возмутили Пинегина.

- Встречая старого ~~университетского~~ товарища, я не интересуюсь его паспортом. ~~А бледность, знаешь, всегда без воздуха. Прозаседавшиеся. Давай, посидим в скверике?~~

Он ~~Пинегин, сын сельского кузнеца~~ достиг высоких степеней, но остался вдуще славным малым. ~~был награжден двумя орденами Ленина, избирался депутатом в Верховный Совет. Он сказал, что жены его сейчас нет в Ленинграде, поехала в Кисловодск. Оба его сына учатся, занимаются ядром атома. С младшим, Пинегин дня через три отправится в Москву, а оттуда по магистрали на юг, "проветриться, деньков на десять, сбить давление"...~~

О чем бы не говорил Он ~~Пинегин~~, - о своих сыновьях, ~~о полузабытой фамилии, полузабытого товарища~~, о том "как ~~все же~~ здорово ты переменился, а я все же сразу тебя узнал" ~~о том какой удивительный случай свел их, - он обычно уезжает с работы на машине, а сегодня машина перед дальней поездкой пошла на техосмотр, и он, точно чувствовал, не взял машины у своего заместителя, а пошел пешком,~~ - глаза его, ~~как~~ зачарованно ~~напряженно~~ и жадно следили за Иваном Григорьевичем.

~~Иван Григорьевич напряженно чувствовал на себе этот мучительно напряженный взгляд.~~

- Да, вот, в общих словах....- проговорил Пинегин, ~~собственно,~~ - что же тебе еще рассказать?

" А ты бы лучше рассказал"...И на мгновенье Пинегин замер, но Иван Григорьевич, конечно, ничего такого не сказал.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

- А о тебе я ведь ничего не знаю,-проговорил Пинегин.

И снова ожидание,не ответит ли Иван Григорьевич:

-"Ты ведь сам,когда было умел обо мне рассказывать,что уж о себе рассказывать".

Но Иван Григорьевич помолчал и махнул рукой.

- Не зайти ли нам в кафе?

- Зачем же?

- Уютней,да и ,между прочим,это кафе "Север" славится,хотелось бы тебя угостить,- и Пинегин быстро поглядел на Ивана Григорьевича,-вдруг тот скажет:"Ты уж меня когда то угостил".

- Нет уж,видно,будешь кушать пирожное без меня ,- сказал Костров и посмотрел в глаза Пинегину.

Он поднялся со скамейки и Пинегин встал вслед за ним.

- Ты хоть запиши мой адрес,телефон,может быть нужно помочь, знаешь и насчет работы.

И он,вдруг,понял:ничего Костров не знает,ничего он не знал, знать не мог.Нервы,нервы...И надо же было именно сегодня послать машину на техосмотр.Как то недавно он вспомнил о Кострове и подумал,-вдруг,кто либо из родственников добьется его посмертной реабилитации,он сам часто читал теперь такие бумажки : "за отсутствием состава преступления дело прекращено".Перевод из мертвых душ в живые ! Людей нет, зато реестр.Кажется ерунда, человека все равно нет,а скребет по душе от такого дела.Да где там,вероятно,и родственников у Кострова в живых нет.И вот среди бела дня Костров! И тридцать лет отбыл,и в кармане наверное бумага: " за отсутствием состава преступления". Седой ,высохший

Он снова посмотрел в глаза Ивану Григорьевичу и окончательно понял,что тот ничего не знал.Ему стало стыдно на свои сердечные перебои,за холодный пот,ведь вот,вот,готов был закричать

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

занюнить, просить прощения, заголосить, о слабости человеческой. Да, ведь, так учили, заставляли, страшно даже подумать в каком положении он мог очутиться, если бы отказался, вдалбливали - это твой партийный долг! Главное в их встрече было то, о чем они не говорили, то, о чем оба помнили тридцать лет - о ребячей затее, кружке возглавляемом студентом химиком Ванечкой, в котором участвовал Пинегин, о речах этого Ванечки.

Но вот они встретились и Пинегин понял, что Костров не скажет:

- Я, вот, тридцать лет собираюсь спросить, как ты, все занимаешься стенографией? И чувство, что Иван не плюнет ему в лицо, не спросит с него, наполнило Пинегина светом. С какой то, не совсем ясной ему самому, благодарностью он проговорил:

- Слушай Иван, по простому, по рабочему, мой батька ведь кузнецом был - может быть тебе деньги нужны? Уж, поверь, по товарищески, от всей души.

Иван Григорьевич с живым и печальным любопытством

Костров сделал шаг вперед и без упрека, посмотрел в глаза Пинегину, и Пинегину, на одну секунду, только на одну секунду, даже не на две, показалось: и ордена, и дачу, и власть, и силу, и красавицу жену, и удачных сыновей, изучающих ядро атома - все, все можно отдать, лишь бы не чувствовать на себе этого взгляда.

- Что ж, будь здоров Пинегин, - сказал Иван Григорьевич, и пошел в сторону вокзала.

Прийдя на вокзал Иван Григорьевич почувствовал, что ему больше не к чему бродить по ленинградским улицам. Он стоял в холодном, высоком вокзальном здании и думал - куда ему ехать. И никто из тех сотен людей, кто проходили мимо узкоплечего,

47 7 62

Кто виноват, кто ответит...

Надо подумать, не надо спешить с ответом.

~~Вот они [illegible] группы доносов, лжи и наветов~~. Вот они фальшивые ~~[illegible]~~ литературные и инженерские (и литературные) экспертизы, ~~[illegible]~~, речи, разоблачающие врагов народа, вот они задушевные разговоры и дружеские признания, переложенные в донесения и ~~информаторов~~, ~~[illegible]~~ рапорты сексотов, стукачей, информаторов. ~~каждое слово их, как яд курарe. А слов этих написано и сказано столько, что они сливаются в большую реку, подобную реке русской свободы - Волге. Вот они, дающие лживые или откровенные признания на [illegible] очных ставках с своих друзья, [illegible] убивающие товарищей, братья братьев.~~

~~Страшное словоние исходит от этих огромных масс человеческого непотребства.~~ Доносы предшествовали ордеру на арест, сопутствовали следствию, отражались в приговоре. Эти ~~[illegible]~~ мегатонны доносной лжи, казалось, определяли имена людей в ~~[illegible]~~ списках раскулаченных, ~~[illegible]~~, лишаемых голоса, ~~[illegible]~~, паспорта, ссылаемых, расстреливаемых. ~~Эта работа подготовляла движение в дальние лагеря, на плаху, в край вечной мерзлоты миллионов людей.~~

~~Донос, разоблачение врагов народа стали первой ступенью в многоступенчатом деле классового, а затем и расового геноцида.~~

~~[illegible] слова нового Евангелия вещали:~~

~~" Падающего толкни и отвернись от упавшего."~~

~~Слова доносов, рапортов, секретных информаций, разоблачительной истерики превращались в дело.~~ На одном конце цепи два человека ~~[illegible]~~ беседовали за столом и отхлебывали чай, затем при ~~[illegible]~~ свете лампы под уютным абажуром, ~~не без изящества~~, писалось интеллигентное ~~разоблачительное~~ признание, либо (колхозном) на ~~[illegible]~~ собрании по простому говорил речь ~~[illegible]~~ активист; а на другом конце цепи были безумные глаза, отбитые почки, расколотый пулей череп, цынготные мертвецы в лагерном бревенчато-земляном морге, отмороженные в тайге гнойные и гангренозные пальцы на ногах.

~~Никогда, казалось, мощь [illegible] слова не была так велика, как~~

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~При сотворении нового мира. II.~~

Вначале было слово.. Воистину так.

~~Те кому не по силам провокация и донос могли заниматься наушным информационным совещанием.~~

~~Миллионы погибли и чтобы погубить их понадобились миллионы доносчиков-погубителей.~~ Как быть с погубителями-доносчиками?

Вот вернулся после двенадцатилетнего лагеря человек с трясущимися руками, с зажавшими глазами мученика. И среди друзей его прошел шопоток- говорят, он в свое время плохо вел себя на допросах. Некоторые с ним перестали раскланиваться. Те, что поумней, при встречах с ним вежливы, но в дом к себе не зовут. Те, что еще умней, шире, глубже, и в дом его к себе зовут, но душу свою перед ним закрыли.

Все они, с дачами, с сберкнижками, с орденами, машинами. Конечно, он худой, а они толстые, но они, действительно, не вели себя плохо на допросах. Собственно, они и не могли, подлечать- их не допрашивали. Им повезло: их не арестовывали. В чем же действительное, истинное, душевное превосходство этих толстых перед этим худым? Ведь и он мог быть толстым, и они могли быть худыми. Случай или закон определил их судьбу?

Он был обыкновенным человеком. Он пил чай, с молоком, ел яичницу, любил беседовать с друзьями о прочитанных книгах, ходил в МХАТ, иногда проявлял доброту. Был он, правда, очень впечатлителен, нервен, не было в нем сомо уверенности.

А на человека крепко нажали. На него не только кричали, его и били, и спать не давали, и пить не давали, а кормили селедочкой, и стращали смертной казнью. И все же, что не говори, он совершил страшное дело- оклеветал невинного. Правда, тот оклеветанный посажен не был, а он, которого при нудили клеветать, безвинно отбыл 12 лет лагерной каторги, вернулся чуть живым, сломленым, нищим доходягой. Но ведь оклеветал!

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Не будем спешить, подумаем всерьез об этом доносчике.

Но вот [redacted]. Этот [redacted] дня не [redacted] в заключении. Он слыл умницей, [redacted], златоустом и, [redacted] вернувшиеся из лагеря, чуть живые люди, [redacted] рассказали, что [redacted] он сексот. Он способствовал гибели [redacted] людей. Он годами вел задушевные разговоры со своими друзьями, а затем [redacted] составлял письменные [redacted] заметки и [redacted] сдавал [redacted] их [redacted] по начальству. Из него [redacted] показаний [redacted] пыткой [redacted] не выколачивали, он сам проявлял [redacted] словоохотливость, [redacted] подводил [redacted] незаметно [redacted] собеседников [redacted] к [redacted] и сам [redacted] опасные темы.

Двое оклеветанных им не вернулись из лагеря, один был расстрелян по приговору военной коллегии. Те, что вернулись, [redacted] привезли [redacted] списки болезней, по каждой из которых жестокий ВТЭК дает не колеблясь инвалидность первой группы.

А он то нажил брюшко, [redacted] [redacted] славился, как [redacted] гастрономия [redacted] знаток [redacted] грузинских вин. И работал он в области изящного, [redacted] был, между прочим, собирателем [redacted] к чему всегда стремились [redacted] [redacted] [redacted]

[illegible] миловидная [illegible] Галя- [illegible] казалось, смотрела на него с гадливостью, как на червя, [illegible] неприкасаемого. Его ужасало, что она заметит его влюбленный взгляд.

[illegible] Какое что становится понятным. Его [illegible] сила нового мира, он словно [illegible] всматривался [illegible] глазенками в сияющие очи всесветной нови. Ему так хотелось приобщиться, сдружиться, [illegible] Вот новь и приобщила его к себе. Воробушек [illegible] не пикнул, не трепехнул крылышками, когда [illegible] грозному миру понадобились и ум его, [illegible] и присущий ему шарм. [illegible]

Он все [illegible] принес на алтарь отечества.

Все это верно, конечно. Но ведь коллец, какой оказался коллец! И [illegible] ведь стучал, себя не забыл,- сладко [illegible] ел, [illegible] нежился, [illegible]. И все [illegible] же очень уж он был незащищенный, такому с нянечкой, [illegible] с женой, [illegible] Ну где [illegible] ему было справиться [illegible] силищей, которая полмира согнула, всю империю вывернула на изнанку. А он [illegible] своей трепетной тонкостью, был, как кружевцо, чуть к нему не так прикоснешься он весь терялся, в глазах жалобное [illegible] выражение.

И вот [illegible] смертельная болотная гадючка, подкатывалась [illegible] кольчиком, и много муки от нее людям досталось.

И ведь губил таких же как сам,- многознавних своих друзей, милых, скрытных, [illegible] умниц робких.

Он один имел к ним ключик. Он ведь все понимал- плакал, читая чеховского " Архиерея ". [illegible]

И все же колоколам, подумаем, [illegible] станем казнить его.

А вот и [illegible] товарищ. У него [illegible] отрывистый голос, с хрипотцо боцманский. [illegible] взгляд испытующий, [illegible] спокойный. В нем [illegible] хозяина жизни. [illegible]

[illegible]. То бросят его на идеологическую работу, то [illegible]

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~[illegible]~~ в ~~оборонную промышленность~~ (продовольствие). ~~Неизменно член бюро райкома, делегат партийного съезда, член пленума обкома, [illegible], орденоносец и множество медалей. Он отдыхает в Барвихе и лечится в Кремлевке.~~ Анкетные данные его ~~восхитительной~~ снежной белизны, сами светятся. ~~Вся его~~ Родня станковые рабочие и беднейшее столбовое крестьянство.

В 1937 году человек этот (слету, смахи) написал больше двухсот доносов. Много ~~народу в~~ образен его кровавый список. Комиссары времен гражданской войны, поэт песенник, директор чугуннолитейного завода, два секретаря райкома, бесспартийный старый инженер, три редактора- один газетный, два ~~[illegible]~~ издательских, заведующий закрытой столовой, преподаватель философии, зав парткабинетом, профессор ботаники, слесарь из домоуправления~~[illegible]~~, два сотрудника облземотдела... Всех не перечислить.

~~Он разоблачал врагов народа слету, смаху, не вникая в суть дела, иногда даже писал о людях которых не знал лично.~~ Но все ~~[illegible]~~ его доносы ~~[illegible]~~ сочинены на советских людей, а не ~~людей~~ на бывших,- жертвы его ~~были~~ членами партии, участниками гражданской войны, ~~[illegible]~~ активистами. Он ~~[illegible]~~ особо специализировался на ~~[illegible]~~ партийцах фанатического склада, ~~[illegible]~~ резво сек их смертельной бритвой по глазам.

Мало кто вернулся из двухсот- одни расстреляны, другие накрылись деревянбушлатом, погибли от дистрофии, убиты при лагерных чистках; вернувшиеся , душевно и физически искалеченные кое как дотягивают свое вольное существование.

А для него 1937 год ~~был~~ стал порой виктории . Он ~~[illegible]~~ ведь был не шибко грамотным востроглазым парнюгой, все ~~кто были~~ вокруг оказались сильней его и ~~[illegible]~~ по образованности, и по героическому прошлому. Ни очка, ~~[illegible]~~ не причиталось ему с тем, кто затеял и совершил революцию. Но с какой то фантастической легкостью от одного его прикосновения валились десятки людей овеянных революционной славой.

~~[illegible]~~

С тридцать седьмого года он и пошел круто вверх. В нем то и оказалась благодать, драгоценнейшая суть нови.

Вот с ним уж кажется все ясно- на костях, на страшных муках стал быть этот депутат и член бюро.

Но нет, нет , не следует спешить, надо разобраться, подумать прежде чем произносить приговор. Ибо не ведал и он , что творил.

Старшие наставники имени партии

И вот однажды сказали ему:

- " Беда! Мы окружены врагами! Они прикидываются испытанными партийцами, подпольщиками, участниками гражданской войны, но они враги народа, резиденты разведок, провокаторы.". Партия говорила ему: " Ты молод и чист, я верю тебе, парнишка, помоги мне, иначе погибну, помоги мне одолеть эту нечисть.."

Партия кричала на него, топала на него сталинскими сапогами: " Если ты проявишь нерешительность то поставишь себя в один ряд с выродками, и я сотру тебя в порошек!"

Помни, сукин сын, ту черную избу в которой ты родился, а я веду тебя к свету науки; чти послушание, Великий Сталин, отец твой, приказывает тебе: „Ату их!"

Нет, нет , он не сводил личных счетов.. Он, сельский комсомолец, не верил в бога. Но в нем жила другая вера- вера в беспощадность карающей руки, вера в великого Сталина. В нем жило безоглядное послушание верующего. В нем жила благодарная робость перед могучей силой, ее гениальными вождями Марксом Энгельсом, Лениным, Сталиным. Он солдат великого Сталина поступал по велению его.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

в нем жила и

Но конечно биологическая инстинктивная неприязнь, подсудная гадливость к людям интеллегентного, фанатичного революционного поколения, на которых его натравливали.

Он сполнял свой долг, но он не сводил счётов, он писал доносы и из чувства самосохранения. Он зарабатывал капитал более драгоценный чем золото и земельные угодия — доверие партии. Он знал, что в советской жизни — доверие партии — это все: сила, почести, власть.

Он верил, что его неправда служит высшей правде, он прозревал в доносе истину.

Да, можно ли винить его, когда и не такие головы не смогли разобраться в чём ложь, а в чём правда, когда и чистые сердца в бессилии недоумевали, что есть добро, а что есть зло.

Он ведь верил, точнее — хотел верить, точнее — не мог не верить.

Чем то это темное дело было ему неприятно, но ведь долг! Да и чем то нравилось страшное дело ему, пьянило, затягивало. Помни, наставники — говорили ему — нет у тебя ни отца, ни матери, ни братьев и сестер, есть у тебя лишь партия.

И силилось странное, томящее чувство: в своем бездумии, в своем послушании он обретал не бессилие, а грозную мощь.

А в недобрых генеральских глазах его, в его властном отрывистом голосе, нет, нет, да мелькали тени совсем иной, тайно жившей в нем натуры — ошарашенной, сбагденой, вскормленной и вспоенной веками русского рабства, азиатского бесправия..

Да, да, и здесь придется подумать. Ведь страшно казнить и страшного человека.

Но вот новый товарищ, — Иуда четвертый.

Он жилец коммунальных квартир, он мелкосредний служащий, он колхозный активист. Но кем бы он ни был — лицо его всегда одно — молод ли он, стар, безобразен, либо он статный и румяный русский богатырь — его тотчас можно узнать. Он мещанин, жадный до предметов на-

кошитель, фанатик материального интереса. Его фанатизм в добывании дивана-кровати, крупы-гречки, серванта-польского, стройматериалов-дефицитных, манафктуры-импортной, по силе своей равен фанатизму Джордано Бруно и Андрея Желябова.

Он создатель категорического императива противоположного кантовскому-человек, человечество всегда выступают для него в качестве средства при его охоте за предметами. В глазах его светлых и темных, постоянно напряженное, обиженое и раздраженное выражение. Всегда ему кто то наступил на ногу, и ему неизменно нужно с кем то посчитаться.

Страсть государства к разоблачению врагов народа благодатна для него. Она словно широкий пассат, дующий над океаном. Его маленький несчастный парус наполнен широким попутным ветром. И ценой страданий, выпадающих тем, кого он губит, он добывает нужное ему: дополнительную жилую площадь, повышение оклада, соседскую польский гарнитур, избу, утепленный гараж для своего " Москвича ", садик..

Он презирает книги, музыку, красоту природы, любовь, материнскую нежность. Только предметы, одни лишь предметы.

Но и им не всегда руководят лишь материальные соображения. Он легко оскорбляется, его жгут душевные обиды.

Он пишет на сослуживца, танцевавшего с его супругой и вызвавшего в нем ревность, на высмеявшего его за столом остроумца, и даже на случайно толкнувшего его в кухне соседа по квартире.

Две особенности отличают его- он доброволец, его не пугали, не заставляли, он сам по себе

доносит, стращать его не надо. Второе- он видит в доносе свою прямую, ясную выгоду. И все же задержим поднятый для удара кулак.

Ведь его страсть к предметам рождена его нищетой. О, он может рассказать о комнате в восемь квадратных метров, где спит одиннадцать человек, где похрапывает паралитик, а рядом шуршат и стонут молодожены, бормочет молитву старуха, заходится плачем описявшийся младенец.

Он может рассказать о деревенском, зеленокоричневом, хлебе с толченым листом, о едином трехразовом московском супе из цепенной промерзшей картошки.

Он может рассказать о доме, где нет ни одного красивого предмета, о стульях с фанерками вместо сидений, о стаканах из мутного толстого стекла, об оловянных ложках и двузубых вилках, о латаном и перелатаном белье, о грязном резиновом плаще под который в декабре надевают рваную стеганку.

Он может рассказать об ожидании автобуса в утреннем зимнем мраке, о неумолимой трамвайной давке после страшной домашней тесноты..

Не звериная ли его жизнь породила в нем звериную страсть к предметам, к просторной берлоге? Не от звериной ли жизни озверел он?

Да, да, все это так, конечно. Но замечено, что ему то жилось не хуже, чем другим, что хоть и плохо жилось ему, но лучше, чем многим и многим.

А вот ведь эти многие и многие не сотворили того, что сотворил он. Подумаем, не торопясь, потом уж приговор.

.....

ОБВИНИТЕЛЬ. Вы подтверждаете, что писали доносы на советских граждан ?

СЕКСОТЫ И ДОНОСЧИКИ. Да, в некотором роде.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ОБВИНИТЕЛЬ. Вы признаете себя виновными в гибели невинных советских людей ?

СЕКСОТЫ И ДОНОСЧИКИ. Нет. Категорически отрицаем. Государство заранее обрекло этих людей гибели, мы работали, так сказать, для внешнего обрамления. По существу, что бы мы не писали, как бы мы не писали, обвиняли или оправдывали, люди эти были обречены государством.

ОБВИНИТЕЛЬ. Но ведь иногда вы писали по своей свободной воле, по своему выбору. Получается, что вы сами намечали жертву!

ДОНОСЧИКИ И СЕКСОТЫ. Эта наша свобода кажущаяся. Люди уничтожались методом статистическим, готовились к истреблению люди принадлежащие к определенным социальным, имейным слоям. Мы знали эти параметры, ведь вы их тоже знали. Мы никогда не стучали на людей принадлежащих к здоровому слою, не подлежащему уничтожению.

ОБВИНИТЕЛЬ. Однако же были случаи, даже в то суровое время, когда государство оправдывало оклеветаных вами.

ЗАЩИТНИК. Да, такие случаи, действительно, были- они следствие ошибки. Но ведь только бог не ошибается. Да и вспомните, как редки были случаи оправдания, значит и редки были ошибки.

ОБВИНИТЕЛЬ. Да, доносчики и сексоты знали свое дело. Но все же ответьте мне- для чего вы стучали? людей?

ДОНОСЧИКИ И СЕКСОТЫ. / хором / Меня заставили.. били.. не ... А меня загипнотизировали страхом, беспредельного насилия... Что касается меня - я выполнял свой партийный долг, как его в ту пору понимал.

ОБВИНИТЕЛЬ. А вы, четвертый товарищ, почему молчите?

ДОНОСЧИК. Я то что, зачем вы ко мне придираетесь, я человек темный, меня легче, чем образованных, сознательных обидеть.

ЗАЩИТНИК. / перебивая / Разрешите, я поясню. Мой клиент, действительно, доносил преследуя личные цели.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Однако учтите- в данном случае личный интерес не противоречит государственному. Государство не отклоняло доносов моего подзащитного, следовательно он выполнял государственно полезное дело, хотя при первом, поверхностном взгляде может показаться, что он действовал из эгоистических, личных побуждений. (Вставка (не обирать)

ОБВИНИТЕЛЬ. Ваш взгляд мне ясен: вы не склоны принять на себя и части вины. Только государство. Неужели вы не признаете себя какой либо хоть в мере виновными?

СЕКСОТЫ И ДОНОСЧИКИ. / переглядываются, затем говорит ученный сексот / Разрешите ответить. Ваш вопрос при внешней своей простоте не столь уж прост. Прежде всего он лишен смысла, но это как раз не имеет значения. Действительно, к чему нынешнее искать виновных за преступления совершенные в сталинскую эпоху? Это все равно, что переселившись с земли на луну возбудить тяжбу о земных приусадебных участках. С другой стороны если считать, что эпохи не так уж далеки друг от друга, и как сказал поэт, в веках стоят почти что рядом,- возникает не мало иных сложностей. Почему вам обязательно хочется обличать именно нас слабеньких? Начните с государства, судите его. Ведь наш грех это его грех, судите же его бесстрашно, вслух. Вам иначе нельзя- вы ведь выступаете во имя правды. Ну, давайте же, действуйте! Затем ответьте, пожалуйста, почему вы спохватились именно теперь? Всех нас вы знали при жизни Сталина. Отлично с нами встречались, ждали приема у дверей наших кабинетов, иногда что то там воробьиными голосами шептали по нашему поводу. Так и мы ведь шептали воробьиным шепотом. Вы, как и мы, соучастники сталинской эпохи. Почему же вы соучастники должны судить нас соучастников, определять нашу вину? Понимаете, в чем сложность? Может быть мы и виноваты, но нет человека имеющего моральное право поставить вопрос о нашей виновности. Помните у Льва Николаевича: нет в мире виноватых? В нашем государстве новая формула- все миром виноваты и нет в мире ни

Вставка

(Теперь вот что.)

В Сталинские времена Вас (обвинитель) обвинили бы в недооценке роли государства. ~~[illegible]~~

Знаете ли вы, что ~~[illegible]~~ силовые поля, созданные ~~[illegible]~~ нашим государством, тяжелая ~~[illegible]~~, в триллионы тонн, масса его, ~~[illegible]~~ сверхужас и ~~[illegible]~~ сверхпокорность, которые она вызывает в человеческой пушинке, таковы, что делают бессмысленными любые обвинения, направленные против слабого, незащищенного человека?

Смешно винить пушинку если ~~за то, что~~ она ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ падает на землю.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

одного невиновного. Речь идет о мере , о степени вины. Пристало ли вам, товарищ прокурор, обвинять нас? Одни лишь мертвые (те, что не выжили,) вы в праве судить нас . Но мертвые не задают вопросов. И вот разрешите на ваш вопрос ответить вопросом. В чем причина этой всеобщей, вашей и нашей, поголовной слабости, податливости?

ОБВИНИТЕЛЬ. Вы уклонились от ответа.

/ Входит секретарь, протягивает ученному сексоту пакет, говорит: " правительственный "/

УЧЕННЫЙ СЕКСОТ. / прочитав бумагу, протягивает ее обвинителю. / Прошу вас: (В связи с шестидесятилетием) Отмечена моя более чем скромные заслуги в отечественной науке.

ОБВИНИТЕЛЬ. / прочтя бумагу / Не могу не, порадоваться за вас, поверьте, ведь все мы советские люди.

УЧЁННЫЙ СЕКСОТ. Да, да, спасибо. / бормочет про себя / Разрешите через вашу газету поблагодарить.. (учреждение, организацию) Тов. ... музей и друзей..

ЗАЩИТНИК. / становится в позу и произносит речь /

Товарищ обвинитель, и вы господа присяжные заседатели ! Товарищ прокурор только что сказал моему подзащитному, что он уклонился от ответа- признает ли он себя хоть в какой либо мере виновным. Но и вы ведь ему не ответили- в чем причина нашей (общей) поголовной (всеобщей) податливости? Может быть (от самой) Природа человека породила доносчиков, сексотов, информаторов, стукачей. (Может быть их) выработанного, (с виду, мелкого) заложила в человеке, (выработанной сексотами) вырождают железы, хлюпающая кашица в кишечнике, грохот желудочных газов, слизистые оболочки, деятельность почек, они рождаются из безглазых и безносых инстинктов питания, самосохранения, размножения.

Ах, не все ли равно- виноваты ли стукачи или не виноваты, пусть виноваты они, пусть не виноваты, отвратительно (но) то, что они есть. Отвратна животная, растительная, минеральная, физико- химическая сторона человека. Вот эта та слизистой у обросшей шерстью низменной

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

стороны человеческой сути и рождаются стукачи. Государство людей не рождает. Стукачи проросли из человека. Жаркий шар госстраха пропарил людской род и дремавшие зернышки разбухли, ожили. Государство- земля. Если в земле не затаились зерна, не выростет из земли ни пшеница, ни бурьян.. Человек объязан лично себе за мразь человеческую.

Вставка (из оборота)

Кого же судить? Природу человека! Она, она рождает эти ворохи лжи, подлости, трусости, слабости. Но она ведь рождает и хорошее, чистое, добро. Доносчики и стукачи полны добродетели, отпустите их по домам, но до чего мерзки они.. мерзки со всеми добродетелями, со всем отпущением грехов.. Да кто же это так нехорошо пошутил, сказав: человек это звучит гордо ?

Да, да, они и не виноваты, их толкали угрюмые, свинцовые силы, на них давили триллионы людей, нет среди живых невиновных.. Все виновны, и ты подсудимый, и ты прокурор, и я, думающий о подсудимом, прокуроре и судье.

Но почему так больно, так стыдно за наше, человеческое непотребство.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Заглавие

Вы знаете, что самое [redacted] в старухах и доносительницах? Вы думаете — то плохое, что есть в них? Нет! [redacted]. Самое страшное [redacted] то, что они полны достоинств, [redacted] добродетелей. [redacted]

Ах, больше мой, какие [redacted] любящие, ласковые, [redacted] нужные... На [redacted] подвиги - добрые, трудолюбивые они [redacted]

Как [redacted] любят [redacted] песни, [redacted] великую русскую литературу, прекрасную музыку, [redacted] [redacted] [redacted] судят о самых сложных явлениях современной [redacted] жизни...

А какие среди них встречаются преданные, добрые друзья, [redacted] [redacted] [redacted] [redacted] [redacted] К тем, [redacted] [redacted] [redacted], как трогательно навещала она, попавшего в больницу, товарища.

[redacted]. Какие среди них [redacted] терпеливые, [redacted] [redacted] [redacted] [redacted] [redacted]

" Черт меня толкнул пешком ходить " повторял Пинегин. Ему не хотелось думать о том темном, плохом, что спало десятилетия и вдруг проснулось. Не в плохом поступке была суть, суть была в глупой случайности, что столкнула его с погубленным им человеком. Не столкнись они на улице спящий бы не просыпался. Спящий проснулся и Пинегин, сам того не заметив, все меньше думал о глупой случайности, все больше тревожился и сокрушался:

" Что ж, а ведь факт, ведь именно я на Ванечку стукнул, а можно было и обойтись, и сломал человеку позвоночник, черт бы его драл. Сейчас бы встретился и всё в порядке было. Эх, собака, такая дрянь в душе поднялась- словно я залез какой то даме в сумку, а она меня поймала за руку, а вокруг все мои референты, секретари, водитель, ой, ох, беда, прямо хоть не живи после такой дряни на свете.. Может быть и вся моя жизнь одна сплошная подлость..

Жить надо было совсем по другому манеру."

И, охраченный нешуточным смятением, Пинегин зашел в интуристский ресторан, где давно его знали и метр, и официанты, и швейцар.

Швейцар распахнул дверь и пропуская Пинегина в полутьму пальмовых тропиков, сказал: " Пожалуйте, погода то сегодня.." Он как бы в отпечатаной типографски фразе оставил пунктир, который мог заполнить Пинегин, и тот , действительно, бормотнул: " Весной пахнет," направился к раздевалке.

Завидя его два раздевальщика выбежали из за барьера, пришепетывая: " пожалте, пожалте." , и похрапывая как жеребцы, в нетерпении потянулись к богатым пинегенским доспехам. Глаза у них были зоркие, хорошие глаза рысистых умных русских ребят, из раздевалки интуристского ресторана, умевших точно запомнить кто был, да как одет, да что сказал невзначай шопотом. Но уж к Пинегину с его депутатским значком они относились всей душой, открыто, почти

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

как к непосредственному начальнику.

Пинегин неспеша, ощущая ногами податливую и одновременно упругую мягкость ковра, прошел в ресторанный зал. Огромная люстра не была еще зажжена, и торжественный сумрак стоял в высоком и просторном зале, свет в него проникал сверху через цветные стеклышки. Пинегин медленно вдохнул спокойный, как вечерняя озерная вода воздух одновременно прохладный и теплый, оглядел столы, покрытые белыми крахмальными скатертями; неярко поблескивали граненые вазочки с цветами, бокалы и рюмки. Он прошел, присматриваясь, меж столов в знакомый ему укромный угол, где небольшой стол стоял под пальмой резной листвой рододендрона.

Он шел между столиками с разноцветными интуристовскими флажками многих держав мира и казалось, что это линкоры и крейсеры, а он флагман адмирал медленно, торжественно принимающий парад.

И с этим, помогающим жить чувством адмиральства и торжественности, он сел за столик, неторопливо потянулся к оливково-синей, добротной, как лауреатский диплом, обеденной карте и, раскрыв ее, углубил взор в раздел "холодные закуски."

Он просматривал названия напечатанные на его родном языке и на прочих главнейших языках мира, делая пометки в памяти, затем, перелистнув звенящую картонную страницу, окинул успокоенным и просветленным взглядом раздел "супы", пожевал губами и скосил взор на подотделы: "блюда из мяса"..."блюда из дичи".

И в тот миг, когда он слегка затомившись между мясом и дичью, официант, узнавший его, и разгадав его раздвоение, произнес:

- Филе, вырезка, сегодня исключительное...

Пинегин долго молчал.

- Что ж, филе так филе, - сказал он.

Он сидел в полутьме и тишине с полузакрытыми глазами и полновесная

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

правота его жизни спорила со смятением и ужасом, вдруг воскресшими в нем, с огнем и льдом раскаяния. ~~И тут же желание еды заставляло его поглядывать на задрапированную черно-красным бархатом дверь, ведущую в ресторанную кухню.~~ (отделявший дверь на кухню)

Но вот тяжелый бархат зашевелился и Пинегин определил по лысой голове официанта: "Мой".

Поднос плыл из полутьмы на Пинегина, и он ~~все~~ видел розовато пенильную лососину среди лимонных солнышек, ~~благородную~~ смуглость икры, тепличную зелень огурцов, крутые бока водочного графинчика и боржомной бутылки.

Да и не был он уж таким гастрономом и не так уж хотелось ему есть, а именно в эту минуту ~~успокоился~~ и старый человек в ватнике (вновь не) перестал тревожить его правоту.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка (на обороте)

угрюмого старика, глядевшего на черную доску-расписание, по-думали: вот он стоит, — лагерный русский человек, на распутьи гадает, выбирает дорогу. Нет, он не выбирал дороги.

Десятки следователей на протяжении его жизни, понимали, что он не был ни монархистом, ни эсером, ни эсдеком, не участвовал в троцкистской, ни в бухаринско-рыковской опозиции. Он не принадлежал ни к новой, ни к старой церкви, ни к адвентистам седьмого дня.

На вокзале, думая о тяжелых днях в Москве и Ленинграде, он вспомнил разговор с лагерным, лежавшим на нарах рядом с ним, царским артиллерийским генералом. Старик говорил: "ни куда я из лагеря не пойду — тепло, люди знакомые, кто даст сахару кусок, кто из посылки пирожка."

Такие старики не раз встречались ему, — они уже не хотели уходить из лагеря, тут был их дом, еда в заведенный час, подачки добрых соседей, тепло печурки.

Правда же, куда им было уходить, — одни хранили в обизвествленных глубинах своих сердец воспоминания о сиянии Царскосельских люстр, о зимнем солнце Ниццы; другие помнили Менделеева, приходившего по-соседски пить чай в их семью, молодого Блока, вспоминали Скрябина и Репина; третьи хранили во все еще теплом пепле память о Плеханове, Гершуни, Морозове и Тригони — друзьях великого Желябова. Бывали случаи, когда отпущенные на свободу старики просились обратно в лагерь, жизненый вихрь сбивал их с дрожащих, слабых ног, огромные города пугали их безлюдьем, холодом.

9. Вставка

Придя на вокзал Иван Григорьевич почувствовал, что ему больше не к чему бродить по ленинградским улицам. Он стоял в холодном, высоком вокзальном здании, и думал. ~~[illegible]~~

И ~~[illegible]~~ может быть кое кто из ~~[illegible]~~ людей, ~~[illegible]~~ проходивших мимо ~~[illegible]~~

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~негде преклонить голову.~~

Ивану Григорьевичу хотелось вновь прийти за проволоку, разыскать всех, кто привык к теплому тряпью, ~~к лесу служебных собак~~, к ~~жестяной~~ миске с ~~супом~~ баландой, ~~к вайне хлеба~~, к бараченому теплу. ~~печурки~~. Ему хотелось сказать им: "Действительно страшно на воле! ~~для стариков безлюдье и одиночество. Вот он шел среди семимиллионого народа по Москве и не видел ни одного знакомого лица. Семь миллионов, - семьдесят лагерей на сто тысяч человек каждый, и, вот, мыслимо ли пройти через семьдесят лагерей и не встретить знакомого человека.~~

И он рассказал бы, потерявшим силу старикам, как пришел к родному человеку, как подошел к дому, где жила любимая им женщина, как столкнулся с ~~университетским~~ университетским ~~старым, студенческим~~ товарищем, предложившим ему помощь ~~работу, деньги, право жить в Ленинграде. Он объяснит им: я тоже не понимал тяжесть свободы, и лишь сейчас измерил ее. И со злобой он~~ сказал бы людям, что лагерным старикам ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~он испытал не при встрече с Пинегиным, а теперь, говоря с ними, боящимися свободы. Если он станет слепым, безвольным стариком, а ждущее его за проволокой одиночество будет еще холодней, а встречи с когда то близкими и знакомыми ему людьми ужасней этого одиночества, - он, получив свободу, будет счастлив~~ Нет выше счастья, чем слепым, безпочим выползти на брюхе из лагеря, и ~~он будет счастлив если ему хватит сил~~ умереть на воле хотя бы ~~[illegible]~~ в десяти шагах от проклятой проволоки.

10

7

Чувство покоя и печали возникло у Ивана Григорьевича, когда хлопоты с пропиской, подысканием жилья и работы закончились и у него, ~~[illegible]~~ слесаря в инвалидной, метизовской артели, появился в

паспорте заветный штамп о прописке и он стал жить в снятом за сорок рублей углу у вдовы, погибшего на фронте сержанта Михалева.

У Анны, полуседой и все же молодой женщины, двенадцатилетний, бледный, в латаной, штопаной курточке, такой удивительно тихий, любознательный, какой может только появиться в нищенски бедной семье.

На стене висела фотография Михалева - человека с невеселым выражением лица, он словно уже в ту пору, когда снимался, предвидел свою судьбу.

Михалев пропал без вести в первые дни войны, а часть в которой он служил была искромсана недалеко от границы немецкими танками и некому было свидетельствовать, - остался ли он лежать не похороненным, пристреленным немецким автоматчиком, или сдался в плен, - поэтому военкомат не давал вдове пенсии.

Михалева работала в столовой. Но жилось ей плохо; сестра ее, колхозница, однажды прислала из деревни посылку, - коржи из черной с отрубями муки, мутного с воском, меду.

Михалева не расспрашивала Ивана Григорьевича о его прошлой лагерной жизни. Расспросил его обстоятельно кадровик в артели. Но Анна Сергеевна, не спрашивая ни о чем, глазами привыкшими понимать жизнь, многое увидела наблюдая Ивана Григорьевича. После первой ночи, проведенной в ее комнате квартирантом, она сказала:

- Вам плохо было спать - тесно, твердо, без простынь.

Он переспросил:

- Тесно, твердо? Да, что вы!

Он мог спать на досках, пил с удовольствием горячую воду, без заварки и сахара, жевал сухой хлеб, вместо носков носил в ботинках

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Нужно!

Вставка I

Сын Анны Сергеевны (в войсках) служил срочную службу в Москве. Его фотография — толстощекий, стриженный под машинку — висела рядом с фотографией отца.

Вставка II

Но и Михалева (сдавала возможность) посылала сестре в деревню продовольственный: муку, крупу, подсолнечное масло, а при случае белый хлеб и сахар. Анна Сергеевна у Ивана Григорьевича удивляло, почему работая на кухне такая худенькая и бледная.

А в лагерях сразу можно было узнать повара в толпе заключенных.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

портянки, не имел постельного белья, но она замечала, что рубашка на нем, хотя и застиранная до желтизны, была с чистым воротником и что по утрам он доставал облупленую и мятую коробку из под монпасье, чистил щеточкой зубы, тщательно мылил лицо и шею, руки до локтя.

Вставка I (на обороте)

В артель он попал по счастливому случаю, - в городском саду разговорился с согнутым, похожим на стоящий полоз от саней, чахоточным человеком и тот рассказал ему, что бросает счетоводство в инвалидной артели и уезжает; уезжает, потому что не хочет быть похороненым в городе, где кладбище расположено в болотистой местности и гробы в могилах плавают в воде. А счетовод хотел после смерти полежать с удобствами, он накопил денег на дубовый гроб, купил хорошего красного материала для обивки, запас медных гвоздей, которыми обивали кожаные диваны на вокзале. Не мокнуть же ему со всем своим добром в воде.

Говорил он обо всем этом голосом человека, собравшегося переехать на новую более удобную квартиру.

По рекомендации этого "новосела", как прозвал его про себя Иван Григорьевич Костров, и удалось ему устроиться слесарем в артель, производившую замки, подбор ключей, лужение и пайку посуды. Вставка II (на обороте)

Среди рабочих были инвалиды Отечественной войны; были покалечены на производстве, либо на транспорте; имелось три старика, покалеченных еще в войну 1914 года. Вставка III (на обороте)

Инвалиды в артели были по большей части люди веселые, склонные юмористически относиться к жизни, но иногда с кем нибудь из них происходил припадок и к грохоту молотков, визгу напильников примешивался крик припадочного, начинавшего биться на полу.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка I

Страной была ему почти тишина. Он за десятилетия привык к многоголосому храму, сонному бормотанию, стонам сотен спящих в бараках, к стуку колотушек, лагерь к скрежету колес. Одному приходилось ему быть лишь в карцере, да однажды во время следствия его продержали три с половиной месяца в одиночке. Но нынешняя тишина не была напряженной тишиной одиночки.

Вставка II

Пригодилась тут специальность Ивана Григорьевича одно время слесарившего в лагерной ремонтной мастерской.

Вставка III

Оказался в артели и лагерный сторожил, рабочий Путиловского завода Морданьон был осужден по 58 статье в 1938 году и освободился после окончания войны. Морданьон не захотел возвращаться в Ленинград, где во время блокады умерла его жена, дочь, зять, и поселился у сестры в южном городе, стал работать в артели.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

81

У старого (седого) кастелянша, медицинские Пташковского, военнопленного 1914 года,/говорили, что он австриец и выдает себя за поляка,/вдруг цепенели руки и он застывал на своем табуретике с поднятым молотком, лицо его становилось неподвижным, надменным, как у старого владельца лавки. Надо было его тряхнуть за плечо, чтобы вывести из оцепенения. А однажды, припадок случившийся с одним инвалидом, заразил сразу многих и в разных концах мастерской стали биться на полу, причать молодые и старые люди.

(Вставка I (на обороте)

Иван Григорьевич чувствовал себя среди рабочих хорошо, они относились к нему, как к своему брату покалеченному. (Вставка II (на обороте)) Иван Григорьевич увидел вскоре какими способами люди стремятся скудные увеличить свои заработки. Кое кто из своего (кустарного частным образом) материала делал кастрюли (чайники) и замки, и когда они шли в продажу, сами работие получали за это деньги. (через артель, Продавались они по государственной цене не выше и не ниже.

Другие договаривались с клиентами о починке барахла частным образом и получали деньги не выписывая квитанций. И деньги за работу брали такие же, как государство, - не больше и не меньше.

Мордань, человек с ладонями такой величины, что ими, казалось, можно было сгребать зимой снег с тротуаров, рассказывал во время обеденого перерыва о случае происшедшем накануне в его доме. В соседней квартире живут пять соседей - токарь, портной, монтер с механического завода, две вдовы, одна работает на швейной фабрике, другая уборщица в Горсовете. И вот в выходной (день) обе вдовы встретились (в отделении милиции - они) (ОБХСС) их задержали на улице за продажей) у Университета - они предъявили прохожим сетки-авоськи, которые тайно друг от друга плели по ночам. Женщины тут же поругались и одна из них, (что) (кто) крикнула в ОБХСС. Вечером милиция произвела в квартире обыск и (что) оказалось, что портной по ночам шил мальчуковые и женские пальто, (четыре) пальто, монтер устроил под полом электрические печи, пек вафли, жена их продавала

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка I

Удивительно хорошо непривычное было Ивану Григорьевичу ощущение — он работал по вольному найму, без конвоя, без вертухов на вышках. И странно было: работа как будто та же, инструмент знакомый, а все же надлом никто не назовет, не замахнется вор, не прикрозит дрином сука.

Вставка II

Кадрами в артели ведал недавно уволенный из КГБ по сокращению штатов полковник государственной безопасности Филиппов. И хоть одет он был в парусиновой дачный пиджак, и говорил с Иваном Григорьевичем любезно и доброжелательно, и подробные его расспросы носили сочувственный характер, и он как бы винился в причастии к тому, что жизнь Ивана Григорьевича прошла в лагерях, чувствовалась в нем неизжитая и незабытая привычка старого чекиста-чекушника — наркомвнудельца-чебиста. „Новосел" счетовод рассказал Ивану Григорьевичу, что Филиппов готовится скоро окончательно перейти на пенсию, посадил фруктовый сад, привез из Мичуринска усы знаменитой клубники, завел уток и индеек.

А Мордань с которым Иван Григорьевич довольно быстро и легко разговорился — оказывается они года не ведал другого, другого помаря находились в одном лагере — сказал ему:

— Посмотрел я на этого гражданина начальника, вроде мы с ним по одному ведомству были, только должности разные. И я даже подумал — свой брат вроде бы и ничего. Теперь все кажется. Когда он по цеху идет, вот даст дрином по голове.

— Эй, надло, шевелись, а то в клею

на базаре, токарь с завода "Красный факел" оказался ночным сапожником - шил модельные дамские туфли; вдовы же не только плели авоськи, но и вязали кофточки.

Мордань смешил слушателей, показывал, как монтер кричал, что печет вафли для семьи, а инспектор ОБХС спрашивал его - так таки для семьи заготовил он два пуда теста на вафли? Каждого нарушителя оштрафовали на 300 рублей, о каждом сообщили по месту работы и пригрозили высылкой в порядке общения советской женщины тунеядцев и нетрудового элемента.

Ветака I (на обороте)

Вечером приходила домой хозяйка. Она приносила с собой в кошелке еду для племянника, - суп в бидончике, второе в глиняном горшке.

- Может покушаете? тихо - спрашивала она у Ивана Григорьевича: - у нас хватит.

- Я вижу, вы сами не едите - говорил Иван Григорьевич.

- Я весь день ем, у меня работа такая - ответила она и видимо поняв его взгляд сказала:

- Устаю я очень от работы.

В первые дни, бледное лицо хозяйки казалось Ивану Григорьевичу недобрым. Потом он увидел, - она добра. Иногда она рассказывала о деревне. В колхозе она была бригадиром, а одно время даже работала председателем колхоза. Колхозы не выполняли планов, - то недосев, то засуха, то с земли содрали три шкуры и она изнемогла, потеряла силу, то ли все мужики и молодые подались в город... А раз поставку не выполни-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

Мордань любил в разговоре ученые слова — рассматривая испорченный замок (он) важно говорил:

— Да, ключ совершенно не реагирует на этот замок.

Идя после работы по улице рядом с Иваном Григорьевичем, он, вдруг, сказал:

— Я в Ленинград не вернулся не потому что жена и дочь погибли. Не могу я смотреть своими рабочими глазами на ~~[illegible]~~ участь путиловского пролетариата. Бастовать и то не можем. А какой же это рабочий без права забастовки?

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ли, то получали по шесть-семь копеек на трудодень, по сто грамм зерна, а бывали годы, не получали и грамма. А даром люди не любят работать. Колхозники оборвались, (чистый) (без картофеля и желудей) Черный хлеб, (как праздник) ели только в праздник. Как то раз, она привезла из города белого хлеба и дети боялись его кушать, в первый раз в жизни увидели. Избы ветшали, рушились, леса на стройку не давали. Михалева ушла в город.

(Вставка (не оборота)

А она объяснила Ивану Григорьевичу:

Гонять голодных на работу, душа не выдерживает. Это не променя сказали, чтоб кухарка управляла государством. Работают на молотилке женщины и шьют такой чулок, подшивают подолу, насыпают в него зерно. Надо их обыскивать и под суд отдавать! А за хищение колхозной собственности не меньше семи лет. А у баб дети. Я ночью лежу и думаю - государство берет у колхоза зерно по шесть копеек кило, а продает печеный хлеб по рублю, а в нашем колхозе за четыре года грамма не дали. Что ж это получатся? Он ухватит жменьку зерна, того, что сам, как никак, посеял, ему семь лет. Нет, не согласна я. Ну, и устроили кухаркой земляки, людей кормить. Рабочие говорят: все же в городе лучше. У строительных рабочих расценок - дверь навесить, врезать, замок, -два с полтиной, а за это же дело в выходной день частник ему пятьдесят дает, - в двадцать пять раз дешевле ему государство платит. И все равно с деревенских больше берут. Я считаю, государство и с городских и с деревенских многовато берет. И дома отдыха, и

Вставки.

И в то же время ничего страшного в этом не было. Не могло быть страшным то, что происходило между мужчиной и женщиной.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

школы, и тракторы, и оборона, все понимаю, но слишком много берут, надо меньше. ~~Я никак не пойму в чем дело, - ведь не [illegible] на себя все все на хозяйство.~~

Она посмотрела на Ивана Григорьевича.

- Может быть вся жизнь не правильно поставлена, от этого?

Ее глаза медленно перешли с его лица на лицо племянника и она сказала:

- Я знаю, об этом говорить не полагается. Но я вижу какой вы человек, - вот и спросила. А вы совсем не знаете какой я человек, поэтому вы не отвечайте.

- Нет, зачем же, я отвечу, - сказал Иван Григорьевич: - ~~я вам отвечу. Мне раньше казалось, что при отсутствии свободы страдают те, кто лишен права свободно писать книги, статьи, говорить речи.~~ Я раньше думал, что свобода, - это свобода слова, ~~свобода~~ печати, совести. ~~свобода мнений.~~

Но свобода, ~~[illegible]~~ она, вся жизнь всех людей, - она вот: имеешь право сеять ~~[illegible]~~ что ~~[illegible]~~ хочешь, ~~[illegible]~~ шить ботинки, пальто, ~~[illegible]~~ печь хлеб, который ~~ты~~ посеял, хочешь ~~в праве~~ продавать его и не продавать, ~~в праве~~ жить, работать, как хочешь, а не как велят тебе. ~~Все тяжелое, горькое, злое в жизни, о чем вы говорите неминуемо, - ведь у людей нет~~ А свободы ~~[illegible]~~ нет и у тех, кто ~~рисует картины и~~ пишет книги, ~~[illegible]~~ и у тех, кто сеет хлеб и шьет сапоги.

Ночью Иван Григорьевич лежал и слушал в темноте чье то сонное дыхание, оно было таким легким, что Иван Григорьевич ~~Костров~~ не мог понять, чье оно, ребенка или женщины. Вставыц (на обороте)

11

8

Алеша, (племянник) Анны Сергеевны, ~~сын квартирной хозяйки~~, был так мал ростом, что казался восьмилетним. Он учился в шестом классе и прийдя из школы, наносив во-

Вставка

Ему теперь стрелкою казалось, будто он всю жизнь свою находился в дороге, день и ночь ехал в скрипящем вагоне, десятки лет слышал стук колес, и вот, наконец, приехал — эшелон остановился.

И от этой тридцатилетней дороги, от тридцатилетнего дорожного грохота, в голове его продолжался шум, звенело в ушах, и все казалось эшелон идет, идет...

Но это не дорожный шум стоял в его голове, звенел в ушах склероз, жизнь то ведь шла к концу.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ды, помыв посуду, садился готовить уроки.

Иногда он подымал на Ивана Григорьевича глаза и говорил:

Спросите меня, пожалуйста, по истории!

Когда Алеша готовился по биологии Иван Григорьевич от нечего делать, стал лепить из глины фигурки различных животных, нарисованных в учебнике: жирафа, носорога, гориллу. Алеша остолбенел - до того хороши показались ему глиняные звери, он смотрел на них, переставлял с места на место, ночью поставил их на стул возле себя. На рассвете, идя в очередь за молоком, мальчик страстным шепотом спросил у жильца, умывавшегося в коридоре:

- Иван Григорьевич, можно ваших зверей понести в школу?

- Пожалуйста, бери их себе, - сказал Иван Григорьевич.

Вечером, Алеша рассказал Ивану Григорьевичу, что учительница рисования сказала:

- Передайте вашему жильцу, что он должен непременно учиться.

Михалева впервые увидела Ивана Григорьевича смеющимся, сказала:

- Сходите к учительнице (не смейтесь), может быть подработаете вечерами, надомником, а то что это за жизнь - триста семьдесят пять рублей в месяц.

- Ничего, мне хватит, - скзала Иван Григорьевич, - а учиться надо было лет тридцать назад.

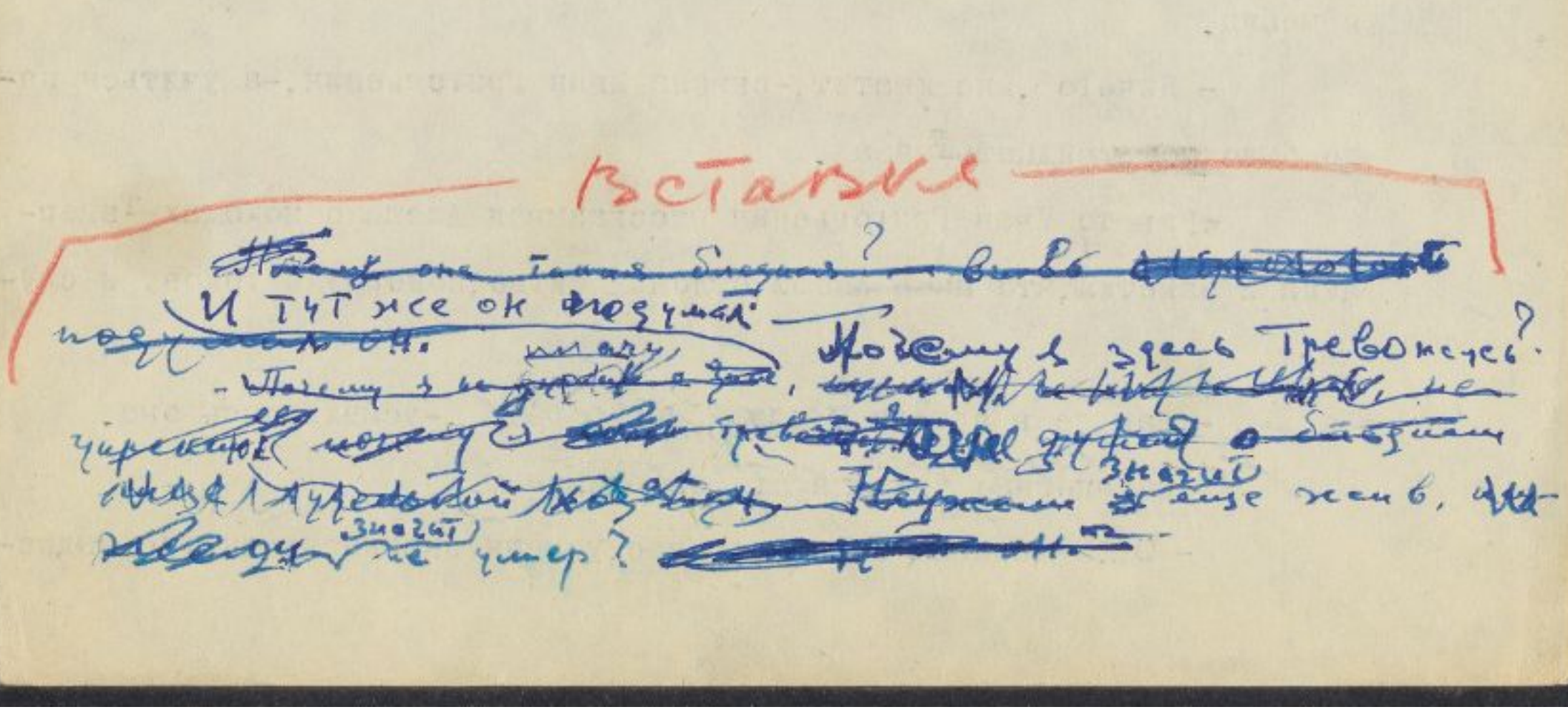
Вставка (на обороте)

Как то Иван Григорьевич рассказывал Алеше о походах Тамерлана и заметил, что Анна Сергеевна, отложив шитье, повернула голову и слушает.

- Вам не в артели быть, - усмехнулась она.

- Ох, - сказал он, - куда мне, у меня знания из книг с выдра-

Вставка



Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ными страницами, без начала и конца.

Алеша сообразил, что должно быть поэтому Иван Григорьевич ~~рассказывал обе~~ выдумывал по своему, а учителя ~~читавшие книги с началом и концом~~, пересказывали ~~[illegible]~~ учебник с началом и концом.

Эта пустяковая история с глин~~яными зверьками~~ от растревожила Ивана Григорьевича. Он то, конечно, не обладал настоящим дарованием. Но сколько на его глазах погибло ~~молодых живописцев, музыкантов, учеников. Сколько их~~ оделось " деревян-бушлатами" - ~~историков~~ молодых, физиков, историков, знатоков древних языков, философов, музыкантов, молодых русских Свифтов, и Эразмов Роттердамских.

Дореволюционная литература часто ~~горевала о гибнущих от царского гнета, тьмы и бесправия талантах~~ оплакивала судьбу крепостных актеров, ~~[illegible]~~, музыкантов, живописцев. А кто же в нынешних книгах ~~хоть мелькая~~ вздохнул о тех юношах и девушках, которым не пришлось нарисовать своих картин и написать своих книг. Русская земля щедро рожает и собственных Платонов, и быстрых разумом Невтонов, но как ужасно и просто пожирает она своих детей.

Театры, кино вызывали у него ~~тяжелое чувство~~ тоску и тревогу, - казалось, что кто то насильно заставляет его смотреть на сцену и уже не выпустит. ~~И случалось, охваченный тоской и тревогой он уходил не досмотрев представления~~. Многие ~~нынешние книги~~ романы и стихи вызывали в нем невыносимое ощущение назойливого, насильственого втемяшивания.

Вставка (на об. учебе)

Иван Григорьевич, за годы проведеные в лагерях, многое узнал о людских слабостях. Теперь он видел, что их было не мало по обе стороны проволоки. Страдания не только очищали. Борьба за лишний глоток лагерного супа, ~~за лишний кусок хлеба~~, за льготу на работе была жестокой и ~~некоторые~~ слабые люди опускались до ~~ужасного~~ жалкого уровня. Теперь на воле Иван Григорьевич ~~на воле встречаясь с людьми~~ догадывался, как бы жалко, "по-шакальи" скреб ложкой в чужих опорожненых мисках, ли-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

Казалось, что в книгах написано о другой, незнакомой ему жизни, в которой нет бараков усиленного режима, бригадиров, вертухов-надзирателей, оперуполномоченных, паспортной системы, нет всех тех чувств, страданий, страстей, тревог, страха, которыми жили люди вокруг него..

Писатели выдумывали людей, их чувства и мысли, они выдумывали комнаты, в которых живут, поезда, в которых они ездят...

Называвшая себя реалистической литературой, была не менее условна чем буколические романы восемнадцатого века. Литературные колхозники, рабочие, деревенские женщины казались средним тем нарядным, мосальным и завитым пастушкам, что играли на свирелях и танцевали на лужских среди беленьких барашков с бантиками.

бо рыскал вокруг кухни в поисках очистков и полугнилых, капустных листьев, тот или другой надменный и холеный человек.

Люди, смятые, подавленные насилием, недоеданием, нехваткой тепла, табаку, превратившиеся в лагерных "шакалов", блуждающим взором выискивающие крохи хлеба и слюнявые окурки, вызывали в нем жалость.

Вставка (из обороты)

~~Костров не любил тех, кто и в лагере не хотел признать, что люди~~ на воле, и в лагере люди не хотели признать, что они ~~одинаковы~~ в своем праве на свободу. ~~Некоторые репрессированные за~~ Некоторые правые уклонисты считали себя невинными, но оправдывали ~~[illegible]~~ репрессии к левым уклонистам. Левые и правые уклонисты не любили ~~репрессированных за шпионскую деятельность, что есть~~ шпионов — тех, кто переписывался с заграничными родственниками, ~~и~~ чьи ~~давно~~ тех обрусевшие родители носили польские, латышские и немецкие фамилии.

~~Некоторые политические относились к раскулаченым очень враждебно и~~ Сколько бы не говорили крестьяне, что они работали всю жизнь своими руками — политические им не верили: "знаем ~~вас~~, зря бы не стали ~~зажать~~ раскулачивать бедняка".

Иван Григорьевич говорил ~~Грекову~~ Лежневу, бывшему командиру красногвардейцу, ~~своему очередному~~ соседу по нарам:

— Вы то сами всю жизнь преданы идее большевизма, герой гражданской войны, а вот сидите по обвинению в шпионаже, ~~и контрреволюции.~~

~~Греков~~ Тот ему отвечал:

— Со мной ~~в самом деле~~ произошла ошибка, ~~но это ведь~~ со мной особая статья, нельзя даже сравнивать.

Когда уголовные ~~входили в барак и~~, избрав жертву, начинали ее истязать и грабить, одни политические отворачивались, другие ~~[illegible]~~ сидели с тупыми, застывшими лицами, третьи убегали, четвертые притворялись спящими, натягивали на голову одеяла.

Сотни заключенных, среди них находилось ~~немало~~ бывших военных, горон ~~смелых, сильных людей~~, оказывались беспомощными против нескольких

Вставка

Людей на воле Ивана Григорьевича помогли понять его лагерные люди. На воле он увидел и жалкую слабость, и жестокость, и жадность, и страх, те же, что в лагерных бараках. Люди были одинаковы. Он жалел их.

А в романах и поэмах советские люди, как и в средневековом искусстве выражали идею церкви, божества; они превозглашали истинного бога, человек существовал не сам по себе, а ради бога, существовал, чтобы славить бога и его церковь.

А некоторые писатели, выдавая ложь за правду, с особой тщательностью и точностью воспроизводили подробности одежды, обстановки, поселяя среди живых декораций своих выдуманных богоищущих героев.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

уголовников. Уголовники ~~грабили~~ бесчинствовали, ~~называли~~ ~~[illegible]~~ считали себя патриотами, ~~[illegible]~~ ~~Несмотря на общность судьбы~~ люди в лагере были подобны сухим песчинкам, каждая сама по себе.

Один ~~[illegible]~~ считал, что ошибка совершена лишь по отношению к ~~ним~~ нему, а вообщем "зря не сажают".

~~[illegible]~~ Другие ~~Вторые~~ рассуждали так: "мы на воле думали, что зря не сажают, а теперь на собственной шкуре поняли, что сажают зря.

Выводов из этого они никаких не делали и ~~с~~ покорно~~стью~~ вздыхали.

~~Третьи говорили, что внутренне они чувствуют себя не виновными и не совершали преступления~~ вставка (на обороте), но органы ~~все же~~ правы, арестовав его, как шпиона и двурушника, — ~~их, и теперь они осознали,~~ не совершив преступления он все же принадлежит к ~~виновным~~, к слою враждебному ~~государству~~ партии, слою [illegible] двурушников, традкистов, оппортунистов на практике, [illegible]

~~Четвертые говорили, что они невинны, но видят неизбежность ошибок, неменуемых при огромных исторических сдвигах и процессах. Страшно, горько погибнуть вследствие такой ошибки, но они, гибнущие по ошибке, не собираются менять своих взглядов и отворачиваться от великой правды, она больше их беды.~~

Умный человек ~~Перфильев~~ лагерный, в прошлом ~~[illegible]~~ областной партийный работник, как то разговорился с ~~Костровым~~ Иваном Григорьевичем.

(и партийная правда остается правдой, она выше моей беды.)

– Лес рубят, щепки летят, – и он указал на себя рукой, ~~[illegible]~~ (рассудительно добавил: – ~~[illegible]~~ я и ~~[illegible]~~ полетел ~~что поговорка, которой он закончил свою длинную речь, неопровержима.~~ щепкой при рубке леса.

Он растерялся, когда ~~Костров~~ Иван Григорьевич сказал ему:

– Так в том то и беда, что лес рубят. Зачем рубить Его?

~~Но некоторые, пострадав, возненавидели то чему раньше служили, во всем искали ложь, притворство, во всем видели злую волю людей, творивших жестокости ради личной выгоды.~~

~~Все политические были объединены общей ненавистью к уголовникам: уголовники в бараках грабили и бесчинствовали, уголовники~~

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

~~Водопьянов~~, Гаюшт, ~~председатель~~, ~~работник~~ работник Комиссии молодежи, ~~парт~~ актив и диалектик объяснил Ивану Григорьевичу, что таких преступлений против партии он не совершал.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

что хочет пахарь, а не государство, живо естественное, неистребимо присущее человеческой природе, стремление к свободе.

Ночью ему постоянно вспоминались месяцы, проведенные во Внутренней тюрьме. Он побывал в ней трижды, но особенно помнились ему теперь летние месяцы 1937 года, - казалось тогда он находился в тумане, в полубессознательстве, и только теперь, спустя семнадцать лет, туман этот рассеялся, - он стал понимать все происшедшее.

В лагерях и тюрьмах ему редко приходилось встречать участников повстанческих отрядов, людей распространявших листовки, организаторов противосоветских кружков, - словом людей действительно боровшихся с советским строем.

Бывшие офицеры царской армии попадали в лагерь, не за то, что сколачивали монархическую военную организацию. Они сидели за то, что могли бы ее сколотить.

В лагерях сидели социал- демократы и социал-революционеры. Они были арестованы в пору своей лояльности и обывательской бездеятельности. Их посадили не за то, что они боролись против Советского Государства, имелась вероятность, что они могли бороться против него.

В лагеря ссылались крестьяне не за то, что они боролись против колхозов. Ссылались те, кто, при известных условиях, может быть и стали противиться колхозам.

В лагеря попадали люди за невинные замечания, - одному не нравятся премированные государством пьесы и книги, другому автоматические руки советского производства, третьим отечественные радиоприемники. В известных условиях подобные люди могли стать врагами государства.

Вставка (на обороте)

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

В лагеря сажались люди за переписку с братьями и братьями, живущими за границей. Их сажали за то, что вероятность стать шпионами у них была больше, чем у тех, кто не имел (заокеанских) родственников. ~~за границей~~. Это был террор не против преступников, а против тех, кто по мнению карательных органов, имел несколько большую вероятность стать ими.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~называли политических "фашистами" и считали их врагами родины.~~

Резко отличались от ~~советских людей попавших в лагери~~ подобных заключенных люди действительные ~~и сознательные враги~~ враждебные советской власти, боровшиеся против нее: старики эсеры, меньшевики, анархисты, ~~идейные манархисты~~, либо сторонники самостийности Украины, ~~самостоятельной~~ во время войны бандеровцы. Латвии, Эстонии, Литвы, сионисты, а ~~и~~

~~И хотя советские заключенные считали их своими врагами, они все же восхищались тем, что эти люди хранили свои убеждения, посажены за дело. Не жалели об этом.~~ (Вставка II на обороте)

~~Костров чувствовал, что~~ В душевном складе заключенных людей и людей живших на свободе имелось ~~одно особо~~ одна только сходствующая глубокое различие. Иван Григорьевич видел, что лагерные люди ~~почти всегда~~ сохраняли верность времени, породившему их. В ~~их~~ характерах и мыслях каждого из них жили ~~многие~~ разные эпохи русской жизни. Тут были ~~коммунисты, времени~~ участники гражданской войны, со своими любимыми песнями, героями, книгами; тут были зеленые, петлюровцы, с нестертыми ~~чертами~~ страстями своего времени в душе, со своими песнями, ~~героями, воспоминаниями~~, стихами, повадками; тут были работники коминтерна ~~тридцатых~~ двадцатых годов, со своим пафосом, со своей философией, манерой держаться, произносить слова; тут были и совсем старые люди, - манархисты меньшевики, эсеры, - ~~и~~ они ~~жили в~~ хранили в себе мир ~~представлений, воспоминаний, политических лидеров~~ идей, литературных героев, существовавших сорок и пятьдесят лет назад.

Сразу можно было в оборванном, кашляющем старике узнать слабодушного, ~~и благородно~~ опустившегося одновременно благородно-широкого кавалергарда, и в его соседе по нарам, таком же оборваном и поросшем ~~желто-белой~~ седой щетиной, не раскаяного социал-демократа, в сутулом "придурке" санитаре-комиссара бронепоезда ~~в кожаной куртке и кожаном галифе~~.

А вот ~~нынешние~~ пожилые люди, на воле, не несли в себе неповторимых примет прошлого времени, в них ~~все~~ прошлое было стерто, они легко ~~стремительно~~ входили в облик нового дня, ~~и~~ они думали, переживали в ~~полном~~ со-

(Вставка II на обороте)

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка I

~~Кто~~ ~~В~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ лагерях Иван Григорьевич встретил молодого ~~[illegible]~~ - школьника, ~~[illegible]~~ Борю Ромашкина, приговоренного к десяти годам заключения - ~~[illegible]~~ он, действительно, сочинил листовки, обвиняющие ~~[illegible]~~ государство в ~~[illegible]~~ расправах над невинными людьми, действительно ~~[illegible]~~ считал их и защищал московских домов. Боря рассказывал, что во время следствия из Ивану Григорьевичу расследования [illegible] их [illegible] на [illegible] приходили смотреть десятки сотрудников [illegible] министерства, где-то около нескольких сотен человек [illegible] всех интересовал паренек школьник, [illegible] за дело. И в лагере Боря Ромашкин был знаменит - его знали, [illegible] о нем спрашивали

~~[illegible]~~ Иван Григорьевич видел ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~

~~ответствии с сегоднешним днем; их словарь, мысли, их страсти, их~~ ~~[illegible]~~ ~~покорно, гибко менялись с ходом событий и заданиями начальс~~ ~~тва.~~

~~Чем объяснялось это различие? - быть может тем, что в лагере~~ ~~человек, словно в анастезии, замирал?~~

~~На протяжении всей своей лагерной жизни~~ Иван Григорьевич ~~[illegible]~~ постоянно видел ~~могучее~~ естественное стремление людей вырваться ~~из лагеря~~ за проволоки, вернуться к женам и детям. ~~Но на свободе~~ он ~~иногда~~ встречал, отпущеных из лагеря людей, - и их покорное лицемерие, их страх перед собственной мыслью, ~~и правдивым словом~~, их ~~[illegible]~~ ужас перед новым арестом, были так всеоблемлюще велики, что эти люди ~~попав на свободу~~ казались прочней арестованными, чем в пору лагерных принудработ.

~~Стоя на берегу моря~~ (Выйдя из лагеря, работая по вольному найму, живя), рядом с любимыми и близкими, ~~и наслаждаясь свободной работой его~~, такой человек (иногда) обрекал себя на высшее арестанство, более совершеное и глубокое, чем то, к которому ~~обрекала его~~ принуждала лагерная ~~[illegible]~~ проволока.

~~Иван Григорьевич не чувствовал и не ценил в себе того, что~~ И все же в муках, в грязи, в пути лагерной жизни светом и силой лагерных душ была свобода. Свобода была бессмертна.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

91-9?

Здесь в маленьком городке, живя у вдовы сержанта Михалева, Иван Григорьевич [illegible] стал осуществлять свободу

В [illegible] житейской борьбе, которую ведут люди, в ухищрениях рабочих, добывавших ночным трудом лишний рубль, в [illegible] битве колхозников за хлеб и картошку, [illegible] осуществлять свою естественную трудовую выгоду, [illegible] угадывал не только желание жить лучше, до сыта накормить детей и одеть их. В борьбе за [illegible], в стремлении сеять

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ВСТАВКА

Что хочет инкарб. ~~остается~~, проявляясь естественно, неистребимо пронизывает человеческую природу, стремление к свободе.

И это же стремление он видел и знал в лагерных людях. Свободе ~~казенной~~ бессмертной/ но обе стороны проволоки!

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Как-то он стал перебирать лагерные слова.

Боже мой, на каждую букву алфавита есть лагерное слово... А о каждом слове можно написать статью, поэму, роман. Арест.. Барак.. Вертух.. Голод.. Доходяга.. Зека.. Изоляция.. Каторга.. Женские лагеря.. вот так до конца алфавита. Огромный мир, свой язык, экономика, моральный кодекс. Такими сочинениями можно заполнить книжные полки. Побольше чем "История фабрик и заводов", затеянная Горьким.

Вот сюжет: история эшелона; формирование, эшелон в пути, охрана эшелона.. Все течет, все изменяется. Какими наивными, допотопными кажутся эшелоны двадцатых годов. Да и как определить современному эшелону политическую в купе пассажирского вагона с философом и охранником, угощающим конвоируемого пирожками.

Робкие зачатки лагерной культуры: седой каменный век, и цыпленок едва вылупившийся из яйца.. И нынешний шестидесятивагонный эшелон, идущий в Красноярский край: подвижный тюремный город, товарные четырехосные вагоны, зарешеченные окошечки, трехэтажные нары, вагоны склады, вагоны кухни, штабные вагоны, полные надзирателей-вертухов, вагоны со служебными собаками- они рыщут на остановках вдоль эшелона; начальник эшелона, окруженный подобно сказочному падишаху, лестью поваров, наложниц-проституток, прочие о проверки , когда в вагон влезает надзиратель, а вертухи с автоматами направленными в открытые дверь теплушек, держат под прицелом заключенных.. Тесной грудой сбились люди из одной части вагона, а надзиратель ловко перегоняет помеченных в другую, и как бы стремительно не кидался заключенный, вертух успевает поддать его палкой по заднице либо по кумполу,

А недавно, уже после Великой Отечественной Войны, были устроены под днищем хвостовых вагонов стальные гребенки. Если заключенный в пути разберет пол и бросится плашмя меж рельсов гребенка ухватит его, вырвет, швырнет под колесо; для тех, кто проломав потолок теплушки, попытается спрятаться в ней, предназначены крючья.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

лок, лезет на крышу вагона установлены кинжальные прожектора- они пронзают тьму от паровоза до хвостового вагона, а пулемет, глядящий вдоль эшелона, если по ем побежит человек, знает свое дело. Да, все развивается. Выкристализовалась экономика эшелона- прибавочный продукт, бытовое блаженство конвойных офицеров в вагоне-штабе, (приварок и с арестантского, и с собачьего котла,) командировачные деньги, начисляемые пропорционально шестидесятидневному движению эшелона к восточносибирским лагерям, внутривагонный товарооборот, жестокое первоначальное вагонное накопление, параллельная ему пауперизация. Да, все течет, все изменяется, нельзя дважды вступить в один и тот же эшелон.

Но ведь это лишь технический, экономический базис, муниципальный устав подвижного тюремного города, порожденного необъятностью русского простора..

А кто опишет отчаяние этого движения, удаляющего от жен, железный колес и скрип вагонов, эти ночные исповеди под стук, покорность, доверчивость, это погружение в лагерную бездну, письма, выбрасываемые из тьмы теплушек в тьму великого степного и таежного почтового ящика, и ведь доходили! —

В эшелоне, нет еще лагерной привычки, нет усталости, нет задуренной, лагерной заботой, головы; окровавленное сердце все непривычно, все ужасно: полусвет, скрип, шершавые доски, истеричные, дергающиеся воры, конвойных кварцевый взор.

Вот на плечах подняли к окошечку паренька и он кричит: — Дедушка, дедушка, куда нас везут?

И все в теплушке — слышит протяженный, надреснутый старческий голос:

— В Сибирь, милай... на каторгу...

Вставка (на обороте)

Вставка

(Иван Григорьевич)

Вдруг подумал: неужели это мой путь, моя судьба. Вот с таких эшелонов ~~эшелонами двигался на севере в лагерь~~ ~~чтобы~~ началась моя дорога. ~~женщине, которую я люблю.~~ И вот теперь она кончилась. ~~Дорога. Моя нашел человека которого искал.~~

Эти часто, безсвязи возникающие лагерные картины воспоминания, мучили его своей хаотичностью. ~~противоречивостью~~. Он чувствовал, понимал, что в хаосе можно разобраться, что в его силах это сделать, и что теперь, когда кончилась лагерная дорога, пришло время увидеть ясность, закон в хаосе страданий, противоречий между виной и святой невиновностью, между фальшивыми признаниями своих преступлений и фанатической преданностью, ~~тех кого обвиняя~~ между бессмысленностью убийства миллионов невинных и преданных партии людей и железным смыслом этих убийств.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Равноправие женщины с мужчиной утверждено не на кафедрах и не в трудах социологов.. Ее равноправие доказано не в фабричной работе, не в огне революции- оно утверждено ныне, присно и во веки веков лагерным, эшелонным, тюремным страданием.

Перед лицом Колымы, Норильска, Воркуты женщина стала мужчине..

Лагерь подтвердил и вторую, простую, как заповедь , истину: жизнь мужчин и женщин неделима.

Сатанинская сила в запрете , в плотине. Вода ручьев, рек, стиснутая плотиной, проявляет тайную, темную силу свою. Эта сила, скрытая в милом плеске, в солнечных бликах, в колыхании кувшинок, вдруг, обнаруживает неумолимую злобность воды- крушит камень, с безумной скоростью стремит лопасти турбины..

Безжалостна мощь голода едва плотина отделяет человека от его хлеба. Естественная и добрая потребность в пище превращается в силу, уничтожающую миллионы жизней, заставляющую матерей пожирать своих детей, силу жестокости и озверения.

Запрет, отделяющий лагерных женщин от мужчин, карежит их тела и души.

Все в женщине- ее нежность, ее забота, ее страсть, ее материнство- хлеб и вода обыденного течения жизни. Все это рождается в женщине оттого, что на свете есть мужья, сыновья, отцы, братья. Все это наполняет жизнь мужчин потому что на свете есть жена , мать, дочь, сестры..

Но вот в эту жизнь входит сила запрета. И все простое, доброе, хлеб и питьевая вода жизни, вдруг, открывает низменную злобность свою.

Подобно волшебству насилие, запрет неминуемо обращает внутри

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

(12) Вставка

~~Тепер~~ В последние ~~эти~~ дни он мало говорил с Анной Сергеевной. ~~но он почему то~~ на на работе он часто ~~все время много думал о женской судьбе, о женщинах... Никогда он, кажется, так много не думал о женщинах...~~

~~постоянно~~ ~~постоянно~~ вспоминал о ней, ~~на работе~~ об Алеше, и все поглядывал на ~~часы~~ ходики, висевшие в слесарном цеху — скоро ли домой.

~~своей~~ И почему то в эти молчаливые дни думая о лагерной ~~[illegible]~~ женщине он всё задумывался о судьбе лагерных женщин... Никогда он, кажется, так много не думал о женщинах.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

человека доброе в недоброе..

...Между уголовным женским и уголовным мужским лагерем лежала полоса пустынной земли- ее называли огнестрельной зоной- пулеметы вели огонь едва на ничейной земле появлялся человек. Уголовники переползали на брюхе огнестрельную зону, прокапывали ходы, лезли под проволку, лезли на проволоку, а те кому не повезло оставались лежать с простреленными головами и перешибленными ногами. Это напоминало безумный, трагический ход нерестящейся рыбы по рекам преграждённым плотинами.

Когда зловещие, режимные лагеря к женщинам, долгими годами не видевшим лица мужчины, не слышавшим мужского голоса, попадали по наряду слесаря, шоферы, плотники, их терзали, умучивали, убивали до смерти. Мужчины уголовники боялись этих лагерей, где счастьем считалось коснуться рукой плеча мертвого мужчины, боялись итти туда и под охраной огнестрельного оружия.

Угрюмая, темная беда ковёркала, каторжных людей, превращала их в нелюдей.

На каторге женщины принуждали женщин к неестественному сожительству. В женских каторжных бараках создавались нелепые характеры- женщины - коблы, с сиплыми голосами, с размашистой походкой, с мужскими замашками, в брюках заправленных в солдатские кирзовые сапоги. А рядом возникали потерянные, жалкие существа- ковырялки.

Коблы пили чефир, курили махру, под пьяную руку избивали своих лживых, легкомысленных подруг, но и охраняли их силой кулака и силой ножа от обиды и грубых чужих притязаний. Этот трагичный, уродливый мир отношений и был любовью в каторжном лагере. Он был страшен, он не порождал смеха, соленых разговоров, а один лишь ужас в душах воров и убийц.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~И так же как в голод двадцать первого и тридцатого года, случалось, помраченные матери съедали не только мертвых, но и живых своих детей~~, любовное исступление каторги не знало таежных расстояний, не знало проволоки, каменных стен вахты, БУРовских замков, ~~[illegible]~~ пёрло на волкодавов-овчарок, на лезвие ножа, под пулю охраны. Так с вылезающими из орбит глазами, с перешибленными хребтами прет в нерест тихоокеанская рыба, расшибаясь на скалах и булыгах горных стремнин и водопадов.

И тут же ~~с диким упрямством [illegible] вопреки тьме и ужасу лагеря~~ лагерные люди хранили любовь жен, матерей, ~~и сестер, [illegible]~~ а лагерные невесты, „заочницы", которые никогда не видели и никогда не увидят своих заочно выбранных женихов, ~~верных им до гроба~~ были готовы на любую пытку ~~[illegible]~~ ради ~~[illegible]~~ верности обездоленному лагерному избраннику, ради ~~[illegible]~~ выдуманной туфты.

~~[illegible]~~ Кое-что простится ~~[illegible]~~ человек, если в грязи и зловонии лагерного насилия он все же человек.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

13. ~~4~~ - 97

Тихая Машенька... Вот уже нет ~~у нее~~ на ней тонких чулок и синей шерстяной кофточки. ~~Как~~ Трудно сохранить опрятность в ~~[illegible]~~ товарном вагоне, с ~~[illegible]~~ напряжением вслушивается она в странную, ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ словно не русскую, речь воровок, соседок по нарам.. С ~~[illegible]~~ ужасом смотрит она на эшелонную царицу- бледногубую истеричную любовницу знаменитого ростовского вора.

Вот Маша выстирала в кружечке платочек, остатками ~~мутной~~ воды обтерла ступни ~~[illegible]~~ ног, сушит платок на ~~[illegible]~~ колене, всматривается в полумрак.

В тумане смешались последние месяцы: ~~[illegible]~~ плач трехлетней Юльки, обвевшейся на дне рождения, ~~[illegible]~~ лица людей, производивших обыск, белье, ~~книги~~, чертежи, куклы, ~~кубики~~, посуда, ~~[illegible]~~ на полу, вытащенный из горшка фикус, подаренный мамой к свадьбе, последняя улыбка мужа с порога комнаты, жалкая, молящая о верности, ~~прощающая, беспомощная~~, вспоминая эту улыбку она ~~ночью~~ безумные недели кричала, хваталась за голову; потом где все, как прежде, и рядом с кастрюлей Юлькиной каши леденящий ~~[illegible]~~ ужас Лубянки; очереди в приемной Внутренней тюрьмы, ~~[illegible]~~ голос из окошечка: "в передаче отказано", беготня по родне, ~~[illegible]~~ заучивание наизусть адресов близких, ~~[illegible]~~, поспешная, неумелая продажа зеркального шкафа и книг, изданных "Академией", боль оттого, что закадычная подруга перестала звонить по телефону, снова ночные гости и обыск до рассвета, прощание с Юлькой, которую не отдали ~~[illegible]~~ бабушке, а увезли в приемник, бутырская камера, где говорили шопотом, ~~шили и штопали с помощью~~ где иглой при шитье ~~[illegible]~~ служили спички и выловленные из баланды рыбьих костей, пестрое мелькание десятков выстиранных платочков, трусов, лифчиков ~~которые~~ — их сушили заключенные женщины, ~~сушили~~ размахивали, ими в воздухе, ночной допрос и вот впервые в жизни на нее замахнулись кулаком, ~~[illegible]~~, назвали "на ты"- блядью, проституткой. Ее уличили в недонесении на мужа, ~~который~~ он был осужден на десять лет без права переписки за

недонесенье на террор.

Маша не поняла почему она и десятки таких, как она должны доносить на своих мужей, почему Андрей, сотни таких, как он должны доносить на товарищей по работе, на друзей детства, на соседей по квартире, на тех с кем вместе училась, тюремных

Следователь ее вызывал один лишь раз. Потом прошли восемь мучительных месяцев - день и ночь, ночь и день. Отчаяние сменялось тупым ожиданием судьбы и , вдруг, как морская волна, овладевала ее надежда, уверенность в скорой встрече с мужем и дочерью.

Наконец, надзиратель вручил ей узкую полоску папиросной бумаги и она прочла на ней: 58- 6- I2.

Но и после этого она надеялась: а, вдруг, отменят, муж оправдан, Юля дома,- и они встретятся, никогда не разлучаться. И от этой мысли об этой встрече обдавало счастливым огнем и холодом.

Ночью ее разбудили: "Любимова, с вещ!" В черном вороне ее повезли, минуя Краснопресненскую пересыльную тюрьму, на товарную станцию Ярославской железной дороги, на погрузку в эшелон...

Все воспоминалось утро после ареста мужа, словно это утро все продолжалось.

Хлопнула парадная дверь, послышался стук дверки машины, и стало тихо. Но зашумел мотор. В ее душу вошел ужас.

То звонил в корридоре телефон, лифт вдруг останавливался на лестничной площадке против их двери, соседка, шлепая туфлями, шла из кухни и неожиданно шлепанье туфель стихало.

Она разбросанные по полу книги, обтирала тряпочкой, ставила их на полку, она связала в узел белье , лежавшее на полу-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ей хотелось его прокипятить, вещи в комнате казались опогнеными, ~~их касались руки людей, уведших ее мужа.~~

Она ~~по~~ вставила фикус в горшок и погладила его кожаный лист- над этим фикусом смеялся Андрюша, ~~говорил, что он~~ обозвал его символом мещанства, и она в душе была согласна с ним. Но ~~она~~ Маша никогда не позволяла обижать этот фикус и не ~~позволяла~~ разрешила Андрею вынести его на кухню- жалела бедную маму, ~~[illegible]~~ мама совсем уж ~~больной~~ старенькая везла его в подарок через всю ~~[illegible]~~ Москву, тащила на пятый этаж, так как лифт в те дни ~~был испорчен~~ ремонтировался.

Все было тихо! Но соседи не спали. Они жалели ее, боялись ее и млели от счастья, что не к ним пришли с ордером на обыск и арест.

Юленька спала, а она убирала комнату. ~~Вот так же, когда спешила к приходу Андрюши прибрать разбросанные девочкой на полу игрушки. И когда она все прибрала и фикус вновь стоял на столике, она так же, как в ожидании мужа, оглядела комнату, а потом посмотрела на себя в зеркало.~~

~~Ей казалось, что хаос после обыска и есть выражение несчастья, случившегося в ее маленькой семье. Она пибирала комнату с каким-то исступленным старанием,~~ обычно она никогда не занималась так старательно уборкой. Она вообще была равнодушна к вещам, ее никогда не интересовали люстры, ~~[illegible]~~ красивая посуда... Некоторые ее считали плохой хозяйкой, неряхой. Но Андрею нравилось Машино равнодушие к предметам и беспорядок в комнате. ~~Он очевидно понимал, что все силы своего сердца она обратила к нему и к Юле и ей не охота тратить их на беготню по магазинам.~~

А сейчас ей казалось, что если вещи в комнате займут ~~[illegible]~~ ~~порядке~~ свои места, ей станет спокойней, легче.

~~И вот~~ Она посмотрела в зеркало, оглядела пибранную комнату. ~~Вот Вашка, купленная ко дню рождения мужа, стояла на буфетике,~~ Вот "Путешествие Гулливера" ~~стояло~~ на книжной полке там же , где и вчера, до обыска, фикус вновь стоял на столике. И Юля до четырех утра плакавшая, и цеплявшаяся за мать, сейчас ~~[illegible]~~ спала.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

В корридоре было тихо, соседи еще не шумели на кухне.

И в своей чинно прибранной комнате Машенька ощутила режущее отчаяние. Ее всю осветило нежностью, любовью к Андрею, и тут же, в этой домашней тишине, в окружении привычных предметов, она, как никогда, ощутила беспощадную силу, способную согнуть ось земли,- эта сила прямо пошла на нее, на маленькую Юльку, на комнату о которой она говорила:

- Мне не надо и двадцать метров с балконом, потому что я здесь счастлива.

Юля! Андрюша! Ее увозят от них! Стук колес сверлит душу- все дальше, она от Юли, с каждым часом приближается к Сибири, данная ей взамен жизни с теми кого она любила.

Нет уже на Машеньке ее клетчатой юбки, ее гребешком, расчесывает трещащие, электрические волосы воровка с бледными, тонкими губами.

Должно быть лишь в молодом женском сердце живут одновременно две эти муки- материнская, страстное желание спасти своего беспомощного ребенка, и одновременно, детское беспомощность перед гневом государства, желание спрятать голову на груди у мамы.

На этих грязных, обломанных ноготках был когда то маникюр, цвет его очень занимал Юльку, а когда то папа сказал шестилетней дочери: „У Машки ногти, как чешуйка у рыбки". Вот и следов завивки не осталось, она причесывалась за месяц до ареста Андрюши,

когда собиралась с ним на рождение к подруге, той что перестала ей звонить по телефону.

Юленька, Юленька, застенчивая, нервная, она в приемнике. Маша тихо жалобно мычит, в глаза у нее мутнеет- как защитить, зачем от жестоких нянек, озорных недобрых детей, рваной и грубой приютской одежды, от солдатского одеяла, соломеной, колючей подушки. А вагон скрипит, стучат колеса, все дальше Москва и Юля, все ближе Сибирь.

Боже мой, да было ли все это? А через минуту казалось, не сон ли все это, что происходит сейчас, - эта душная полутьма, алюминевая миска, воровки курят махорку на шершавых нарах, грязное белье, чешется тело, и тоска в сердце:" скорей бы остановка, хоть охрана защитит от уголовниц," а на остановках ужас перед замахивающейся прикладами, матерящейся охраной, и мысль:" скорей бы уже тронулись"; и сами воровки говорят:" вологодский конвой, хуже смерти".

Но не в скрипучих нарах, не в морозе на стенках вагона едва потухает печка, не в жестокости охраны и в бесчинствах воровок, ее Беда. Беда в том, что в эшелоне ослабело отупение окуклившее душу за время восьмимесячного сидения в тюремной камере.

Всем существом чувствует она свое девять тысяч километров своего движения в сибирскую могильную глубину. Здесь нет бессмысленной тюремной надежды, на то, что откроется дверь камеры и надзиратель крикнет:" Любимова, на волю, с вещой." - И она, выйдя на Новослободскую, поедет автобусом до дома, и вот ждут ее Андрей, Юля..

В вагоне нет отупения, нет лагерной, беспамятной усталости, одно лишь окровавленное сердце.

по мужу, страхом за дочь.

А если Как же это Юля записяет штанишки, а мытье рук, сопли, каша с маслом, ей нужны овощи, всегда раскрывается по ночам, спит голенькая, ...ропло болит.

Уже нет у Машеньки ее старых туфель, на ней солдатские ботинки, у одного ботинка оторвана подошва. Неужели это она- Мария Константиновна, что читала Блока, училась на филологическом, тайно от всех для... от Андрея писала стихи, Машенька, бегавшая на Арбат записываться к знаменитому парикмахеру Ивану Афанасьевичу- Жану, Машенька умевшая не только книжки читать, но и (Борис Вар...) печь торт- наполеон, и шить, ...ши и ребенка вскормившая. ...Машенька, всегда восхищавшаяся Андрюшей, его трудолюбием, ...ченьем скромностью, и восхищавшая всех вокруг тем, что так преданно любила Андрюшу, (Маша, что) Юлю, умела и плакать, и ...ворить, ...ительной и насмешницей быть, и выгадывать копейки.

А эшелон все идет, ...ит, у Маши (начинается) ...кое чувство слуно у нее тиф- ...бьет и ...ит внутри, голова мутная, темная, тяжелая... И (но) в то же время никакого тифа нет, она ...вершенно здорова.. И снова, здесь, в эшелоне надежда нашла ...ную дорожку к ее сердцу..

Вот (хоми) доедут до лагеря, ...ышлят их всех из вагона, и ей крикнут: „Любимова, (всех из вагонов) ...становитесь в колонну, (рядов) ...отойдите в сторонку, тут пришла телеграмма- освобождение. (И) ну и так далее, (И) так далее: она едет ...ет в Москву пассажирским поездом, (И) вот и ...московские Софрино, Пушкино, (И) вот ...ий Ярославского вокзала, она видит Андрея и на руках (ый) у него Юля..

И надежда заставляет ее томиться- ...ими так медленно ...тятся ...ели, ее охватывает ...орый нетерпение, скорее (бы) доехать до конечного сибирского пункта, (получив телеграмму об освобождении) и вот уже стоят на перроне Ярославского ...кзала, ее муж и ее дочь. Как ...ло спешат ...ги, семенят худенькие ноги Юли, она бежит рядом с замедляющим ход вагоном..

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вот она, ограбленная воровками, сошла с эшелона- она прячет мерзнущие пальцы в рукава засаленного ватника, голова ее повязана грязным мохнатым полотенцем. А рядом стеклянно скрипят по снегу туфли сотен московских женщин, осужденных к десяти годам лагеря за недонесение на своих мужей.

Шагают ноги в шелковых чулках, спотыкаются туфли на высоких каблуках. Маше завидуют- она ехала в вагоне с воровками, а не с "женами", ее обокрали, но теперь у нее ватник, в ботинки можно напихать бумаги и тряпья.

спотыкаются, спешат падают жены врагов народа, торопливо собирают узелки, рассыпавшиеся по снегу, но плакать боятся.

Маша огляделась: за спиной станционный сарай, товарные вагоны, как красные бусы на белом снежном теле, а впереди разворачивается темная змея- женский этап, кругом штабели, присыпанной снегом древесины, конвой в сказочно теплых полушбках, гавкают овчарки в теплой, густой шерсти. А воздух упоительно чистый после двухмесячного эшелона, злее бритвенного лезвия. Поднялся ветер, сухой снежный дым понесло по целине, голова колонны утонула в белой мути. Голова у Маши кружится. А холод хлещет по лицу, по ногам..

И, вдруг, сквозь усталость, сквозь страх обморозиться и получить гангрену, сквозь мечту попасть в тепло и помыться в бане, сквозь оторопь перед грузной старухой в пенсне, лежащей на снегу с каким то странным, глупо капризным, удивленным лицом, увидела двадцативосьмилетняя Маша в снежном тумане свою лагерную судьбу..

~~Там в снежном тумане, свою~~ прежнюю судьбу, ~~вон там~~ за спиной, за ~~десять~~ тысячи верст, ~~в Москве, на Арбате,~~ в Спасопесковском переулке, ~~там, где на двери~~ висит, болтается сюргучная печать.. ~~Из снежного~~ тумана стали видны ~~проволока~~, вышки, стражники в тулупах, распахнутые ворота. Вот в этот миг ~~с~~ Машиной ~~душе~~ одинаково ~~ярко горели две~~ ясно увидела ее жизни, ~~две ее судьбы~~ две свои, ту, что уходила, другую, что шла.

Она бежит, ~~по снегу~~ разбитой дороге, спотыкается, дует на заледеневшие пальцы, ~~трет нос, щеки~~, и безумство надежды не оставляет ее- вот дойдут они до лагеря, там ей скажут о пришедшем освобождении.. Потому она и бежит так, ~~[illegible]~~ задыхается от спешки..

Какая нелегкая была у нее работа! Как болел у нее живот, ломило поясницу от непомерной, недозволенной женщине тяжести комьев известки, а носилки и пустыми казались ~~непомерно тяжелыми~~ чугунными; как тяжелы ~~[illegible]~~ лопаты, ломы, ~~[illegible]~~ доски и бревна, баки с грязной водой, параши полные нечистот, многопудовые груды мокрого ~~[illegible]~~ стираного белья..

Как тяжела была дорога в предутреннем мраке до места работы, как тяжелы были ~~[illegible]~~ поверки в слякоть и в стужу; какой тошной и какой ~~[illegible]~~ желанной была ~~[illegible]~~ кукурузная ~~[illegible]~~ болтушка ~~с [illegible] капустным листом~~, с лоскутом требухи, ~~с белым рыбьим глазом~~, с поганой, липнущей к небу рыбьей чешуей; как ~~[illegible]~~ подлое, безжалостное воровство ~~[illegible]~~ в бараке, какие нехорошие разговоры шли ночами на нарах, какая мерзкая возня, шепот и шуршание; каким всегда желанным был ~~[illegible]~~ черствый, тронутый сединой, ~~[illegible]~~ черный хлеб.

С шестнадцатилетней Леной Рудольф, лежавшей на нарах рядом с Машей, стал жить уголовный Муха, обслуживающий котельню. Лена заболела сифилисом, у нее сошли ногти на руках и облысела голова, ~~[illegible]~~, санчасть перевела ее в инвалидный лагерь, ~~как старуху~~, а мать Лены, сохранявшая в лагере изъящество, светлоглазая, добрая и услужливая Сюзанна Карловна продолжала работать, хотя голова у нее

была седая. Сюзанна Карловна делала зарядку в темноте до рассвета, обтиралась снегом. [illegible] в строительстве [illegible] железной дороги.

Маша работала [illegible] до темна, как кобыла, как верблюдица, как ослица. Лагерь был режимный, она не имела права переписки, не знала жив ли или казнен муж, где ее Юлька, попала ли в приемник, затерялась, как безыменный зверек, или мама нашла ее, да жива ли мама, жив ли брат Володя? Она словно привыкла ничего не знать о своих близких, казалось не мечтала о письме, хотелось работы полегче, не на морозе, не в тайге , где гнус сжирает, а при кухне, в теплице, при больнице.

Но надежда не умерла, это лишь казалось. [illegible] под снежным льдом жила вера, жила тоска по дочери, по мужу. Надежда опала, но Маша чувствовала ее сон, а когда надежда просыпалась сердце [illegible] наполнялось счастьем, светом и горем.

Ее принудил к сожительству старший надзиратель Семисотов, выбил ей два зуба, ударил по виску, это было в первую лагерную осень. Она пробовала повеситься, в уборной, но не сумела, веревка оказалась плохенькая, [illegible] А некоторые женщины ей завидовали. Потом пришло безразличие, [illegible] тоска, она раза два в неделю после работы плелась за Семисотовым в складское помещение, где были деревянные нары, прикрытые овчиной.

Семисотов всегда был угрюм, молчал и она его боялась до умопомрачения, ее даже тошнило от страха, когда он пьяным разъярялся. Но как то он дал ей пять конфет. Однажды он ей сказал:

- Грязная вы ,шмара, деревенская себя бы не допустила до такого свинства.

Он всегда говорил ей"вы" , даже когда бывал сильно пьян.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

Конечно, ~~Может быть~~ - не ~~[illegible]~~ сегодня, не завтра. Пройдут годы, но она увидит их: как ~~вы~~ ты поседел, какие печальные глаза у тебя. ~~Андрей~~. Юленька, Юленька... ~~[illegible]~~ Это ~~[illegible]~~ бледная Тоненька девушка ее ~~маленькая~~ дочь.

И Маша волнуется, - узнает ли ее Юля, вспомнит ли ее, ~~как отнесется ли~~ свою лагерную маму, не отвернется ли от нее?

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Слова Семисотова ее ~~не сразу~~ обрадовали ~~надеждой~~, ~~[illegible]~~ и все же она подумала ~~обеспокоили~~: если ~~он ее~~ выставит, прийдется снова с известковым растрвором работать.

Семисотов однажды вечером ушел и не появился больше, она потом уж узнала, – он перевелся из лагеря, ~~в пересыльную тюрьму по состоянию [illegible] дыхательных путей~~. И она радовалась, когда вечером сидела на нарах в бараке, ~~[illegible]~~ а не шла понурившись на склад. А потом ее выставили из конторы, где она при Семисотове мыла полы и топила печи- ей ведь нечем было давать хабару, а ее место получила воровка, что в эшелоне отобрала у нее шерстяную кофточку. Она ~~[illegible]~~ радовалась и ~~[illegible]~~ в то же время ощущала обиду: ~~[illegible]~~ он на прощание даже полуслова не сказал ей, ~~[illegible]~~ хуже, чем собаке. А она ведь когда-то имела постоянную прописку в Москве, жила ~~на Арбате, в Спасопесковском, [illegible]~~ в отдельной изолированной комнате, с мужем и Юлей, мылась в ванной, ела из тарелки, и училась на филологическом.

А лагерная работа в зимние месяцы была ~~[illegible]~~ тяжела, а работать в летнее время было ~~[illegible]~~ тяжело, и в весенние, и в осенние ~~[illegible]~~ дни было тяжело работать, и ~~[illegible]~~ она уж вспоминала ~~[illegible]~~ не Арбат, не Андрея, а лишь то, как при Семисотове мыла полы в конторе. Неужели ~~была~~ выпала ей такая лафа?

И все же надежда таилась в ней, ~~не покидала [illegible] Маша [illegible] чувствовала, что надежда получить письмо, увидеть Юлю, [illegible] подойти к [illegible] Юлю, [illegible] ей под бок и под ноги одеяло, эта надежда не покидала сердце, а лишь [illegible] притаилась..~~ В ставке (на сборе)

А голова была забита тревогой, ~~[illegible]~~ заботой, бедой..

То рвалась рубаха, то нападали нарывы, то болел живот и нельзя было отпроситься в санчасть, то вдруг ~~[illegible]~~ лопалась кожа на пятках и она ~~[illegible]~~ хромала, а портянки ~~[illegible]~~ зернели пятнами крови, то расползался валенок, то надо было ~~[illegible]~~ во что бы то ни стало, не дожидаясь очередной бани, хоть немного помыться, ~~хоть немного постирать~~

СОБАКА

№

Вставка

~~Они~~ Они увидятся...
Конечно, она уже будет старухой, совсем седой, у Юли будут дети, но все же ~~[illegible]~~ они увидятся, они не могут не увидеться.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

хоть немного постирать, то надо было сушить промокший в непогоду ватник.. А все давалось с [redacted] бою- котелок горячей воды, ниточка для штопки, иголочка на прикат, [redacted], ложка [redacted] целым черенком, лоскуток, чтобы наложить латочку.. [redacted] как [redacted] от [redacted] мошки, [redacted], как [redacted] от недоброго, как лагерного [redacted], мороза..

Но матерные ссоры, драки заключенных женщин были не легче лагерной работы..

А барачная жизнь все шла, да шла..

Тетя Таня, уборщица [redacted] из Орла, [redacted] шепчет: " Горе живущим на земле.." У нее грубое [redacted] мужичье лицо, оно кажется жестоким, исступленным. Но в [redacted] тете Тане нет ни жестокости , ни исступления, одна лишь доброта.. [redacted] За что эта святая попала в лагерь.. С какой то [redacted] кротостью она готова мыть [redacted] полы, выполнять чужое дежурство..

Старухи монахини, Варвара [redacted] и Ксенья, быстро шепчутся, [redacted] умолкают едва к ним подходят грешные мирянки. Они живут в особом мире: подписаться под бумагой грех, [redacted] назвать свое мирское имя грех, есть из казеной посуды грех, пить из одной кружки с мирянками грех, надеть лагерный бушлат грех. Их можно убить, так упорны они в своей святости. [redacted] Их святость видна в их одежде, белых платочках, поджатых губах, но в глазах их холод и презрение к [redacted] лагерному страданию и [redacted] греху. Их [redacted] святому стародевичеству противны бабьи страсти, бабьи беды, страдания матерей, жен, все это кажется им нечистым.. [redacted]. Главное это соблюдать чистоту платочка, кружечки, с поджатыми губами сторониться, [redacted] грешной лагерной [redacted].

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

жизни. Воровки их ненавидят, а "жены" недолюбливают и сторонятся.

Жены, жены, ~~матери малых детишек~~, московские, ленинградские, киевские, харьковские, ростовские, печальные, прак тичные, не от мира сего, грешные, слабые, кроткие, злые, смешливые, русские ~~молодые~~ женщины в каторжных бушлатах, ~~на нарах в каторжных лагерях~~. Жены врачей, инженеров, художников и агрономов, жены маршалов и химиков, жены прокуроров и раскулаченных хуторян, ~~отличниц~~, российских, белорусских, украинских хлеборобов. Все они ушли вслед за своими мужьями в скифский мрак барачных курганов.

Чем знаменитей был погибший ~~вождь~~, тем шире круг женщин, ушедших за ним в лагерный путь: жена, бывшая жена, самая первая жена, ~~та на которой он был женат еще студентом, не будучи даже в партии~~, сестры, секретарши, дочь, подруга жены, дочь от первого брака..

~~На нарах в режимных лагерях жила жена Тамарина, жены и сестры Тухачевского, жена Рыкова, жена Бухарина.~~ Об одних говорили: "удивительно простая, скромная.." о других: "ох, совершенно невыносимая, властная, барыня, ~~привыкает~~ будто здесь она ~~тоже~~ на кремлевском положении.. ~~никогда не поздоровается, да она поклон не ответит.~~

~~Они~~ и здесь ~~за проволокой~~ имеют своих ~~приближенных~~, своих приживалок, ~~доверенных~~, подхалимок.. Вокруг них ~~пробный~~ ореол власти и обреченности. О них шепотом говорят: " Нет, уж эти живыми на волю не выйдут"

Были старухи с усталыми, спокойными глазами попавшие в тюрьмы еще при Ленине, насчитывающие десятки лет тюремной и лагерной жизни. Это народницы, социалистки-революционерки, социал- демократки. Их ~~боятся~~ стража, воровки с ними почтительны; они не встают с нар если в барак входит сам начальник лагеря. Рас-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

сказывают, что одна из них, Ольга Николаевна, маленькая седенькая старушка, была до революции анархисткой, бросила бомбу в карету варшавского губернатора, стреляла в жандармского генерала.... Теперь она сидит на лагерных нарах и читает книжечку, пьет из кружки кипяточек. Как-то Маша вернулась ночью, со склада от Семисотова, эта старуха подошла к ней, погладила по голове, сказала: " бедная ты моя девочка.." Ах, как плакала тогда Маша...

А недалеко от Маши лежит на нарах Сюзанна Карловна Рудольф. Она делает физкультурку, дышит через нос. Ее муж профессор, американизированный испанец христианский социалист, приехал с семьей в Советскую Россию, принял советское подданство. Профессор Рудольф осужден на десять лет без права переписки, расстрелян на Лубянке; Сюзанна Карловна и три ее дочери Агнесса, Луиза и Лена попали в режимные лагеря. Сюзанна Карловна ничего не знает о дочерях, плачуча Лена теперь тоже не с ней, переведена в инвалидный лагерь. Сюзанна Карловна не здоровается со старухой Ольгой Николаевной, та назвала Сталина фашистом, а Ленин убил русскую свободу. Сюзанна Карловна говорит: сознание того, что своей работой она помогает и это дает ей силу переносить разлуку с мужем и дочерьми. Сюзанна Карловна рассказывает, как живя в Лондоне они дружили с Гербертом Уэллсом, а в Вашингтоне встречались с Рузвельтом, президент обаятельно любил ее мужа. Она все принимает, ей все ясно, лишь одно ей не совсем ясно: она видела, как человек арестовавший профессора Рудольфа, сунул в карман большую, величиной с детскую ладонь, уникальную золотую монету, стоимостью в сто долларов. На монете был изображен в профиль индеец с перьями- вероятно, человек производивший обыск, взял монету для своего маленького сына, не подумав даже, что

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

она золотая. [redacted]

Все они- чистые, падшие, измученные и [redacted], жили в мире надежды. Надежда то спала, то просыпалась, но никогда не уходила от них. [redacted]

И Маша надеялась- надежда ~~то утешала~~ ее, ~~то~~ мучила, но надеждой можно было дышать, даже когда она мучила.

После ~~железной~~ зимы пришла бледненькая, ~~милая и тихая~~ весна, и Машу погнали вместе с двумя женщинами чинить дорогу, ведущую ~~из лагеря~~ в соцгород, где жили в бревенчатых котеджах ~~лагерные~~ начальники и вольнонаемный персонал.

Она издали видела ~~большой дом, [illegible] лагеря, кружевные~~ занавески на высоких окнах, и слуэти ~~комнатных цветов в горшках на подоконниках~~. Она видела, как девочка со школьной сумкой ~~[illegible]~~ ~~побольше Юльки~~ поднялась на крыльца и вошла в дом начальника управления режимных лагерей.

Конвойный сказал:" Ты что, кино сюда пришла смотреть?"

А когда они при ~~холодном~~ свете ~~чуть розоватой и [illegible]~~ вечерней зорьки шли к лагерю, ~~на окраине соцгорода~~, возле склада пиломатериалов, заиграло радио. ~~передавали концерт из Магадана.~~

~~И Маша~~, и две женщины, что [redacted] плелись вместе с ней, шаркая по грязи, ~~вдруг~~ опустили лопаты- и остановились.

~~Они стояли и слушали музыку~~. На фоне бледненького неба ~~виднелись~~ лагерные вышки, и как крупные мухи застыли на ~~этих вышках~~ часовые в черных полушубках, ~~стояли низкие, длинные серые~~ бараки, ~~[illegible]~~ словно вышли из земли и ~~оглядевшись~~ раздумывали не уйти ли снова [redacted] в землю.

Музыка была не печальная, а веселая, ~~под нее можно было танцевать~~, и Маша плакала, слушая ее, как никогда [redacted], кажетя в жизни не плакала. И две женщины, рядом с ней, одна из них

была раскулаченная, а вторая ленинградская, пожилая, в очках с треснувшими стеклами, плакали, стоя рядом с Машей. И ,казалось, что трещины на стеклах очков сделались от этих слез.

Конвойный растерялся: ведь заключенные редко плакали,сердца их были схвачены, как тундра, мерзлотой.

Конвойный толкал их в спины и просил:

– Ладно уж, хватит, падло, вашу в мать, честью вас бляцей прошу.

Он все оглядывался, ему в голову не приходило, что женщины плачут от радио.

Но и сама Маша не понимала, почему, вдруг, ее сердце переполнилось тоской, отчаянием; словно бы соединилось все, что было в жизни: мамина любовь, красивые стихи, морда следователя, клетчатое, шерстяное платье, которое ей так шло, Андрюша, рассвет над ,вдруг, просиявшим голубым морем в Келасури, под Сухумом, Юлькина болтовня, Семисотов, старухи монашки, бешенные ссоры коблов, тоска оттого, что бригадирша стала пищурившись пристально поглядывать на Машу, как поглядывал на нее Семисотов; почему, вдруг, под веселую танцевальную музыку стала ощущаться грязная сорочка на теле, тяжелые, как сырые утюги ботинки, пахнущий кислотой бушлат; почему ,вдруг, бритвой полоснул по сердцу вопрос: за что, за что , ей, Маше, за что ей эти морозы, это душевное растление, эта пришедшая к ней покорность к каторжной судьбе.

Надежда, всегда давившая своей живой тяжестью ей на сердце, ушла , умерла.

Под эту веселую танцевальную музыку Маша навсегда потеряла надежду увидеть Юлю, затерянную среди приемников, коллекторов, колоний, детдомов, в громаде Союза Советских Социалистических Республик.. Под веселую музыку танцевали ребята в общежитиях и клубах. И вдруг Маша поняла, что мужа ее нет нигде, он расстрелян, и она уже никогда не увидит его.

И она осталась без надежды, совсем одна.. Никогда она не увидит Юлю, ни сегодня, ни седой старухой, никогда, никогда..

Боже, боже, сжалься над ней, [illegible], господи, пожалей, помилуй ее.

[illegible] Через год Маша Лосицкая ушла из лагеря. Перед тем, как навсегда уйти за лагерную проволоку, на волю, она полежала в морозной землянке на сосновом настиле и ее не торопили на работу, никто не обижал ее; санитары положили ее в четырехугольный ящик, сколоченный из выбракованных отделом технического контроля досок, поглядели в последний раз на ее лицо, на нем было выражение милого детского восторга и удивления, то выражение, которое появилось на ее лице, когда она, у склада пиломатериалов [illegible], услышала веселую музыку, сперва обрадовалась, а потом поняла , что нет надежды.

И Иван Григорьевич подумал, что на колымской каторге мужчина не равноправен женщине- [illegible] судьба мужчины легче.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

14. 113

Иван Григорьевич во сне увидел мать. Она шла по дороге, сторонясь потока тягачей, грузовиков; она не видела сына, он кричал: " Мама, мама, мама.." , но гул тяжелых тракторов заглушал его голос.

Он не сомневался, что она узнает (в седом, замученном лагернике своего сына,) только бы услышала, только бы оглянулась, но она не слышала его, не оглянулась.

Он в отчаянии открыл глаза, над ним склонилась полуодетая женщина- он во сне звал мать и женщина подошла к нему.

Она была рядом с ним. Он почувствовал сразу, всем существом своим, что она прекрасна. Она слышала, как он кричал во сне и она подошла к нему, испытывая к нему жалость, нежность и Глаза женщины не плакали, но он увидел в них нечто большее чем слезы сочувствия, увидел то, чего он никогда не видел в глазах людей.

Она была прекрасна потому что она была добра. Он взял ее за руку. Она легла рядом с ним и он ощутил ее тепло, ее нежную грудь, ее плечи ее волосы. Казалось, он ощущал (не на яву, а) во сне; на яву он никогда не бывал счастлив.

Вся она была доброта и он понимал телесным существом своим, что ее нежность, ее тепло, ее шопот прекрасны , потому что сердце ее полно доброты к нему, потому что любовь есть доброта.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Первая любовная ночь

Вспоминать не хочется, тяжело очень, а не забудешь тоже. Вот живет оно- то ли спит, не спит. Железо в сердце, словно осколок. Не отмахнешься от него. Как забыть.. Я вполне взрослая была.

Милый мой, я мужа очень любила. Я красивая была, а все же плохая, не добрая. Ты меня не любил бы тогда и красивую. Я знаю, я как женщина чувствую: не только я для тебя то, что мы рядом с тобой легли. А я смотрю на тебя, ты не сердись, как на Христа. Всё хочется перед тобой, как перед богом каяться.

Конечно, про раскулачивание. Мне тогда двадцать два года было.

Были такие, что от голодной смерти спасаясь к раскулаченным кинулись, до Урала и Казахстана добрались, спаслись среди спецпереселенцев.

При раскулачивании голода не было, упали только площади. А голод пришел в тридцать втором, на второй год после раскулачивания.

При раскулачивании некоторые скотину резали, самогон из зерна гнали- пили, ели, все равно, говорили, жизнь пропала.

Я в рике полы мыла, а подруга моя в земотделе, и мы много знали, я могу все, как было, рассказать. Счетовод мне говорил: -тебе министром быть, я, действительно, быстро понимаю, и память у меня хорошая.

Раскулачивание началось в двадцать девятом году, в конце года, а главный разворот был в феврале и марте тридцатого года.

Вот вспомнила: прежде чем арестовывать на них обложение сделали. Они раз выплатили, вытянули, во второй раз продовольствали кто что мог- только бы выплатить. Им казалось - если выплатят государство их помилует.

Может быть в других областях по иному было, а в нашей именно так шло. Начали арестовывать только глав семейств. Аресты одно ГПУ делало, тут актив не участвовал. Первый набор весь расстреляли, никто не остался в живых. А тех, что арестовали в конце декабря продержали в тюрьмах два три месяца, некоторых объединили с семьями на транзитных станциях и послали на спецпереселение. А когда отцов арестовали семей не трогали, только

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

— Какое ужасть!

Такое [illegible] никому не рассказывать, [illegible] тебе.. [illegible].

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

делали опись хозяйства, ~~которое оставалось, после того, как отца уве-~~ и семья уж не считалась владеющей, а принимала хозяйство на сохранение, ~~на раскулачивание. Но, бывало, что вместе с отцом кое-что забирали- лошадь, корову.~~

Область спускала план- цифру кулаков в районы, районы делили свою цифру сельсоветам, а сельсоветы уже списки людей составляли. Вот по этим спискам и брали. А кто составлял ? Тройки. Проклятое слово для людей- тройка. Мутные люди определяли - кому жить, кому смерть. Ну и ясно- тут уж всего было- и взятки, и из за бабы, ~~тут уж всего было~~ и за старую обиду, и получалось иногда- беднота попадала в кулаки, а кто побогаче тот откупался.

А теперь я вижу, не в том беда, что, случалось, списки составляли жульё. Честных в активе больше было, чем жулья, а злодейство от тех и других было одинаковое. Главное, что все эти списки злодейские, несправедливые были, а уж кого в них вставить- не все ли равно. И Иван невинный, и Петр невинный. Кто эту цифру дал на всю Россию? Кто этот план дал на всё крестьянство? Кто подписал?

Отцы сидят, а в начале тридцатого года семьи стали забирать. Тут уж одного ГПУ не хватило, актив мобилизовали, всё свои же, люди знакомые, но они какие то обалделые стали, как околдованные, пушками грозят, детей (кулацкими выблядками) называют, кровососы- кричат, а в кровососах со страху самих ни кровинки не осталось, белые, как бумага, а глаза у актива, как у котов, стеклянные. И ведь в большинстве свои же, Правда: околдованные - так себя уговорили, что касаться ничего не могут- и полотенце поганое, и за стол паразитский не сядут, и ребенок кулацкий омерзительный, и девушка хуже воши. И смотрят они на раскулачиваемых, как на скотину, на свиней, и все в кулаках отвратительное- и личность, и души в них нет, и воняет от кулаков, и все они венерические, а главное враги народа и эксплоатируют чужим трудом. А беднота, да комсомол, и милиция, ~~и городской актив~~ это всё Чапаевы, одни герои, а посмотреть на этот актив: люди, как люди, и соп-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ливые, ~~и крикуне~~ среди них есть, и подлецов ~~сколько хочешь~~ хватает.

На меня тоже стали эти слова действовать, девченка совсем- а тут и на собраниях, и специальный инструктаж, ~~и во всех газетах~~, и по радио передают, и в кино показывают, и писатели пишут, и сам Сталин, и все в одну точку: кулаки ~~зверье~~ паразиты, хлеб жгут, детей убивают, ~~паразиты кровь сосут~~ и прямо объявили: поднимать ярость масс против них, уничтожать их всех, как класс, проклятых.. И я стала околдовываться, и все ~~кругом, как околдованные, и всем~~ кажется: вся ~~несчастья~~ беда от кулаков и если уничтожить их сразу для крестьянства счастливое время наступит. И никакой к ним жалости: ~~[illegible] сдетьми вместе [illegible] все передохнут, травить их, как бешенных собак~~ Они не люди, а не разберешь что, твари ~~[illegible]~~ И я в активе стала. А в активе всего было: и такие, что верили, и паразитов ненавидели, и за беднейшее крестьянство, и были свои дела обделывали, а больше всего, что приказ выполняли- такие и отца с матерью забьют, ~~и детей родных, казнят~~, только бы исполнить по ~~закону, аккуратно по~~ инструкции ~~[illegible]~~ И не те самые поганные ~~[illegible]~~ дурачки, что верили в ~~будто для крестьянства счастье [illegible]~~ счастливую жизнь если уничтожить кулаков. И лютые звери и те не самые страшные. Самые ~~страшные~~ поганые, что на крови свои дела обделывали, ~~[illegible]~~ кричали, что они ~~самые~~ сознательные, а ~~[illegible]~~ личный счет сводили и грабили. И губили ради интереса, ради барахла, пары сапог, ~~целые семьи~~ а погубить легко- напиши на него, ~~[illegible]~~, и подписи не надо, что на него батрачили или имел трех коров- и готов кулак. И всё это я видела, волновалась конечно, но в глубине не переживала- ~~если~~ если бы на ферме скотину не по правилу резали я бы волновалась, конечно, сильно, но сна бы не лишилась.

Неужели не помнишь, как ты мне ответил, ~~[illegible]~~ я ~~никогда~~ не забуду твоих слов. От них видно, они дневные. Я спросила, как немцы могли у евреев детей в камерах душить, как они после этого могут жить, неужели ни от людей, ни от бога так и нет им суда? А ты сказал: ~~палач~~ он на жертву свою смотрит не как на человека, ~~а~~ суд над палачем один- ~~если он осмелился на человека так посмотреть, он~~ и сам

перестает быть человеком, в себе человека казнит, он самому себе палач; а загубленный- на веки человек, как его не убивай. Вспомнил?

Я понимаю почему теперь я в кухарки пошла, не захотела дальше быть председателем в колхозе.

И я вспоминаю раскулачивание, и по другому вижу всё- расколдовалась, увидела. Почему я такая заледенелая была? Ведь как люди мучились, что с ними делали! А говорили: это не люди, это кулачье. А я вспоминаю, вспоминаю и думаю- кто слово такое придумал- кулачье - неужели Ленин? какую муку приняли! Чтобы их убить надо было объявить- кулаки не люди. Вот так же как немцы говорили: жиды не люди. Так и Ленин и Сталин: кулаки не люди. Люди! Люди! Вот что я понимать стала. Все люди!

Ну вот, в начале тридцатого года начали семьи раскулачивать. Самая горячка была в феврале и в марте. Торопили из района, чтобы к посевной кулаков уже не было, а жизнь пошла по новому. Так мы говорили- первая колхозная весна.

Акти, ясно, выселял. . Инструкции не было как выселять. Один председатель нагонит столько подвод, что имущества не хватало, кулаки, а подводы пустые шли. А нашей деревни гнали раскулаченных пешком. Только что на себя взяли- постель, одежду. Грязь была такая, что сапоги с ног стаскивала. Нехорошо было на них смотреть. Идут колонной, на избы оглядываются, от своей печки тепло еще на себе несут, что они переживали- ведь в этих домах родились, в этих домах дочек замуж отдавали,..истопили печку, а ши недоваренные остались, молоко недопитое, а из труб еще дым идет, плачут женщины, а кричать боятся.

Грязь- не пройти- и кажется земля их отпустить не хочет, за ноги держит. Небо серое, плачет. А нам хоть бы что- актив- одно слово. Подгоняем их, как гусей. А сзади тележка- на ней Пелагея, слепая, Иван Дмитриевич, который лет десять из хаты не выходил, и

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Маруся- дурочка, парализованная, кулацкая дочь, ее в детстве лошадь копытом по виску ударила- и с тех пор она обомлела.

А в райцентре нехватка тюрем. да и какая в райцентре тюрьма- каталажка. А тут ведь сила- из каждой деревни народная колонна. под арестантов забили- кино, театр клубы, школы Но держали людей не долго. Погнали на вокзал, а там на запасных путях эшалоны ждали, порожняк товарный. Гнали под охраной, - милиция, ГПУ, как убийц: дедушки да бабушки, баба да дети, отцов то нет, их еще зимой забрали. А люди шепчут: "кулачье гонят", словно волки. И кричали им некоторые: "кулачье вы проклятое", а они уж не плачут, каменные стали...

Как везли, я сама не видела, но от людей слышала, ездили наши за Урал (к кулакам) в голод спасаться, я сама письмо от подруги получила; потом убегали из спецпереселения некоторые, я с двумя говорила...

Везли их в теплушках запечатанных , вещи шли отдельно, с собой только продукты взяли, что на руках были. На одной транзитной станции, подруга писала, отцов в их эшелон посадили, была в тот день в этих теплушках радость великая и слезы великие.. Ехали больше месяца, эшелонами забита, со всей России крестьян везли, впритир лежали, и нар не было, в скотских вагонах. Конечно, больные умерли в дороге, не доехали. Но главное что: кормили- на узловых станциях ведро баланды, хлеба двести грамм.

Конвой военный был. У конвоя злобы не было, как к скотине, так мне подруга написала.

А как там было- мне эти беглые рассказывал- область их разверстывала по тайге. Где деревушка лесная, там нетрудоспособных в избы набили, тесно, как в эшелоне А где деревни вблизи нет- прямо на снег сгружали. Слабые померзли. А трудоспособные стали лес валить, пней, говорят, не корчевали, они не мешали. Деревья выкатывали и строили шалаши, бала-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ганы, без сна почти работали, чтобы семьи не померзли. А потом уж стали избушки класть, две комнатки, каждая на семью. На мху клали- шпаклевка.

Трудоспособных закупили у энкаведе леспромхозы, снабжение от леспромхоза, а на иждевенцов паек. Называлось: трудовой поселок, комендант, десятники. Платили, рассказывали, наравне с местными, но зароботок весь на заборные книжки уходил.. Народ могучий наш- стали скоро больше местных получать...Права не имели за пределы выйти: или в поселке или на лесосеке. Потом уж, я слышала, в войну им разрешили в пределах района, а после войны героям труда разрешили и вне района, кое кому паспорта дали..

А подруга мне писала- из нетрудоспособного кулачества стали колонии сбивать: на самоснабжении. Но семена в долг дали и до первого урожая от энкаведе на пайке. А комендант и охрана как в трудовых поселках. Потом их в артели перевели, у них там помимо коменданта выборные были...

А у нас новая жизнь без) (началась.) раскулаченных. Стали в колхоз сгонять- собрания до утра, крик, матершина. Одни кричат : не пойдем, другие- ладно уж, пойдем, только коров не отдадим. А потом пришла Сталина статья- головокружение от успехов. Опять каша: кричат- Сталин не велел силой в колхозы гнать. Стали на обрывках газет заявления подавать: выбываю из колхоза в единоличные. А потом опять загонять в колхозы стали.. А вещи , что остались от раскулаченных большей частью раскрадывали, ~~кто сильней тот себе ружьецо охотничье, комодик, кто послабей горшки, овчину старую.~~

~~Словом, освободились от кулаков и начали по новому жить.~~ И думали мы , что нет хуже кулацкой судьбы. Ошиблись! ~~А вскоре пришла голодная казнь. И народ позавидовал раскулаченным.~~ По деревенским топорам ударил, как они стояли все, от мала до велика... Голодная казнь пришла.

~~Урожай в этом году сняли колхозный, без частников.~~

А я тогда уже не полы мыла, а счетоводом стала. И меня, как активистку, послали на Украину для укрепления колхоза. У них, нам объясняли,

дух частной собственности сильней, чем в Рэсэфэсэр. И правда, у них еще хуже чем у нас дело шло. Послали меня не далеко- мы ведь на границе с Украиной- трех часов езды от нас до этого места не было. А место красивое. Приехала я туда- люди, как люди. И стала я в правлении ихнем счетоводом.

Я во всем, мне кажется, разобралась. Меня видно не даром старик министром назвал. Это я тебе только так говорю, потому что тебе, как себе, а постороннему человеку я никогда не похвастаюсь про себя. Всю отчетность я без бумаги в голове держала. И когда инструктаж был, и когда наша тройка заседала, и когда руководство водку пило я все разговоры слушала.

Как было? После раскулачивания очень площади упали и урожайность стала низкая. А сведения давали будто без кулаков сразу расцвела наша жизнь. Сельсовет врет в район, район в область, область в Москву. И докладывают про счастливую жизнь, чтобы Сталин порадовался: колхозном в зерне вся его держава купаться будет. Поспел первый колхозный урожай, дала Москва заготовку цифры. И нам стали в село заготовку- за десять лет не выполнить. Всё как нужно- центр областям, области по районам. В сельсовете и те, что не пили со страху перепились. Видно Москва больше всего на Украину понадеялась. Заготовки дали- за десять лет не выполнить. Потому на Украину и больше всего злобы было. Разговор то известный- не выполнил, значит сам недобитый кулак.

Конечно поставки нельзя было выполнить - площади упали, урожайность упала, откуда же взять море колхозного зерна? Значит- спрятали! Недобитые кулаки, лодыри. Кулаков убрали, а кулацкий дух остался. Частная собственность у хохла в голове хозяйка.

Кто убийство массовое подписал? Я часто думаю- неужели Сталин? Я думаю такого приказа сколько Россия стоит не было ни разу. Такого приказа не

то, что царь, но и татары и немецкие оккупанты не подписывали. А приказ- убить голодом крестьян на Украине, на Дону, на Кубани, убить с малыми детьми. Указание было забрать и семенной фонд весь. Искали зерно как будто не хлеб это , а бомбы, пулеметы. Землю истыкали штыками, шомполами, все подполы перекопали, все полы повзламывали, в огородах искали. У некоторых забирали зерно, что в хатах было,- в горшки, в корыта ссыпано. У одной женщины хлеб печеный забрали, погрузили на подводу и в район отвезли.. У нем и ночью подводы скрипели, пыль над всей землей висела, а элеваторов не было, ссыпали на землю, а кругом часовые ходят. Зерно к зиме от дождя намокло, гореть стало, не хватило у советской власти брезента мужицкий хлеб прикрыть.

А когда еще из деревень везли зерно кругом пыль поднялась, всё в дыму: и село, и поле, и луна ночью. Один сума сошел: горим, небо горит, земля горит! Кричит! Нет, небо не горело, это жизнь горела.

Вот тогда я поняла: первое для советской власти- план. Выполни план! Сдай разверстку, поставки! А люди нуль без палочки. Первое дело государство

Отцы и матери хотели детей спасти, хоть немного хлеба спрятать, а им говорят: у Вас лютая ненависть к стране социализма, вы план хотите сорвать, тунеядцы, подкулачники, гады. Не план срывать, детей хотели спасти, самим спастись. Кушать ведь людям надо.

Рассказать я все могу, только в рассказе слова, а это ведь жизнь, мука, смерть голодная. Между прочим забирали когда хлеб объясняли активу, что из фондов кормить будут. Неправда это была, ни зерна голодным не дали.

Кто отбирал хлеб , большинство свои же, из рика, из рай-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

кома, ну комсомол, свои же ребята, хлопцы, конечно милиция, энкаведе, кое где даже войска были, я одного мобилизованного московского видела, но он не старался как то, всё стремился уехать. ~~Приказ был, не сами придумали~~. И опять, как при раскулачивании люди все какие то обалделые, озверелые стали, ~~взбесились~~.

Гриша Саенко, милиционер, ~~он служил в районе, его в деревне знали~~, он на местной деревенской бал женат и приезжал в село гулять на прздники- веселый, и танцевал хорошо танго и вальс, и пел украинские песни деревенские. А тут к нему подошел дедушка совсем седенький, ~~старик совсем седенький, семьдесят лет ему было~~ и стал говорить: " Гриша, ~~как вы можете, ведь трудящие люди, это наше крестьянское зерно, а~~ вы ~~так~~ нас всех знищиваете, это хуже убийства, почему рабоче крестьянская власть таков против крестьян делает, чего царь не делал".. ~~[illegible]~~ Гришка пихнул его, а потом пошел руки к колодцу мыть, сказал людям:" как я буду ложку рукой брать, когда я этой паразитской морды касался"

А пыль- и ночью, и днем пыль, пока хлеб везли. Луна, ~~я такой пошле никогда не видела~~ в полнеба камень, и от этой луны всё диким кажется, и жарко так ночью, как под овчиной, и поле хоженное перехоженное, как смертная казнь страшное. ~~Молчит, затаилось.~~

~~Что недобрали по поставкам солнце пожрло. Листья сразу пожелтели и в садах и в лесу. Голо всё стало. Поозимый хлеб выстоял.~~ И люди стали какие то растерянные, и скотина какая то дикая, пугается, мычит, жалуется, и собаки выли сильно по ночам. И земля потрескалась.

Ну, вот, а потом осень пришла, дожди, потом зима снежная.. ~~но не холодная, только что не таяло~~.. А хлеба нет.

И в райцентре не купишь потому что карточная система. И на станции не купишь в палатке- потому что военизированная орана не подпускает. А коммерческого хлеба нет.

С осени стали на картошку, без хлеба быстро она пошла. А к рождеству начали скотину резать. ~~И ее кормить нечем и самим кушать нечего. Без хлеба мясо быстро подъели~~. Да и мясо это на костях, тощее, ~~тощее~~.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Курей конечно порезали. Мясцо быстро подъели, а молока глоточка не стало, во всей деревне яичка не достанешь. А главное- без хлеба. Забрали хлеб у деревни до последнего зерна. Ярового нечем сеять, семеной фонд до зернышка забрали. Вся надежда на озимый. Озимые под снегом еще, весны не видно, а уж деревня в голод входит. Мясо съели, пшено, что было подъедают в чистую, картошка у кого семьи большие съели всю.

Стали кидаться ссуды просить- в сельсовете, в район. Не отвечают даже. А доберись до района, лошадей нет, пешком по большаку девятнадцать километров.

Ужас сделался. Матери смотрят на детей и от страх кричать начинают. Кричат будто змея в дом вползла. А эта змея - смерть, голод. Что делать? А в голове у селян только одно- что бы покушать. Сосет, челюсти сводит, слюна набегает, все глотаешь её, да слюной не накушаешься. Ночью проснешься, кругом тихо, ни разговору, ни гармошки. Как в могиле, только голод ходит, не спит. Дети по хатам с самого утра плачут- хлеба просят. А что мать им даст- снегу ? А помощи ни от кого. Ответ у партийных один- работать надо было, лодарничать не надо было. А еще отвечали: у себя самих поищите, в вашей деревне хлеба закопано на три года.

Но зимой еще настоящего голода не было. Конечно вялые стали, животы вздуло от картофельных очистков, но опухших не было. Стали жолуди из под снега копать, сушили их, а мельник развел жерновы пошире, молол жолуди на муку. Из желудей хлеб пекли, вернее лепешки. Они темные очень, темнее ржаного хлеба, но ничего ели. Кое кто добавлял отрубей или картофельных очистков толченных. Желуди быстро кончились - дубовый лесок небольшой, а в него сразу три деревни

под кинулся. А приехал из города уполномоченный и в сельсовете говорит- вот паразиты, из под снега голыми руками жолуди таскают, только бы не работать.

Липовый лист толкли на муку и тоже лепешки выпекали, но у нас липовых деревьев не было. Я пробовала эти лепешки, зеленые, хуже желудевых..

В школу старшие классы почти до самой весны ходили, а младшие зимой перестали. А весной школа совсем закрылась- учительница в город уехала. И медпункт в деревне был, фельдшер уехал. кушать стало нечего Да и не вылечишь голода лекарством. Совсем деревня одна осталась- кругом пустыня и голодные в избах. И уполномоченные и представители разные из города ездить перестали- чего ездить ? Взять с голодных нечего, значит и ездить не надо. И лечить не надо, и учить не надо. Раз с человека держава взять ничего не может, - он становится бесполезный. Зачем его лечить да учить.

Сами остались, отвернулось от голодных деревень государство. Не нужны ему стали. Стали люди по деревне ходить, просить друг у друга, нищие у нищих, голодные у голодных. У кого детей поменьше, или одинокие у таких кое что к весне оставалось, вот многодетные у них и просили. И случалось давали горстку отрубей или картошек парочку. А партийные не просили, эти не дают- и не только что от жадности или по злобе, боялись очень. А государство отказывало зернышка голодным не дало, а оно ведь на крестьянском хлебе стоит. Неужели Сталин пра это знал? Старики рассказывали - голод бывал при Николае- всё же помогали, и вдолг давали, и кухни такие открывали, и в городах крестьянство просило Христа ради, и пожертвования студенты собирали. А при рабоче-крестьянском правительстве зернышка не дали, по всем дорогам заставы- войска, милиция, энкаведе, не пускают голодных из деревень, к городу не подойдешь, вокруг станций охрана, на самых малых полустанках охрана, вокруг хлебных палаток охрана. Нету вам кормильцы хлеба. А в городе по карточкам рабочим восемьсот грамм давали! Боже мой, да

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

мыслимо ли это- столько хлеба- восемьсот грамм! А в деревне дети ни грамма не получают. Вот как немцы- детей еврейских душили- вам не жить, вы жиды, а жить только немцам. А здесь совсем не поймешь- и тут советские, и тут советские, и тут русские, и тут русские, и власть рабоче крестьянская, за что же эта погибель?

А когда снег таять стал вошла деревня в голод. Пришел он. Голод. Мор.

Дети кричат , не спят ночью, хлеба просят. У людей лица, земля, как земля, глаза мутные, пьяные. И ходят как сонные, ногой землю щупают, рукой за стенку держатся. Шатает голод людей. Меньше стали ходить, все больше лежат. И всё мерещится- скрипит обоз скрипит, из райцентра прислал Сталин муку народ кормить, детей спасать.

Бабы крепче оказались мужчин, злее за жизнь цеплялись. А досталось им больше- дети кушать у матерей просят. Некоторые женщины уговаривают, целуют детей; "ну не кричите, терпите, где я возьму?" Другие, как бешенные становятся: "перестань скулить, убью!" и били чем попало, только бы не кричали.. А некоторые из дому выбегали, у соседей отсиживались, чтобы не слышать, как дети кричат.

К этому времени кошек и собак не осталось- забили. И ловить их был трудно- они опасались людей, глаза дикие у них стали. Варили их, жилы одни сухие, из голов студень вываривали.

Снег стаял и люди опухать, пошел голодный отек- лица пухлые, ноги, как подушки, в животе вода, мочатся всё время- на двор не успевают выходить. А крестьянские дети: видел ты, в газете печатали: дети в немецких лагерях: узкие, длинные, головы в парше, большие, как ядра тяжелые, шеи гнутся и тонкие, как у аистов, на руках и на ногах каждую косточку видно, как под кожей ходит, как двойные соединяются, как сухожилия идут, ребра, ключицы, весь скелет кожей, как марлей затянут. А лица у детей старикоские, замуче

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ные, словно младенцы семьдесят пять лет на свете уже прожили, а к весне уже не лица стали: то птичья головка с клювиком, то лягушечья мордочка- губы тонкие широкие, третий, как пискарик- рот открыт, не человеческие лица.. а глаза, гоподи.. Товарищ Сталин, боже мой, видел ~~ли~~ ты эти глаза? Может быть и в самом деле он не знал, он ведь статью написал про головокружение.

Чего только не ели- мышей ловили, крыс ловили, галок, воробьев, муравьев, земляных червей копали, ~~листья сушили~~, стали кости на муку толочь, кожу, подошву, шкуры старые вонючие на лапшу резали, клей вываривали. Вставка (на обороте)

А помощи нет! Да тогда уж и не просили! Я и теперь, когда думать начинаю, сума схожу, - неужели отказался Сталин от людей. На такое страшное убийство пошли. Ведь хлеб у Сталина был. Значит нарочно убивали голодной смертью людей. Не хотели детям помочь. Неужели Сталин хуже Ирода был. Неужели, думаю, хлеб до зерна отнял, а потом заморил людей голодом. Нет не может такого быть! А потом думаю: было, было! И тут же - нет, не могло того быть.

Вот когда еще не обессилили- ходили ~~минуя большак~~, полем ~~и лесом~~, к железной дороге, не на станцию, к станции охрана не допускала, а прямо на пути. Когда идет скорый поезд ~~на~~ Киев- Одесса на колени становятся, руки протягивают и кричат: хлеба! Некоторые своих страшных детей поднимают. И, случалось, бросали люди куски хлеба, ~~корки~~, объедки разные. Пыль уляжется, отгрохочет, и ползает деревня вдоль пути ищет. Но потом вышло распоряжение, когда поезл через голодные области шел охрана ~~все~~ окна закрывала и занавески спускала. Не допускала ~~и~~ пассажиров к окнам. Да и сами деревенские ходить перестали- сил не стало не то, что до рельсов дойти, а из хаты во двор выползти.

Я помню один старик принес председателю кусок газеты, подобрал его на путях. И там заметка: француз приехал, министр знаменитый, и его повезли ~~повезли на Украину~~ в Днепропетровскую область, где самый страшный мор был, еще хуже нашего ~~чем у нас~~, там люди людей ели, и вот в село его привез-

Вставка

А когда ~~листья зазеленели~~, трава поднялась стали ~~собирать~~ копать корни, ~~сушить~~ варить листья, почки — всё в ход пошло — и одуванчик, и лопух, и колокольчики, и иван-чай, и сныть, и борщевник, и крапива, и очиток. ~~И~~ Липовый лист сушили толкли на муку, но у нас липы мало было. Лепешки из липы зеленые, ну же Жселудовых.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ли, в колхозные [illegible] и он [illegible] спрашивает:"что вы сегодня ели на обед?" , а дети отвечают:"куриный суп с пирожком и рисовые котлеты" Я сама читала, вот как сейчас вижу этот кусок газеты. Чтож это? Убивают, значит, на тихаря миллионы людей и весь свет обманывают! Куриный суп, пишут! Котлеты! А тут червей всех съели. А старик председателю сказал: [illegible] при Николае [illegible] на весь свет газеты писали: помогите, крестьянство гибнет. А вы Ироды театры представляете.

Завыло село, увидело [illegible] смерть. Всей деревней выли- и [illegible] не разумом , не душой, а как листья от ветра шумят, или солома скрипит. И тогда меня зло брало- почему они так жалобно воют, [illegible] уж не люди стали, а кричат так жалобно. Надо каменной [illegible], чтобы слушать этот вой и свой пайковый хлеб [illegible] кушать. Бывало выйду с пайкою в поле- и [illegible] слышно: воют; пойдешь дальше, вот, вот кажется [illegible], пройду еще и опять [illegible] становится- это [illegible], как соседняя деревня воет.. И кажется - [illegible], земля вместе с людьми завыла.. Бога нет, кто услышит?

Мне один энкаведе сказал:"Знаешь, [illegible] области [illegible] деревни называют: кладбища суровой школы". Но я сперва не поняла этих слов.

А погода [illegible] какая хорошая! В начале лета шли [illegible] дожди, такие быстрые, солнце жаркое вперемешку с дождем,- и от [illegible] и солнца [illegible] пшеница стеной стояла, топором ее руби, и высокая, выше человеческого роста. В это лето ради чего сколько я нагляделась, и грозы, и дождя теплого, цыганского.

Гадали все зимой, будет ли урожай, стариков расспрашивали, все приметы перебрали- вся надежда была на озимую пшеницу. И надежда оправдалась, а косить не смогли. Зашла я в одну избу. Люди лежат, то ли еще дышат, то ли уже не дышат, кто на кровати, кто на печке, а [illegible] хозяйская дочь

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

хозяйская дочь, ~~девушка~~, я её знала, лежит на полу в каком то беспамятстве, зубами грызет ножку у табуретки. И так страшно это- услышала она, что я вошла, не оглянулась, а заворчала, ~~точно~~ как собаки ворчат ~~когда~~ если к ним подходят, а они кость грызут.. ~~Душу сперва голодом убили, а потом тело убили. Два раза убивали.~~

~~Вскоре~~ Пошел по селу сплошной мор. Сперва дети, старики, потом уж средний возраст. Вначале закапывали, потом уж не стали закапывать. Так ~~трупы~~ мертвые и валялись на улицах, во дворах, а последние в избах остались лежать. Тихо стало. Умерла вся деревня. Кто последним умирал я не знаю. Нас ,которые в правлении работали, в город забрали.

Попала я ~~на три дня~~ сперва в Киев. ~~Но я и в Киеве насмотрелась.~~ Стали как раз в эти дни коммерческий хлеб давать. Что делалось. Очереди по полкилометра с вечера становились. Очереди, знаешь, разные бывают- ~~либо~~ в одной стоят посмеиваются, ~~как ни в чем не бывало~~ семечки грызут, ~~некоторые присядут даже под стеночку~~, в другой ~~очереди~~ номера на бумажку списывают, в третьей, где не шутят, на ладони пишут, либо на спине мелом. А тут очереди особые- я таких больше ~~нигде~~ не видела. Друг дружку обхватывают за пояс и стоят один к одному. ~~изо всех сил друг за друга держатся~~. Если кто оступится, всю очередь шатнет, как волна по ней проходит. И словно танец начинается- из стороны в сторону. И всё сильней качаются. Им страшно, что не хватит силы за передового цепляться и руки разожмутся- и от этого страха женщины кричать начинают, и так вся очередь воет, ~~кричит~~ и кажется они все сума посходили- поют да танцуют. А то ~~хулиганы~~, шпана в очередь врываются: ~~идут и~~ смотрят, где цепь легче порвать. И когда шпана ~~идет вдоль очереди~~ подходит все снова ~~кричат~~ воют от страха, а кажется, что они поют. В очереди за коммерческим хлебом стоял народ городской- лишенцы, бесспаспортные, ремесло, либо пригородные.

А из деревни ползут ~~умирающие~~ крестьянство. На вокзалах оцепление, ~~войска~~, все составы обыскивают. На дорогах всюду заставы- войска, ~~милиция~~, энкаведе, а всё равно ~~доходят~~ добираются до Киева- ~~пешком идут~~, ползут полем, целиной, ~~болотами~~,

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

болотами, лесочками, только бы заставы миновать на дорогах. На всей земле заставы не поставишь. Они уж ходить не могут, а только ползут. Народ спешит по своим делам, кто на работу, кто в кино, трамваи ходят, а голодные среди народа ползут- дети, дядьки, дивчины, и кажется это не люди, а какие то собачки или кошки паскудные на четвереньках. А оно еще хочет по человечески , стыд имеет, дивчина ползет, опухшая, как обезьяна, скулит, а юбку поправляет, стыдается, волосы под платок прячет. Деревенская в первый раз не Крещатик попала. Но это счастливые доползли, один на десять тысяч. И всё равно им спасения нет- лежит голодный на земле, шипит, просит, а кушать он не может, краюшка рядом, а он уж ничего не видит, доходит.

По утрам ездили платформы, битюги, собирали, которые за ночь умерли. Я видела одну платформу- дети на ней сложены. Вот как я говорила- тонеькие, длиненькие, личики, как у мертвых птичек, клювики острые. Долетели эти пташки до Киева, а что толку. А были среди них еще пищали, головки, как налитые мотаются. Я спросила возчика, он рукой махнул- пока довезу до места-притихнут.

Я видела: дивчина одна поползла поперек тротуара, её дворник ногой ударил, она на мостовую скатилась. И не оглянулась даже, ползет быстро, быстро, старается, откуда еще сила. (И еще платье отряхивает, запылилось, видишь.) А я в этот день газету московёкую купила, прочла статью Максима Горького, что детям нужны культурные игрушки. Неужели Максим Горький не знал про тех детей, что битюги на свалку вывозили- им что ли игрушки? А может быть он знал? И так же молчал, как все молчали. И так же писал, как те писали будто эти мертвые дети едят куриный суп. Мне этот ломовой сказал- больше всего мертвых возле коммерческого хлеба- сжечет опухший кусочек и готов. Запомнился мне Киев этот, хоть я там всего три дня пробыла....

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

 130

Вот что я поняла. Сначала голод из дому гонит. Бегут из дому люди, бьются против голода, ищут спасения. Первое время он голод, как огонь пе чет, мучит, терзает, и за кишки и за душу рвет, - вот тогда человек и бежит из дому. Люди в поле идут, на леведу, корни копают, траву соби-рают, в лесу желуди ищут, лягушек ловят, по соседям просят, на же-лезную дорогу ходят, в райцентр прорываются, даже, видишь, в Киев про рываются. И всё из дому, и все из дому.. А приходит такой день и го-лодный обратно к себе в хату заползает. Это значит осилил человека голод, и он уж не спасается, не ждет, ложится на постель и лежит. И раз человека голод осилил, его не подымешь, из хаты не вызовешь, и не только оттого, что сил нет- не хочет, нет ему интереса, жить не хочет. Лежит себе тихо и не тронь его. И голод голодного уже не мучит, совсем, есть голодному не хочется, мочится всё время и понос, и голодный становится сонный, не тронь его, не поднимай только бы тихо было. Лежат голодные отупелые, опухшие, закаменелые и доходят. Это рассказывали и военнопленные- если ложится пленный боец на нары, не моется, пайки не просит, значит конец ему скоро.

А на некоторых безумие находило. Эти уж до конца не успокаивались. Их по глазам видно- блестят. Вот такие мертвых разделывали и варили, и своих детей убивали и съедали. В этих зверь поднимался, когда человек в них умирал. Я одну женщину видела- в райцентр её привезли под кон-воем- правда, глаза страшные, лицо человечье, а глаза волчьи. Их, лю-доедов, говорили, расстреливали всех поголовно. Их довели, они не виноваты, виноваты те, что довели мать до того, что она своих детей ест. Да разве найдешь виноватого- кого не спроси. Это ради хорошего, ради всех людей матерей довели.

Я тогда увидела- всякий голодный он вроде людоед. Сам себя человек съедает. Мясо сам с себя объедает, одни кости остаются, жир до послед ней капельки, одна кожа сохнет. Потом он разумом темнеет- значит и моз-ги свои съел. Съел голодный себя всего.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Еще я думала- в голодной смерти все друг на друга похожи и все же каждый голодный по своему умирает. В одной хате гражданская война идет, ненависть, друг за другом следят, друг у дружки крохи отнимают, враги, дрались Жена на мужа , муж против жены. Мать детей ненавидит. Ничем помочь не могу, а они сутра начинают: "мама, хлеба", бесполезна я им, а меня они надно тянут, душу рвут.. и мечтали: скорей бы успокоились, тихо станет, мучить меня не будут. А в другой хате любовь нерушимая. и голод с ней ничего не может сделать. Я знала одну такую, четверо детей- она ж и сказки им рассказывает, чтобы про голод забыли, а у самой язык не ворочается, она их на руки берет, по хате носит, а у нее уж силы нет пустые руки поднять. ноги не стоят. А любовь в ней живет. И замечали люди- где ненависть, там скорей умирали. Э, да что любовь, тоже никого не спасла, вся деревня поголовно легла. Не осталось жизни.

Я узнала потом- тихо стало в деревне нашей. И детей не слышно. Там уж ни игрушек, ни супа куриного не надо. Не выли. Некому. Узнала, что пшеницу войска косили, только красноармейцев в мертвую деревню не допускали, в палатках стояли. Им объясняли, что эпидемия была. Но они жаловались, что от деревень запах ужасный шел. Войска и озимые посеяли. А на следующий год привезли переселенцов из Орловской области- земля ведь украинская, чернозем, а у орловских всегда надого Женщин с детьми оставили возле станции в балаганах, а мужчин повели в деревню. Дали им вилы и велели по хатам ходить тела вытаскивать- так покойники и лежали, мужчины и женщины, кто на полу, кто на кроватях. Запах страшный в избах стоял. Мужики себе рты и носы платками завязывали- стали вытаскивать тела, а они на куски разваливаются. Потом закопали эти куски, что от людей осталось, за деревней. Вот тогда я поняла- это и есть кладбище суровой школы. Когда очистили от мертвых избы привели женщин полы мыть, стены белить. Всё сделали, как надо, а запах стоит. не ушел. Стали во второй раз побелили, и полы наново глиной мазали, не уходит запах. Не смогли они в этих хатах ни есть, ни спать, вернулись в Орловскую обратно. Но конечно земля пустой

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

не осталась- земля ведь какая.

И словно не жили. А многое чего было. И любовь, и жены от мужей уходили, и дочерей замуж отдавали, и дрались пьяными, и гости приезжали, и хлеб пекли.. А работали как! А песни спевали. И дети в школу ходили. И кино-передвижка приезжала, самые старые и те ходили картины смотреть..

И ничего не осталось. А где же эта жизнь, где страшная мука? Неужели ничего не осталось? Неужели никто не ответит за это всё? Вот так и забудется без следа? Травка выросла.

Вот я тебя спрашиваю- как же это ?

Вот видишь, и прошла наша ночь, уже светает. Пора на работу собираться.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

15. 133

Голос у Василия Тимофеевича был негромкий, движения нерешительные.

Когда заговаривали с Ганной она опускала карие глаза и отвечала едва слышно..

А после женитьбы они совсем застеснялись: он, пятидесятилетний человек, которого соседские дети называли "диду" засмущался, засовестился оттого, что седеющий , лысый, с морщинами, женился на молодой девушке, счастлив своей любовью, глядя на нее шепчет: "голубка моя.. серденько мое.." Когдо то ей, девченке, представлялся будущий муж, он и Щорс, и лучший гармонист на селе, и пишет задушевные стихи, как Тарас Шевченко. На ее кроткое сердце понимало силу любви к ней неудачливого бедного, всегда жившего не своей, а чужой жизнью робкого пожилого человека. А он понимал ее молодую надежду,- вот придет сельский лыцарь и уведет ее из тесной хаты отчима.. А пришел за ней он, в старых робочах, с большими темными мужицкими руками, виновато покашливая, и вот смотрит он на нее с обажанием, счастьем, виной, горем. И она виновата перед ним, кротка, молчалива...

И сын у них, Гриша, родился тихий, никогда не заплачет, и похожая после родов на худенькую девочку, мать иногда подходила к люльке ночью и видя, что мальчик лежит с открытыми глазами, говорила:

- Та ты хоть поплачь трошки, Гришенька, чего ты все мовчишь, та мовчишь.

И в хате муж и жена разговаривали вполголоса, а соседи удивлялись разговору им говорили: - Та чего це вы так тыхо балакаете.

И странно- она молодая женщина и он пожилой, некрасивый мужик были одно схожи своими кроткими сердцами, своей робостью . работали они оба безотказно, и даже вздохнуть стеснялись,

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

когда несправедливо гнал их бригадир не в очередь в поле.

Однажды Василий Тимофеевич по наряду от колхозной конюшни поехал с председателем в райцентр и пока председатель ходил в райзо, райфо, он, привязав лошадей к тумбе, зашел в раймаг и купил жене гостинец- маковников, леденцов, сушек, орешков- всего понемножку, по сто пятьдесят грамм. Когда он, войдя в хату, развязал белую хусточку жена радостно, по детски всплеснула руками, вскрикнула: "ой, мамо" и Василий Тимофеевич, застеснявшись вышел в сени, чтобы она не увидела его счастливых, плачущих глаз.

Она ему на риздво вышила узор на рубашке и так уж не узнала, что Василий Тимофеевич Карпенко в эту ночь почти не спал, подходил босыми ногами к комодику на котором лежала рубашка, гладил ее ладонью, щупал вышитый крестиками незамысловатый узор. Он вез жену из родильного отделения районной больницы, она держала на руках ребенка, и ему казалось, что проживи он тысячу лет он не забудет это ощущение.

Иногда ему делалось жутко- мыслимое ли дело, чтобы в его жизни случилось такое счастье, мыслимо ли вот так проснуться среди ночи, прислушаться к дыханию жены и сына.

Разве тихая, робеющая перед всеми людьна имела право на такое дело.

Но вот так оно было. Он шел с работы к дому и видел пеленочку, сохнущую на плетне и дымок из трубы. И это делало его старого, непьющего мужика, веселым, молодым, пьяным.

Он смотрел на жену- она наклонилась над люлькой, ставит на стол тарелку борща и улыбается чему то , он глядит на ее ру-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ки, на волосы, выбившиеся из под хустки, он слушает, что говорит она о немовлятке, о соседской овце, она о чем то спрашивает его, он хочет ответить и счастье сжимает ему горло и он мгновение молчит, делает усилие, чтобы заговорить. Иногда она выходила в сени и он скучал, даже тосковал ожидая ее, а когда она возвращалась он радовался и она, уловив его взгляд, кротко и грустно улыбалась ему.

Василий Тимофеевич умер первым опередив на два дня маленького Гришу. Он незаметно отдавал почти все крохи еды жене и ребенку и потому умер раньше их. Вероятно в мире не было самопожертвования выше того, что проявил он и отчаяния больше того, что пережил он, глядя на обезображенную смертным отеком жену и умирающего сына.

И поистине удивительно, ни упрека, ни гнева к великому и бессмысленному делу, что совершали государство и Сталин не испытал он до последнего своего часа. Он даже не задал вопроса: "за что?", за что ему и его жене, кротким, покорным, трудолюбивым, робким, их тихому годовалому мальчику определена мука голодной смерти.

Перезимовали скелеты в истлевшем тряпье вместе- муж, молодая жена, их маленький сын, бело улыбались не разлученные после смерти.

Потом уж, весной, когда прилетели скворцы, зашел в хату, прикрывая рот и нос платком, уполномоченный земельного отдела, оглядел Герасимовну лампочку без стекла, образок, самодельный комодик, старенький стол, холодные чугуны, кровать и сказал:

- Тут двое и малэ.

Бригадир, стоя на пресвятом пороге любви и кротости, кивнул, сделал пометку на клочке бумаги.

Выйдя на воздух уполномоченный посмотрел на белые хаты, мертвые, на зеленые садки , сказал:

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~Продолжение~~

– После того как уберете трупы ось эту развалюху восстанавливать нема смысла.

И бригадир вновь кивнул.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

В один прекрасный день было воскресенье. Именно в этот день в городском театре должен был состояться бенефис. Давно было известно, что бенефициантом будет Иван Григорьевич Бородин, первый трагик. Весь город был взволнован предстоящим бенефисом. Говорили, что в городе гастролирует знаменитый трагик, что он сыграет роль Отелло, что в городе будет устроена иллюминация, что будет дан фейерверк, что в городском саду будет играть оркестр музыки. Все эти слухи, конечно, были основательны, так как Иван Григорьевич был не только любимцем публики, но и другом директора театра, Ивана Ивановича Ковалевского, который был большим любителем искусства и, кроме того, был женат на родной сестре Ивана Григорьевича.

Вставка

(домой)
(Отец, ~~мать~~, хозяин города - первый секретарь ~~обкома~~ (горсовета)
горкома - может за (~~ведёт~~ приказал председатель ~~горсовета~~)
- вызвать офицер на квартиру в новом доме
на главной улице.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Одни говорили, что приехавший из Москвы в область следователь по особо важным делам, не побоится обнародовать причастность к делу всего городского начальства.

Ведь даже детям было известно, что городской прокурор ездит в подаренной ему с сутулым и плешивым зайкой кладовщиком „Волге", что секретарю горкома привезли из Тиси, подаренную кладовщиком мебель — спальный и столовый гарнитуры, что жена начальника ижевского артельного кладовщика на самолете отправилась в Адлер, где два месяца жила в санатории Совета Министров и что в день отъезда ей было подарено кольцо с изумрудом.

Другие, скептики, считали, что московский следователь по особо важным делам не решится поднять дело против хозяев города и вся тяжесть удара придется на кладовщика и правление артели.

И вот (приехавший) из области (на самолете студент) сын кладовщика привез неожиданную новость: следователь по особо важным делам прекратил дело за отсутствием состава преступления, кладовщик освобожден из под стражи, подписка о невыезде, взятая у председателя и двух членов правления артели аннулирована.

Почему то решение (сановного московского юриста) расшевелило и развеселило всех людей в артели

и скептиков и фанатиков — в обеденный перерыв еда хлеб, колбаса, пальто и огурцы инвалиды смеялись и шутили — их веселила человеческая слабость сервантесовского, но особо важным делом, их смешило всесилие мелкого жалкого слабого

Ивану Григорьевичу — [illegible]

[illegible]

[illegible]

[

140

Вечером, после работы Иван Григорьевич зашел в поликлинику и прошел в кабинет врача, имя которого слышал от Анны Сергеевны. Врач, уже закончив прием, снимал с себя халат.

– Я хотел узнать, доктор, о состоянии Михалевой, Анны Сергеевны ?

– А кто вы ей, муж, отец ? – спросил доктор.

– Нет, не родственник, но она близкий мне человек.

– А, – сказал доктор: – что могу сообщить вам, что у нее рак легкого. Тут не поможет, ни хирург, ни курорт.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

17 141

Прошло три недели и Анну Сергеевну положили в больницу.

Прощаясь она сказала Ивану Григорьевичу:

– Видно не судьба нам на этом свете быть счастливыми.

Вставка (на обороте)

Ночью он не спал, думал. Не судьба... Одно лишь далекое детство казалось ему легким.

Теперь, когда счастье ему посмотрело в глаза, дохнуло на него теплом и нежностью, он со всей остротой измерил жизнь, что досталась ему.

Очень велика была боль от сознания своей беспомощности, от невозможности спасти Анну Сергеевну, облегчить подступившие к ней смертные муки, и, странно, казалось, он находил какое-то успокоение думая о прожитых лагерных и тюремных десятилетиях.

Он думал о них, старался понять правду русской жизни, связь прошлых и нынешних времен...

Он надеялся, что (Анна Сергеевна) вернется из больницы и он расскажет ей все то, что вспомнил, все что продумал, все что понял...

И она разделит с ним тяжесть и счастье понимания. Из этой было утешение его горя, его любовь.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

В Лавре

Днем, в отсутствии Ивана Григорьевича, приехала сестра Анны Сергеевны и увезла в ~~больницу~~ деревню Алешу.

Иван Григорьевич пришел в пустую комнату. Тихо ~~Как было~~ было в ней. Казалось, что прожив всю жизнь одиноко, он больше в этот вечер ~~никогда~~ не испытывал ощутил одиночество.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~В лагеря ссылались люди за переписку с тетками и братьями, жившими за границей. Их ссылали за то, что вероятность стать шпионами у них была больше, чем у тех, кто не имел родственников за границей. Это был террор не против преступников, а против тех, кто по мнению карательных органов имел несколько большую вероятность стать ими.~~

Вставка I (на обороте)

Камеры тридцать седьмого года были переполнены, там, где должны были помещаться десятки заключенных, помещались сотни. В июльской и августовской мокрые от пота, одуревшие люди духоте лежали на нарах, плотно прижавшись один к одному; повертываться ночью с боку на бок, можно было лишь по команде старосты-кавалерийского начдива, всем сразу. ~~Лежали не только на нарах, но и на полу.~~ К параше шагали по телам, -у самой параши спали на полу новички - их называли "парашютистами". Сон в этой чудовищной духоте и тесноте походил на беспамятство, обморок, тифозный бред.

Казалось стены тюрем дрожали, как стены котлов, распираемые огромным внутренним давлением. Всю ночь напролет гудела бутырская жизнь. Во дворе шумели легковые машины, шла доставка новых мертвых арестованных, ревели огромные черные вороны, увозившие из тюрем на допросы на Лубянку подследственных, на пересылку в Краснопресненскую тюрьму, в Лефортово, на погрузку в сибирские эшелоны. Этим конвойные кричали: "с вещой!", и товарищи прощались с ними. В залитых ярким электричеством коридорах шаркали арестантские ноги, звякало оружие конвоиров, -при встрече арестованных, одного из них торопливо запихивали в стеной шкаф-бокс и он стоял в темноте, пережидая.

Вставка II (на обороте)

~~Под утро в камеры возвращались люди с~~ ночных допросов, в изнеможении валились на нары, одни всхлипывали, стонали, другие неподвижно сидели, глядя широко ими глазами перед собой, третьи растирали опухшие ноги, лихорадочно рассказывали. Некоторых приволакивали в камеру конвоиры. А некоторых, чей непрерывный допрос длился многосуточно, уносили на носилках в тюремную больницу. В кабинете следователя мысль о душной, зловонной камере, ~~полной духоты, мук, зловония~~, казалась сладостной, с тоской вспоминались милые, измученные лица соседей по нарам.

Вставка I

(18)

Ивану Григорьевичу часто (и обдумывал) в сновидениях месяцы, проведенные во Внутренней тюрьме, а затем в Бутырке. Он побывал в Бутырской тюрьме тринеды, но особенно помнилась ему лето 1937 года — он находился тогда в тумане, в полубеспамятстве, и только теперь, спустя семнадцать лет, туман этот рассеялся, — он стал различать все произошедшее.

Вставка II

Окна камер были забиты толстыми деревянными щитами, свет снаружи проникал через узкую щель, время суток определялось не по солнцу и звездам, а по тюремному распорядку.

Электричество горело круглосуточно беспощадно ярко, казалось, что пыточная духота и жар шли от белого накала электролампы. День и ночь гудел вентилятор, но знойный воздух асфальтового июля не приносил облегчения людям.

Ночью воздух горячим войлоком набивал легкие, череп.

Под утро в камеры возвращались люди с

~~дей по нарам.~~

Все эти десятки, тысячи, десятки тысяч людей, секретари райкомов и обкомов, (военные комиссары, начальники политотделов,) директора заводов и совхозов, командиры полков, дивизий, (командармы,) наркомы, капитаны кораблей, агрономы, писатели, зоотехники, ~~сотрудники Наркомвнешторга~~ овцы, инженеры, послы, (красные партизаны,) прокуроры, председатели завкомов, профессора - выражали все ~~национальное~~ многообразие (поднятых революцией слоев жизни.) ~~революции.~~ Рядом с русскими тут были белоруссы, украинцы, ~~лихматые, горбоносые~~ литовские и украинские евреи, армяне, грузины, медлительные латыши, поляки, ~~[illegible]~~ обитатели среднеазиатских ~~[illegible]~~ республик. В революцию и на гражданскую войну пошли они солдатами, рабочими, крестьянами, недоучившимися студентами и гимназистами, покинувшими свое ремесло мастеровыми. Они разгромили армии Корнилова и Каледина, Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и широкими потоками хлынули с окраин в ширь разоренной российской пустыни. Революция уничтожила процентную норму, имущественный ценз и дворянские привиллегии, смела черту оседлости, и сотни тысяч людей, - крестьян, рабочих, мастеровых, студентов, молодежь из вологодских деревень и еврейских местечек стали заправлять в ревкомах, в губернских и уездных черезвычайных комиссиях, в укомах, в совнархозах, утопах, губпродкомах, политпросветах, в комбедах. ~~[illegible]~~. Началось строительство нового, невиданного миром государства. Жертвы, жестокости, лишения, ~~[illegible]~~, все было нипочем, - они совершались во имя счастья, во имя ~~[illegible]~~ России и трудового человечества.

Пришли тридцатые ~~[illegible]~~ годы и юноши, участники ~~[illegible]~~ гражданской войны, стали ~~[illegible]~~ ~~двадцатипятилетними~~, сорокалетними людьми (волосы их засеребрились.). Для них время революции, ~~гражданской войны~~, комбедов, первого и второго конгрессов Коминтерна было молодым, счастливым, романтичным временем их жизни. Они сидели в кабинетах, с телефонами и секретарями, ~~в Москве, в областных и районных центрах~~, они сменили гимнастерки на пиджаки и галстухи, они ездили в автомобилях, получили вкус к ~~[illegible]~~ еде и

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

хорошему вину, к Кисловодску, ~~южным курортам~~ ~~и~~ знаменитым врачам ,- и все же пора буденовок, кожаных курток, пшена, рваных сапог, планетарных идей и ~~интернационализма~~ мировой коммуны остались высшей порой их жизни. Не ради ~~себя~~, ~~своей вкусной еды~~, ~~курортов~~ своих дач, легковых автомобилей строили они новое государство. Оно строилось ради революции. ~~Идеалы~~. И во имя революции и новой, ~~[illegible]~~ без помещиков и капиталистов России приносились жертвы, совершались жестокости и насилия.

Конечно, поколение советских людей, ушедшее в 1936 и 1939 годах не было монолитно.

Первыми под ~~[illegible]~~ удар попали фанатики, разрушители ~~[illegible]~~ старого мира, ~~[illegible]~~. Их пафос, их фанатизм, их преданность революции были в ~~[illegible]~~ ненависти к ее врагам.

Они ненавидели буржуазию, дворянство, мещан, обывателей, предателей рабочего класса- меньшевиков и социалистов-революционеров, крепких мужичков, оппортунистов, военспецов, ~~[illegible]~~ продажное буржуазное искусство и продавшуюся буржуазии профессуру, франтов в галстухах, врачей, занимающихся частной практикой, женщин, пудривших носы и щеголявших в шелковых чулках, студентов-белоподкладочников, попов, раввинов, ~~[illegible]~~ инженеров носивших фуражку с кокардой, поэтов, подобно Фету , пишущих растленные стишки о красоте природы, они ненавидели Каутского, ~~[illegible]~~, Макдональда; они не читали Бернштейна, но он им казался ужасен, хотя их судьба вторила словам Бернштейна: цель ничто, движение все.

Они разрушали старый мир и ~~[illegible]~~ за новое, но сами не строили его. ~~[illegible]~~ Сердца этих людей, залитых землею большой кровью, так много и ~~[illegible]~~ страстно ненавидевших, были детски беззлобны. Это были сердца фанатиков, быть может безумцев. Они ненавидели ради любви.

~~Советское государство использовало их одержимость подобно тому,~~ как марк- ~~[illegible]~~ вановский янки использовал исступление отшельника, ~~[illegible]~~ его день и ночь колотил, накинул на стопицы крепкой рамы и тем заставил работать машину.

Они стали динамитом, которым партия разрушала старую Россию, расчищая простор для котлованов новых строек, для ~~[illegible]~~ гранита великой государственности.

А рядом с динамитчиками встали первые строители. ~~[illegible]~~ Их пафос был обращен на создание партийного и государственного аппарата, на создание фабрик и заводов, на прокладывание железных и шоссейных дорог, рытье каналов, механизацию нового сельского

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

хозяйства.

Это были первые красные купцы, зачинщики советского чугуна, ситца, самолетов.. Они, не ведая дня и ночи, сибирской стужи и зноя Кара-Кумов закладывали котлованы и возводили стены небоскребов.

Гвахария, Франкфурт, Завенягин, Рузель...

Считанные из них умерли своей смертью.

Рядом с ними работали партийные лидеры, создатели и управители национальных советских республик, краев, областей- Постышев, Киров, Варейкес, Бетал Калмыков, Файзулла Ходжаев, Мендель Хатаевич, Эйхе..

Ни один из них не умер своей смертью.

Это были талантливые, яркие люди: ораторы, книжники, знатоки философии, любители поэзии, охотники, бражники..

Они, строители, не были одержимыми, динамитчиками, чья любовь выражалась лишь в разрушении. Они не были безумцами, они ходили по земле.

Их телефоны звенели круглосуточно, их секретари работали в три смены, но в отличие от фанатиков и мечтателей, они умели отдыхать- знали толк в просторных, светлых дачах, в охоте на кабанов и горных коз, в веселых многочасовых воскресных обедах, в армянском коньяке и в грузинском вине. Они уж не ходили зимой в рваных плащах, и габардин их солдатских, сталинских гимнастерок стоил побольше английских сукон.

Всех их отличала энергия, воля, и полная бесчеловечность- все они- и поклонники природы, и любители поэзии и музыки, и весельчаки были бесчеловечны.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

147

новый мир строителей

Им было ясно, что ~~заводы, совхозы и машинно тракторные станции, парткомы, облисполкомы, крайкомы и райкомы существуют~~ ради ~~них~~ народа совершившего ~~великую~~ революцию.

Их не смущало, что ~~самые~~ среди ~~тех~~ (настойчиво, упрямо) наиболее ~~злых~~ препятствий мешавших ~~им~~ почему то ~~были~~ жестокие оказались в ~~среде~~ (самих) рабочих, крестьян, (и) в ~~среде~~ интеллигенции. ~~Вот тут~~ ~~и~~ проявилась ~~вполне~~ ~~всю~~ меру невероятная энергия, ~~настойчивость~~ ~~всей~~ ~~партии~~ партийных вожаков, начальников строек.

... Иногда казалось, что именно на то, чтобы заставить человека (сверхурочно, без выходных.) работать через силу, жить впроголодь, спать в бараках, получать нищенскую плату, оплачивая при этом ~~все~~, невиданные (н) за всю историю человечества, косвенные налоги, ~~все~~ займы, разверстки, обложения, ~~все~~ и уходит могучая энергия, несгибаемая воля, и не знающая предела жестокость (комсомолов) ~~строителей~~ нового мира.

Но человек строил то, что не было нужно человеку- ~~все~~ бесполезны ~~были~~ (ему) Беломоро- Балтийский канал, арктические рудники, заполярные железные дороги, сверхтяжелые, запрятанные в тайге, заводы, сверхмощные гидроэлектростанции, возникшие в северном безлюдии... Часто казалось, что и государству, не только людям, ~~все~~ бесполезны ~~были~~ эти заводы, пустынные ~~все~~ моря и каналы. Иногда казалось, что эти могучие стройки нужны ~~все~~ лишь для того, чтобы оковать тяжким трудом миллионные (ч) массы людей.

Строителям нового мира казалось бесспорным, ~~что~~ что в основе жизни лежит ~~экономический~~ производственное бытие, (оно) определяет общественное сознание, что дивные сады (они) вырастут на фундаменте жизни - тяжелых заводах и рудниках.

Маркс, величайший марксист Ленин, (великий) и ~~гениальный~~ продолжатель дела Маркса и Ленина,- Сталин, (н) первой и главной истиной революционного

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

учения ~~при~~ полагали ~~определяющую роль экономики~~ примат экономики над политикой.

И никто из ~~верных учеников Маркса~~ строителей нового мира не задумался над тем, что строя под знаменем Маркса, Ленина, Сталина бесполезные для людей, а часто и для государства, могучие советские промышленные предприятия, они полностью опрокидывают марксов тезис.

В основе государства ~~которое~~ заложил Ленин и строил Сталин лежала политика, а не экономика.

Политика ~~Сталина~~ определяла содержание сталинских пятилеток, план великих работ.. Политика безраздельно торжествовала над экономикой во всех действиях Сталина, его Совнаркома, его Госплана, его Наркомтяжпрома, его наркомата сельского хозяйства, комитета заготовок, его Наркомторга.

~~В [illegible] была она — политика Сталина.~~

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Строители не считали,как в пору гражданской войны,что пробил день Всемирной революции,Мировой Коммуны.Но они верили,что социализм,построенный в одной стране,в молодой,новой России есть начало всемирного социалистического дня.

Новый пришел 1937 год и государственные тюрьмы заполнились сотнями тысяч людей,принадлежащих к поколению революции и гражданской войны.Это они отстояли советское государство,они были отцами его и в то же время детьми его.Но тюрьмы,которые они строили для врагов новой России открылись перед ними,грозная мощь (созданного ими) государственного строя,которую они создали,обрушилась на них самих, карающая сила диктатуры,меч революции,откованый ими ,пал на их головы.Многим из них показалось,что пришла пора хаоса,безумия.

Зачем вымогали у них сознание в несовершенных ими преступлениях,объявили их врагами народа,изолировали их от той самой жизни,которую они сами построили и отстояли в боях!

Им казалось безумием,что их приравнивали к тем,(кого они ненавидели) кого они презирали, кого сами, с жестоким фанатизмом, истребляли,как бешеных сабак.

Они попали в камеры и лагерные бараки (недобитыми) с меньшевиками,анархистами,эсерами,с бывшими фабрикантами и помещиками.

Некоторым казалось,что совершился государственный переворот,

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

что власть захвачена врагами и враги, пользуясь советским языком и советскими понятиями, расправляются с теми, кто задумал и построил Советское государство.

Случалось, что рядом лежали на тюремных нарах секретарь райкома, разоблаченный враг народа, и разоблачивший его новый секретарь райкома, вскоре сам оказавшийся врагом народа; а спустя месяц в камеру попадал третий, тот секретарь райкома, что разоблачил второго и сам был разоблачен, как враг. Все смешалось, - грохот и лязг колес, идущих на север эшелонов, лай служебных собак, свет прожекторов, скрип сапог и легких женских туфелек по хрусткому таежному снегу, скрип следовательских перьев, ~~бесконечные черные потоки людей, развертывающиеся в снежной тайге и тундре, грохот железных тюремных ворот~~, скрип лопат по смерзшейся земле, копавших ямы для захоронения погибших от цынги, от разрыва сердца, замерзших; покаянные речи тех, кто просил снисхожения на партийных собраниях, и белыми, мертвыми губами повторял вслед за следователем: " признаю, что сделавшись платным агентом иностранной разведки я, руководимый звериной ненавистью ко всему советскому, подготовлял террористические акты против деятелей советского государства, снабжал шпионскими сведениями ... ~~органы разведок~~ ...

Приглушенный бутырским и лефортовским камнем доносился беспрерывный треск винтовочных и револьверных выстрелов, девять грамм свинца в грудь, либо в затылок тысячам и десяткам тысяч невинных тем, кого изобличили в особо злостных террорестических и шпионских деяниях...

На свободе строители нового мира гадали: "возьмут, не возьмут?" - все ждали ночного звонка, шороха автомобильных колес, вдруг, затихшего у ворот дома...

В хаосе, нелепице, в безумии ложных обвинений, уходило поколение гражданской войны, шло новое время, выходили новые люди.

Лева Меклер, Лев Наумович.. На воле он носил ботинки сорок пятого размера, москвошвеевский костюм пятьдесят восьмого роста.. И статья у него была пятьдесят восьмая, пункты [illegible] измена родине, диверсия, террор, [illegible] мелочь..

Его не расстреляли, вероятно, потому, что сел он одним из первых, когда еще не было такой свободы в исполнении смертных приговоров.

Он прошел близоруко и рассеянно щурясь, сшибаясь по всем кругам тюремного и лагерного ада и не погиб потому, что огонь веры, сжигавшей с отрческих лет его нутро, охранил его от ночного сорокоградусного мороза и лютого ветра, от дистрофии и цинги; он не погиб, когда затонула на Енисее баржа, набитая заключенными.. он не умер во время эпидемии от кровавого поноса..

Его не зарезали уголовные, не замучили в карцере, не забил его на повторном допросе бесстрастный оперуполномоченный.. Его не расстреляли во время массовой чистки, когда стреляли десятого..

Откуда в нем, сыне нечального и лукавого лавочника из местечка Фастов, ученике коммерческого училища, читавшего книги "Золотой библиотеки" и Луи Буссенара, [illegible], откуда в нем это могучий пламень фанатизма? Ни он, ни отец его, ни дед не копили ненависть к капитализму в шахтах, [illegible], ни в дымных и пыльных фабричных цехах.

Кто вложил в него душу борца ? Пример Желябова и Каляева, мудрость "Коммунистического Манифеста", страдания, жившей рядом с ним бедноты?

Или это тяжкое пламя, эти угли таились в тысячелетней бездне наследственности, готовые вспыхнуть в борьбе с солдатами римского цезаря, с кострами испанской инквизиции, в голодном исступлении талмуд-торы, в местечковой самообороне во время погрома ?

Может быть, вековая цепь унижений, тоска вавилонского пленения, унижение гетто и нищета черты еврейской оседлости, породили и выковали исступленную жажду, раскалившую душу большевика Льва Меклера ?

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Его [redacted] неприспособленность к земной жизни вызывали насмешку и преклонение. Некоторым он казался святым- комсомольский вожак в рваных сандалиях, [redacted], в ситцевой рубашке с открытым воротом, без шапки, заросший курчавым волосом ; комиссар боевого полка, в рваной кожанке, в [redacted] будденовке с [redacted] выцветшей , бледной, точно от потери крови, красной звездой. И такой же оборванный, небритый, [redacted], зимой в плаще с оборванными пуговицами, он, ведающий украинской юстицией , выходил из автомобиля, шел в свой наркомовский кабинет..

Он казался беспомощным, не от мира сего, но люди помнили, как его молитвенно слушали на буйных фронтовых митингах, как шли за ним под огнем врангелевских пулеметов. [redacted].

Он был проповедником, апостолом и бойцом всемирной социалистической революции. Ради революции он не колеблясь готов был отдать свою жизнь, [redacted] любовь женщины, всех близких своих.. Одного лишь он не мог бы отдать - счастья - та как пожертвовав ради революции всем, чем дорожит человек на земле, взойдя [redacted] ради нее на костер, он был бы бесконечно счастлив.

Грядущее мировое царство казалось ему бесконечно прекрасным и ради него Меклер готов был на самое жестокое насилие. [redacted].

Сам он, по природе своей был человеком добрым, комара, сосавшего его кровь он не хлопал ладонью, а деликатным щелчком сгонял с руки. Клопа, пойманного на месте преступления он заворачивал в бумажку и выносил на улицу.

Его служба добру и революции была отмечена кровью и беспощадностью к страданию.

Он, в своей революционной принципиальности, засадил в тюрьму отца, дал против него показания на коллегии губчека. Он жестоко и хмуро отвернулся от сестры , просившей защиты для своего мужа - саботажника

Он в простоте своей [redacted] инакомыслящих, был беспощаден к

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

[illegible] Революция казалась ему беспомощной, детски доверчивой, окруженной вероломством, жестокостью злодеев, грязью растлителей.

И он был беспощаден к врагам революции.

На его революционной совести было одно лишь пятно- тайно от партии он помогал старухе матери, [illegible] вдове расстрелянного карательными органами человека, и когда она умерла дал денег на ее похороны по религиозному обряду- такова была ее последняя жалкая воля.

Его словарь, мышление, [illegible] поступки имели своим истоком книги написанные во имя революции, революционное право, революционную мораль, поэзию революции и ее стратегию, поступь ее солдат, революционную страсть, ее прозрения, ее песни...

Ее глазами смотрел он на звездное небо и на апрельскую листву берез, из славчайшей чаши ее пил он прелесть первой любви, в ее мудрости познавал он борьбу патрициев и рабов, феодалов и крепостных, классовые битвы завоевателей и пролетариев.. Она была матерью, нежной возлюбленной его, его солнцем, его судьбой ... [illegible]

И вот революция посадила его в камеру Внутренней Тюрьмы, выбила ему восемь зубов, стуча на него офицерскими сапогами, матерясь, обзывая его шархатым, требовала, чтобы он, сын, возлюбленный и апостол ее, признал себя ее тайным отравителем, ее смертным ненавистником..

Конечно, он не отрекся от нее, не дрогнула даже на миг его вера на сточасовых допросах, не дрогнула и когда лежа на полу он видел начищенный, блестящий носок хромового сапога у своего окровавленного рта..

Груба, туша, жестока была на этих многосуточных, пытошных допросах революция, неистовство вызывало в ней верность и кроткое терпение большевика Меклера.

Вот так приходит в бешенство хозяин, желающий отогнать неотступно следующую за ним дворнягу.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Он сперва ускоряет шаги, потом кричит на нее и топает ногами, потом замахивается на нее, [illegible] и швыряет в нее камнями. Она отбегает, останавливается, а когда хозяин, пройдя сотню шагов, оглядывается- он видит, как неотступно и неизменно, торопливо прихрамывая, ковыляет за ним искалеченная собака.

И самым отвратительным, ненавистным для хозяина в ней были ее собачьи глаза: кроткие, [illegible], любящие, [illegible] фанатически преданные...

Эта любовь вызывала ярость хозяина, собака видела эту ярость и не могла понять почему она. Она не могла понять, что совершая в отношении ее невиданную миром несправедливость хозяин хотел хоть немного успокоить свою совесть. Ее кротость, ее преданность доводили его до умопомрачения, он ненавидел ее за эту любовь больше чем волков, от которых собака обороняла дом его молодости. Грубостью он хотел вызвать в ней равнодушие к себе, заглушить ее любовь. Она шла за хозяином, потрясенная его, [illegible] жестокостью.

За что, за что ?

И она не могла понять, что в этой внезапной ненависти, обращенной к ней, нет бессмысленности, а все действительно и разумно..

В ненависти проявлялась закономерность, [illegible] ясная, математическая логика. А собаке казалось , что это нелепая бессмыслица, ей даже страшно делалось за хозяина и она хотела избавить его от наваждения, не ради себя, а ради него. Она не могла уйти от него , ведь она его любила.

А он уж понимал, что она не отстанет, он уже знал, что остается лишь одно: прилушить ее, пристрелить.

И чтобы казнь, обжегшей [illegible] его, молившейся на него собаки не давила на его совесть, хозяин решил искусственно превратить ее в своего врага- пусть, собака, перед смертью признается, что хотела загрызть его - [illegible] хозяина.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

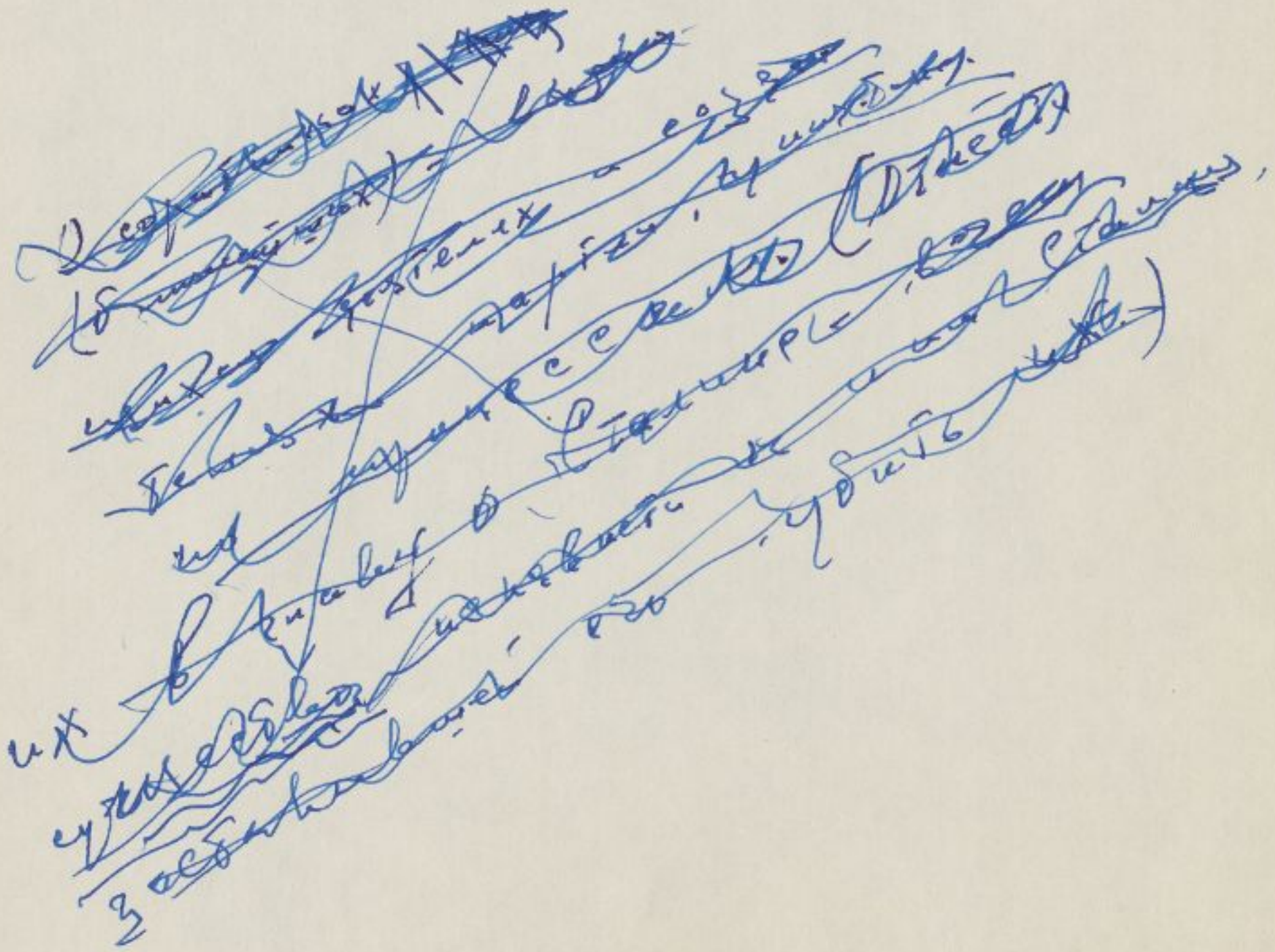
Убить врага легче, чем убить друга.

Ведь в том первом его доме, что он построил среди пустынных и угрюмых развалин, в доме, где был он молод, в доме его чистых молитв, она была его другом, стражем, неотступным спутником.

Так пусть же признается, собака, что она снюхалась с волками.

И при последних смертных хрипах своих, удавленная веревкой, она смотрела на хозяина с кротостью и любовью, с верой равной той, что вела на смерть первых христианских мучеников.

И она так и не поняла простой вещи– хозяин покинул свой молодой дом хмеля и молитвы, переехал в дом гранита и стекла, и сельская дворняга стала ему нелепа, стала обузой, да не только обузой, стала вредна ему.



Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Прошли годы, улеглись туман и пыль, мешавшие разглядеть то, что совершилось. То, что представлялось хаосом, безумием, самоистреблением, стечением нелепых случайностей, то, что своей таинственной, трагической бессмысленностью сводило людей с ума, постепенно стало обозначаться, как четкие, ясные и выпуклые черты новой жизни, новой деятельности.

Судьба поколения революции ~~стала~~ начала раскрываться по новому, логически, а не мистически. Только теперь Иван Григорьевич стал охватывать умом новую судьбу страны, рожденную на костях погибшего поколения. ~~Оно~~ Это большевистское поколение сформировалось в дни революции, в пору гегемонии идей мировой коммуны, голодных, вдохновенных субботников, ~~изъятие излишков у буржуазии и распределение их между городской и сельской беднотой.~~

~~Это большевистское поколение~~ Оно приняло на себя наследство мировой и гражданской войны, - разруху, голод, сыпной тиф, анархию, бандитизм; оно, устами Ленина, заявило, что есть партия способная путем диктатуры вывести Россию на новый путь. Оно приняло, ~~не содрогнувшись~~, не поколебавшись, на себя наследство сотен лет русского произвола, при котором десятки поколений рождались и уходили ~~в таком бесправии, произвола, при котором русские люди~~ зная лишь одно право - крепостное.

~~Путем диктатуры мечтали идеологи большевистического поколения времени гражданской войны и военного коммунизма избавить Россию и русский народ от тысячелетнего подавления свободы.~~ Так мечтал и верил Ленин.

Большевистское поколение времен гражданской войны участвовало под водительством Ленина в разгроме Учредительного Собрания и в уничтожении революционно-демократических партий - боровшихся против русского абсолютизма. Так

Большевистское поколение гражданской войны не верило в ценность свободы ~~печати, свободы~~ личности, свободы слова и печати в рамках бур-

жуазной России.

Оно считало кузыми, ничтожными те свободы, о которых мечтали многие революционные рабочие и интеллиганция.

Молодое государство сокрушило демократические партии, расчищая дорогу для советского строительства. В конце двадцатых годов эти партии были полностью ликвидированы, люди, сидевшие при царе в тюрьмах, вновь ушли в тюрьмы, пошли на каторгу.

В тридцатом году наступил час всеобщей коллективизации. Ивану Григорьевичу казалось, что он сойдет с ума, видя невыносимые страдания и гибель огромного числа деревенских людей. Протяжный стон стоял над десятками тысяч деревень, аулов, над русскими избами, над украинскими хатами, над тайгой, над казахскими станицами. Но вскоре вновь поднялся Гонор. Ушли стоны, вздыматься новая волна репрессий. На этот раз удар пришелся по поколению гражданской войны. Малая часть этого поколения сохранилась, но душа его, его вера в мировую коммуну, его романтическая, революционная сила ушла с теми, кто был уничтожен в 1937 году. Те, что остались и продолжали жить и работать, приставривались к новому времени, к новым людям. Новые люди не верили в революцию, они были детьми революции, они были детьми создавшего его государства.

Террор и диктатура поглотили своих создателей. И государство, казавшееся средством, оказалось целью! Люди, создавшие это государство, думали, что оно средство осуществления их идеала. А оказалось, что их мечты, идеалы были средством великого и грозного государства. Государство из слуги стало угрюмым самодержавцем. Не народу нужен был террор в девятнадцатом году, не народу уничтожил свободу

Вебавка

Новому государству не нужны стали святые апостолы, исступленные, ~~[illegible]~~ ~~революции~~ одержимые строители, ~~[illegible]~~ верующие последователи.

Новому государству даже не слуги нужны стали, а всего лишь служащие. И тревога ~~[illegible]~~ государства состояла в том, что служащие иногда ~~[illegible]~~ оказывались очень уж ~~[illegible]~~ мелким ~~[illegible]~~ к тому же неумковатым народцем.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

печати и слова, не народу понадобилась гибель миллионов крестьян, крестьяне, и есть большая часть народа, не народу набил тюрьмы и лагеря в 1937 году, не народу понадобилось истребительные высылки в тайгу - крымских татар, калмыков, балкарцев, обруссевших болгар и греков, чеченцев и немцев Поволжья, не народ уничтожил свободу сеять, право на рабочую стачку, не народу совершил чудовищные накидки на себестоимость товаров.

Государство сделалось хозяином, в котором национальное из формы перешло в содержание и стало сутью, изгнало человеческое, социалистическое в оболочку, в фразеологию, во внешнюю форму. С трагической очевидностью определился святой закон жизни: человека превыше всего!

В мире не цели, ради которой можно было принести в жертву свободу человека. Партия боль-

И странно было.. Думая о тридцать седьмом годе, думая о женщинах, высланных за мужей, в лагеря, [illegible], вспоминая сплошную коллективизацию и голод в деревне, [illegible] миллионы [illegible] малых крестьянских детей, их матерей, дедов и бабушек, эшелоны, где живые и мертвые раскулаченные ехали в Восточную Сибирь, в Казахстан, [illegible], думая о законах, [illegible] рабочих, карающих тюрьмой за двадцатиминутное опоздание, карающих восьмилетним лагерем за сокрытие нескольких пшеничных колосков, Иван Григорьевич не вспоминал усатого человека в сапогах и в гимнастерке, с медленной речью и медленными плавными движениями, Ленин! Словно бы жизнь его не оборвалась 19 января 1924 года. [illegible] это вело его путем революции? Любовь к людям, желание утешить народные страдания, бедствия крестьян, нищету и бесправие рабочих? Или революционная борьба была лишь средством осуществить ту фанатическую нетерпимость, что жила в тайниках [illegible] его души.

Почему [illegible] Авраам пошел путем веры? Что вело его - кроткая любовь к людям или [illegible] фанатизм, стремление осуществить неукротимую волю [illegible]

Все победы партии и государства связаны с именем Ленина. Но и все жестокое, что совершалось в стране трагическим образом принимал на свои плечи Владимир Ильич.

Его революционной страстью, его речами, статьями, его призывами подтверждались и события в деревне, и 1937 год, и новое чиновничество, [illegible], и новое мещанство, и [illegible] труд заключенных.. [illegible]

И постепенно, с годами словно [illegible] менялись черты ленинско-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~[illegible]~~ Вставка

~~[illegible]~~ Мысли вВи о Ленине, о Сталине
Иван Григорьевич ~~[illegible]~~ иногда записывал в
~~[illegible]~~ в. Остановочной Алешей, в клетчатой
ученической тетрадке.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

го лица, менялся облик [illegible] студента Володи Ульянова, молодого [illegible] Марксиста Тулина, [illegible] сибирского ссыльного, революционера-эмигранта, публициста, [illegible] мыслителя Владимира Ильича Ленина, облик человека превозгласившего эру мировой социалистической революции, создателя революционной диктатуры в России, ликвидировавшего все революционные партии кроме одной, казавшейся ему самой революционной, ликвидировавший Учредительное Собрание, представительствовавшее от всех классов и партий революционной России, и создавший Советы, где по его мысли представительствовали одни лишь революционные рабочие и крестьяне. Менялись ленинские черты, знакомые по портретам, менялся облик первого председателя Советского правительства Ульянова - Ленина.

Ленинское дело продолжалось и облик умершего Ленина обогащался теми чертами, которыми обогощалось начатое им дело: [illegible]

Он был [illegible] интеллигентом, он вышел из трудовой [illegible] интеллигентной семьи; его сестры, его братья были [illegible] трудовыми, революционными интеллигентами.. [illegible]

Все [illegible] характер, душа, облик Ленина известны, со последнего дня жизни сохранили черты русского интеллигента.

Уже будучи вождем революции, создателем партии, главой русского правительства он был неизменно прост. Он не курил и не пил, наверное ни разу в жизни [illegible] не обругал он человека [illegible] словом. Его отдых, досуг были по студенчески чисты- музыка, театр, книга, прогулка. Его одежда, [illegible] была неизменно демократична, [illegible] почти бедна.

Неужели вот он, что в мятом галстухе и стареньком пиджаке ходил

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

161

в театр на галерку, слушал „Апассионату", читал и перечитывал, "Войну и мир", он, милый сердцу матери, любимый сестрами, Володя, стал основоположником государства, (грудь Ягоды, Ежова, Берии, Меркулова, Аббакумова) украсившего высшим орденом своим- орденом Ленина-

Лидии Тимашук, орденом Ленина, Владимира Ильича

Награждение состоялось в годовщину смерти, - свидетельствовало ли оно, что ленинское дело исчезло или, наоборот, что дело его торжествует?

Шли годы пятилеток, шли десятилетия, огромные события, полные раскаленой современости, дымясь, застывали глыбами, схваченные цементом времени, обращались в историю советского государства.

.. Века уж дорисуют видно
недорисованный портрет...

Понимал ли поэт трагический смысл того, что написал о Ленине. Отмеченные биографами и воспоминателями черты его характера, казавшиеся основными, чаровавшие миллионы умов и сердец, оказались случайными для хода истории; История государства российского не отобрала эти человеческие и человечные черты характера Ленина, а отбросила их, как ненужный хлам.

Истории государства не понадобились ни ленинское слушание " Апассионаты" с ладонью приложенной к глазам, ни преклонение перед " Войной и миром ", ни скромный ленинский демократизм, ни его сердечность и внимательность к малым сим, секретарям, шоферам, ни его разговоры с крестьянскими детьми, ни его милое отношение к домашним животным, ни его сердечная боль , когда Мартов из друга превратился в врага..

А все, (вынесенное в скобки, как) временному, случайному, возникшему в силу особых, обстоятельств подполья и ожесточения борьбы, первых советских лет оказалось непреходящим, определяющим.

(Вставка на обороте)

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

самая (не отмеченная воспоминаниями

Вой [redacted] та героя лежинского характера

которой определили указание

разрешения произвести обыск у умира-

ющего Стахановца, те герои (

определения полную

[redacted] к политической демократии

[redacted] отношению к [redacted] свободе, они

то и [redacted] - вдохновителя.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Заводчик, купец, вышедший из мужиков, живя в своем особняке, путешествуя на собственной паровой яхте, сохраняет черты своего крестьянского характера,- любовь к кислым щам, к квасу, к грубому меткому народному слову. Маршал, в расшитом золотом мундире, хранит любовь к махорочной самокрутке, помнит простой юмор солдатских изречений.

Но значат ли эти черты и эта память в судьбах заводов, в ~~[illegible]~~ жизни миллионов людей, связанных трудом и судьбой с заводами, движением акции и движением войск.

Не любовью к щам и махорочной самокрутке, завоевывались капиталы и слава генералов.

~~Ленинская нетерпимость, непоколебимое, наступленное стремление к цели, фанатическая узость, страшная жестокость по отношению к инакомыслящим, и способность, не дрогнув, смести с лица земли не только кулацкие, но и уезды, и губернии осмелившие оппозиционную работу.. Эти черты не возникли в Ленине после октября.. Эти черты были чертами Володи Ульянова. У этих черт [illegible] глубокие корни.~~

Одна из воспоминательниц описывает, как в Швейцарии отправилась в горы на воскресную прогулку с Владимиром Ильичем. Задыхаясь от крутого подъема, поднялись они на вершину, уселись на камне.. Молодая женщина с восхищением глядела на Владимира Ильича- он вглядывался в лежащие под его ногами [illegible] леса, зеленые реки, белые водопады, [illegible] альпийские долины.. Владимир Ильич [illegible] впитывал каждую черточку горной альпийской красоты..

Молодая женщина с волнением представляла себе, как поэзия этих гор наполняет душу [illegible] задумавшегося Владимира Ильича.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вдруг он вздохнул и произнес:

" Ох, и гадят нам меньшевики.."

(вставка на обороте)

Октябрь отобрал те черты Владимира Ильича, которые понадобились ему, Октябрю, отбросил ненужные.

А люди, знавшие одного Ленина, спустя сорок лет увидели другого Ленина, не того, кто слушал свободу и революцию в музыке Бетховена, не того, кто стал основоположником самого массового и одновременно самого жестокого и нетерпимого по отношению к страданиям человека движения.

На протяжении истории русского революционного движения, черты народолюбия, [redacted] присущие многим русским революционным интеллигентам, [redacted] чья кротость и [redacted] готовность на муку, не имели кажется равных себе со времен христианства, [redacted], смешались с чертами прямо противоположными, но так же присущими многим русским революционерам [redacted] презрением к человеческому страданию, и преклонение перед абстрактным принципом, [redacted] решимостью истреблять не только врагов, но и своих [redacted] товарищей по делу едва они хоть в чем нибудь отойдут от понимания [redacted] абстрактных принципов. Сектантская целеустремленность, [redacted] готовность [redacted] подавлять свободу ради свободы, нарушать принципы [redacted] ради принципа [redacted] давали о себе знать и привлялись и в характере Пестеля, и в характере Бакунина, и Нечаева, и в некоторых высказываниях и поступках народовольцев.

Нет, не любовь, не сострадание вели подобных людей путем революции. Истоки этих характеров лежат далеко, далеко в тысячелетних [redacted] недрах России.

Знали ли эти люди, что [redacted] нетерпимость, жестокий фанатизм восторжествуют над [redacted] идеалами добра, отбросят в сторону

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

Этот милый эпизод сказал кое что о набуре Ленина: вот на одной чаше весов больший мир, вот на второй чаше партийное ~~[illegible]~~ дело.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Подобные характеры существовали и в прежние века, но двадцатый век вывел их из за кулис на главную сцену жизни.

Этот характер ведет себя среди человечества, как хирург в палатах клиники- его интерес к больным, их отцам, женам, матерям, его шутки, его споры, его рассказы о о борьбе с детской безпризорностью и заботе о рабочих достигших пенсионого возраста- все это пустяковина, мура, шелуха. Душа хирурга, в его ноже.

Суть подобных людей в фанатической вере в всесилие хирургического ножа. Хирургический нож- великий теоретический философский лидер двадцатого века.

Так ли всесилен этот нож.

Ведь человечество обречено, оно неизлечимо. Сколько людей не лечи, ведь люди остаются людьми и ведь все они смертны, хирургическая сталь не принесет им бессмертия. К чему кромсать ножем внутренности безнадежно обреченных?

Пусть живут они возможно свободней, радуются жизни так скупо отпущенной им роком.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~Конечно, те возвышенные и трогательные черты характера Ленина о которых говорилось, отобраны предвзято: Они пригодны для образа великого вождя. Но ведь помимо хрестоматийного живое образа есть и лицо.~~

~~И, конечно, [illegible]~~ На протяжении своей пятидесятичетырехлетней жизни Ленин не только слушал " Аппасианату " , ~~[illegible]~~ перечитывал " Войну и мир ", любовался русской природой, тревожился есть ли у секретарши зимнее пальто, ~~[illegible]~~ Да, да, конечно, ~~[illegible]~~ помимо образа есть и лицо.

И можно себе представить множество черт и особенностей Ленина, ~~[illegible]~~ проявлявшихся в обыденной жизни, той, что неминуема для всех людей- вожди ли они народов, врачи стоматологи закройщики ли из мастерских ~~[illegible]~~ дамского ~~[illegible]~~ платья.

Эти черты проявляются в разное время суток, когда человек моет утром лицо, ~~[illegible]~~, ест ~~[illegible]~~ кашу, ~~картофельное пюре~~, смотрит в окно на хорошенькую женщину, которой ветер задрал юбку, ковыряет в зубах спичкой, ревнует жену и вызывает ревность жены, рассматривает в бане свои голые ноги и чешет подмышки, читает в уборной обрывки газет, стараясь составить порванные куски, издает неприличный звук и в целях маскировки ~~[illegible]~~ кашляет и нашевает.

~~Да, вполне возможно, более того наверное,~~ Подобные либо сходные вещи существуют в жизни великих и малых людей, очевидно, существовали и в жизни Ленина.

Может быть брюшко у Ленина возникло оттого, что он ~~[illegible]~~ обгадался ~~[illegible]~~ макаронами с маслом, предпочитал их овощной пище.

Может быть у него были неизвестные миру столкновения с Надеждой Константиновной по поводу мытья ног, чистки зубов и нежелания менять ношенную сорочку с засаленным воротничком.

И вот можно прорвавшись сквозь редуты, создающие якобы человеческий, а в действительности совершенно условный, возвышенный образ вождя, перебежками, по пластунски, ползком добраться до ~~истинного~~ человеческого, простого естества Ленина, того, которое никем из воспоминателей никогда не упоминается.

Вставка (на обороте)

Вставка

Но что дает познание истинных житейских, тайных, скрытых от истории черт и особенностей поведения Ленина в ванной комнате, спальне, столовой? ~~[illegible]~~.
Поможет ли это глубже понять лидера новой России, ~~[illegible]~~ основоположника нового мирового порядка?
Свяжет ли это истинной связью характер Ленина с характером, основанного им государства?

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

~~Тут, конечно, нужно действовать от обратнаго, т. е. от черт известных из политической деятельности Ленина перейти к чертам никем никогда вслух не названным, попытаться ощупью восстановить их.~~

Для этого нужно сделать допущение, что черты Ленина политического лидера эквиваленты житейским чертам Ленина. Но ведь эта связь бывает, то с прямым знаком, то с обратным.

Вставка I (на обороте)

И одновременно и постоянно

Ленина отличала ~~чрезвычайная~~ безжалостность, резкость, грубость по отношению к политическим противникам. Он ~~никогда не проявлял мягкости, вежливости~~ никогда не допускал возможности хотя бы частичной правоты своих противников, хотя бы частичной своей неправоты.

" Продажный.. лакей... холуй... наймит.. агент.. Иуда , купленный за тридцать серебрянников.." такими словами Ленин говорил о своих оппонентах.

Ленин в споре не стремился убедить противника, ~~переубедить его своими доводами~~. Ленин в споре вообще не обращался к своему оппоненту, он обращался к свидетелям спора. Его целью было перед лицом свидетелей спора безжалостно высмеять, скомпрометировать своего противника. Такими свидетелями спора могли быть и несколько близких друзей, и тысячная масса делегатов съезда, и миллионая масса читателей газет.

Ленин не искал истины, он искал победы. Ему во что бы то ни стало надо было победить, а для победы хороши были многие средства. Здесь хороши были- и внезапная подножка, и символическая пощечина, и символический, условный, ошеломляющий удар кулаком по кумполу.

Вставка II (на обороте)

Затем, когда спор перешел со страниц неприкосновенных газет на улицы, на поляржи и на поля войны, оказалось, что и тут хороши зловещие жестокие средства.

Вставка III (на обороте)

Все его способности, его воля, его страсть, были подчинены одной цели- захватить власть.

Он жертвовал ради этого всем, он принес в жертву, убил

Вставка I

Вот, скажем, в личных отношениях: когда у друзей, на прогулках, оказывая помощь товарищам, Ленин неизменно и постоянно проявлял мягкость, деликатность, вежливость.

Вставка II

И, оказалось, что жестокие, бытовые, семейные черты Ленина — никак не были связаны с чертами Лидера нового мирового порядка

Вставка III

Ленинская нетерпимость, непоколебимое стремление к цели, (празрение к свободе), жестокость по отношению к инакомыслящим, и способность, не дрогнув, смести с лица земли не только крепости, но и волости, уезды и губернии, оспорившие его ортодоксальную правоту... Эти черты не возникли в Ленине после Октября... Эти черты были и у Володи Ульянова. У этих черт глубокие корни.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

ради захвата власти самое святое, что было в России- ее свободу. Эта свобода была детски беспомощна, [illegible], неопытна. Откуда ей, восьмимесячному младенцу, рожденному в стране тысячелетнего рабства, иметь опыт.

[illegible] вставка с на обороте!

Вот здесь проявилась одна из особенностей Ленина: сложность характера, рожденная из простоты характера.

Для того, чтобы с такой мощью жаждать власти надо обладать огромным политическим честолюбием, огромным властолюбием. Черты эти грубы и не сложны. Но ведь этот политический честолюбец, способный на все в своем стремлении к власти, был лично для себя необычайно скромен. Тут кончается простота и начинается сложность.

Если представить себе Ленина-человека эквивалентным Ленину-политику, то возникает характер примитивный, и [illegible] грубый, нахрапистый, властный, безжалостный, бешенно честолюбивый, догматически крикливый..

Если Соотнести эти черты к обыденной жизни, приложить их по отношению к жене, матери, детям, другу, соседу по квартире.. Жутко становится..

Но ведь оказалось совсем иное, связи не прямая, а обратная. На интимной арене оказался человек обратен человеку в личной жизни. Плюс и минус, минус и плюс.

И получается совсем иное, сложное, порой трагичное...

Бешенное политическое честолюбие, властолюбие соединенное со стареньким пиджаком, со стаканом жиденького чая, со студенческой мансардой.

[illegible] способность, не колеблясь, втоптать в грязь противника в сторе, [illegible] непонятным образом, соединенная с милой улыбкой, с застенчивой деликатностью.

Неумолимая [illegible] жестокость, [illegible] презрение к [illegible] русской революции, к [illegible] высшей святыне ее, - свободе, и тут же рядом, в груди того же человека чистый, юношеский восторг перед прекрасной музыкой, книгой..

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

Что вело Ленина путем революции? Любовь к людям, желание побороть ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ бедствия крестьян, нищету и бесправие рабочих? ~~Или революционная борьба была лишь средством осуществить ту фанатическую нетерпимость, что жила в тайной глубине его души?~~

~~Почему протопоп Аввакум пошел путем веры? Что вело его — кротка любовь к людям или дух фанатизма, стремление осуществить свою неукротимую волю?~~

Черты интеллигента, казавшиеся истинным содержанием ленинской души и ленинского характера, едва дело доходило до дела , уходили во внешнюю, незначущую форму, а характер его проявлялся в ~~торжестве~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ несгибаемой, железной и исступленной воле.

Нет, не любовь, не сострадание вели Ленина, русская революция для него не была русской свободой. Но власть к которой он так страстно стремился была нужна не ему лично...

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Ленин... Обоготворенный образ; монолитный [illegible], соединивший, слившийся в себе жестокие черты [illegible] с [illegible] житейскими чертами; [illegible] тот, который мне кажется наиболее близким к действительности, и в [illegible] не просто разобраться.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

(22)

В чем тайна Ленина, почему он вышел на самую главную сцену русской жизни?

Чтобы понять Ленина недостаточно вглядеться в человеческие, житейские черты его, нужно соотнести характер Ленина к мифу национального русского характера, к року русской истории.

Ленинская аскетическая, естественная скромность сродни русским странникам, его прямодушие отвечает народному идеалу жизнеучителя, его привязанность к русской природе в ее лесном и луговом образе, сродни крестьянскому чувству. Его восприимчивость к миру западной мысли, к Гегелю и Марксу, его способность впитывать в себя и выражать дух Запада, есть проявление черты глубоко русской, объявленной Чаадаевым, это та всемирная отзывчивость, изумляющая глубина русского перевоплощения в дух чужих народов, которую Достоевский увидел в Пушкине. Этой чертой Ленин роднится с Пушкиным. Этой чертой был наделен Петр I.

Ленинская одержимость, убежденность сродни аввакумовскому исступлению, аввакумовской вере.

В прошлом веке отечественные мыслители искали объяснения исторического пути России в особенностях русского национального характера, в русской душе, в русской религиозности.

Чаадаев, один из умнейших людей девятнадцатого века, оповестил аскетический, жертвенный дух русского христианства, его, не замутненную ничем наносным, византийскую природу.

Достоевский считал всечеловечность, стремление к всечеловеческому слиянию истинной основой русской души.

Русский двадцатый век любит повторять те предсказания, что сделали о нем мыслители и России в веке девятнадцатом- Гоголь, Чаадаев, Белинский, Достоевский..

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Да и кто не любил бы повторять о себе подобное..

Пророки девятнадцатого века предсказывали, что в будущем русские станут во главе духовного развития не только европейских народов, но и народов всего мира.

Не о воинской славе русских, а о славе русского сердца, русской веры и русского примера говорили предсказатели.

" Птица тройка.." ".. Русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону.." "..Тогда мы естественно займем свое место среди народов, которым предназначено действовать в человечестве не только в качестве таранов, но и в качестве идей".

".. Не так ли и ты Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобой дорога, гремят мосты.."

И тут же гениально Чаадаев увидел поразительную особенность русской истории:

"...колоссальный факт постепенного закрепощения нашего крестьянства, представляющий собой ничто иное, как строго логическое следствие нашей истории." Неумолимое подавление личности, порабощение неотступно сопутствовало тысячелетней истории русских. Рабское, холопское подчинение личности государю и государству. . Да, эти черты признавали, видели пророки России.

И вот на ряду с подавлением человека князем, помещиком, государем и государством пророки России сознавали невиданную западным миром чистоту, глубину, ясность, христову силу души русского человека. Ей, русской душе, и пророчили пророки великое и светлое будущее.

Они сходились на том, что в душе русских идея христианства воплощена в безгосударственой, византийской, аскетической, антизападной форме и что силы добра и всечеловечной любви, присущие русской народной душе, выразят себя в мощном воздействии на евро-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

писные народы, очистят, преобразуют, осветят в духе братства жизнь западного мира, и что западный мир доверчиво и радостно пойдет за русским всечеловеком. (Забавно (на обороте)

И вот девятнадцатый век (казалось) приблизил, наконец, время предсказанное пророками России, время , когда Россия столь восприимчивая к чужой проповеди и к чужому примеру, жадно поглощавшая и всасывавшая чужие духовные влияния, сама готовила себя к воздействию на мир.

Сто лет Россия впитывала в себя заносную идею свободы. Сто лет пила Россия устами Пестеля, Рылеева, Герцена, Чернышевского, Лаврова, Бакунина, устами великих писателей своих, мученическими устами Желябова, Перовской, Тимофея Михайлова, Кибальчича, устами Плеханова, Крапоткина, Михайловского, устами Сазонова и Каляева, устами Ленина, Мартова, Чернова, устами своей великой разночинной интеллигенции, своего студенчества, своих передовых рабочих ~~мысль~~ мысль философов и мыслителей западной свободы. Эту мысль несли книги, кафедры университетов, гейдельбергские и парижские студенты, ее несли сапоги бонапартовых солдат, ее несли инженеры и просвещенные купцы, ее несла служивая западная беднота, чье чувство человеческого достоинства вызывало завистливое удивление русских князей.

И вот, оплодотворенная ~~идеями~~ идеями ~~свободы~~ свободы и достоинства человека, совершилась русская революция,...

Что же ~~воспринимала~~ русская душа с идеями западного мира, ~~как~~ ~~воспринимала~~, как преобразовывала их в себе, в какой дивный кристалл выделила их, какой побег готовилась выгнать на свет из подсознания истории.

"... Русь куда же несешься ты? не дает ответа.."

Подобно женихам прошли перед юной Россией, сбросившей цепи царизма, десятки, а может быть и сотни революционных учений, верований, лидеров, партий, пророчеств, пророчаний, программ.. Жадно, со страстью и смольбой вглядывались вожди русского прогресса в

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вот и Ваня

Эти пророчества ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ сильнейших чувств и сердца России ~~[illegible]~~ одержимых одной общей или роковой теорией. Все они видели ~~[illegible]~~ русской души, ~~[illegible]~~ пророчества значение для мира, но не видели они, что великие (русской души) дело - свобода, что русская душа - бессмертная раба. ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ - дайте мир - поселе, и будет раба, и чудь и могучая, и чудь и бессильная.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

в лицо невесты..

широким кругом стали они, умеренные, фанатики, трудовики, народники, рабочелюбцы, крестьянские заступники, просвещенные заводчики, светолюбивые церковники, бешенные анархисты..

невидимые, часто не ощущаемые ими, нити связывали их с питавшими их идеями западных конституционных монархий, парламентов, образованнейших кардиналов и епископов, заводчиков, ученных землевладельцев, лидеров рабочих профессиональных союзов, проповедников, университетских профессоров..

Великая раба остановила свой ищущий, сомневающийся, оценивающий взгляд на Ленине.. Он стал избранником ее...

Он разгадал, как в старой сказке, ее затаенную мысль, он растолковал ее недоуменный сон, ее помысел.

Но так ли..

Он стал избранником ее, потому что он избрал ее, и потому что она избрала его ..

Она пошла за ним- он обещал ей златые горы и реки полные вина- и она шла за ним сперва охотно, веря ему, по веселой хмельной дороге, освещенной горящими помещичьими усадьбами, потом оступаясь, оглядываясь, ужасаясь пути , открывшегося ей, но все крепче и крепче чувствуя железную руку, что вела ее..

И он шел, полный апостольской веры, вел за собой Россию, не понимая чудного наваждения, творившегося с ним. В ее послушной поступи, в ее новой, после свержения царя, покорности, в ее податливости, сводившей с ума, тонуло , гибло , преображалось, все что он принес России из свободолюбивого, революционного Запада.

Ему казалось, что в непоколебимой , диктаторской силе его залог чистоты и сохранности того, чему он верил, что принес своей стране.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Он радовался этой силе, отождествлял ее с правотой своей веры, и вдруг, на мгновение, со страхом видел, что в его непоколебимости обращенной к мягкой русской покорности и внушаемости и есть его высшее бессилие.

И чем суровее делалась его поступь, чем тяжелей становилась его рука, чем послушней становилась его просвещенному, революционому насилию Россия, тем больше была лукавая власть русской старины над ним, тем меньше была его власть бороться с поистине сатанинской силой крепостной старины..

Подобно тысячелетнему спиртовому раствору крепло в русской душе крепостное, рабское начало. Подобно дымящейся от собственной силы царской водке оно растворило металл и соль человеческого достоинства, преобразило душевную жизнь русского человека.

Девятьсот лет просторы России, порождавшие в поверхностном восприятии ощущение душевного размаха, удали и воли, были немой ретортой рабства.

Девятьсот лет уходила Россия от диких поселений, от чадных курных изб, от скитов, от бревенчатых палат, к уральским заводам, к донецкому углю, к петербургским дворцам, Эрмитажу, к могучей своей артиллерии, к своим тульским металлургам и токарям, к фрегатам и паровым молотам..

Этот процесс рождал в поверхностном восприятии (рождалось) однозначное ощущение растущего просвещения и сближения с Западом.

Но чем больше становилась схожа поверхность русской жизни с жизнью Запада, чем более заводской грохот России, стук колес ее паровозов и поездов, хлопанье ее корабельных парусов, хрустальный свет в окнах ее дворцов напоминал западной жизни, тем больше росла тайная пропасть в самой сокровенной сути русской жизни и жизни Европы.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Бездна эта была в том, что развитие Запада ~~шло на основе~~ оплодотворялось ростом свободы, а развитие России ~~соединилось~~ оплодотворялось ростом рабства.

История человека есть история его свободы. Рост человеческой мощи выражается прежде всего в росте свободы. Прогресс в основе своей есть прогресс человеческой свободы. Да ведь и сама жизнь есть свобода, эволюция жизни есть эволюция свободы.

Русское развитие обнаружило ~~[illegible]~~ существо свое, оно стало развитием несвободы. ~~Постепенному, все углублявшемуся закрепощению русских людей сопутствовало~~ развитие ~~прогресс русской науки, мореходства, земледелия~~. Год от года все жестче становилась крестьянская крепость, все ~~[illegible]~~ таяло мужичье право на землю, ~~все [illegible] крепче стоял помещик, [illegible]~~, а между тем русская ~~[illegible]~~ наука, техника, просвещение все росли да росли, сливаясь с ростом русского рабства. ~~[illegible]~~

Рождение русской государственности было ознаменовано окончательным закрепощением крестьян: упразднен был последний день мужицкой свободы- двадцать шестое ноября- Юрьев день..

Все меньше становилось "вольных, бродячих" людей, все ~~росло~~ множилось число холопов, и Россия стала выходить на широкий путь европейской истории. ~~Хозяин земли стал превращаться для крестьянина в государя, [illegible] и "старинные, вольные крестьяне" стали [illegible] подписывать крепости, превращаться в рабов. Крепость хозяина росла вширь, вглубь и~~ Прикрепленный к земле стал прикреплен к хозяину земли, потом и к служивому человеку, представлявшему государство и войско; и хозяин получил право суда над крепостным, а потом и право московской пытки/ так ее назвали четыре века назад/- это подвешивание за связаные назад руки, битье кнутом,. ~~[illegible]~~ И росла русская металлургия, ширились лабазы, крепло государство и войско, разгаралась заря русской воинской славы, ширилась грамотность.

Могучая деятельность Петра , основоположника русского научного

и промышленного прогресса, связалась со столь же могучим прогрессом крепостного права. Петр приравнял крепостных сидевших на земле к холопам-дворовым, обратил "гулящих" людей в крепостных. Он закрепостил "черносошных" на севере и "однодворцев" на юге.. Помимо помещичьего крепостного права при Петре зацвело государственное крепостное право, оно помогало петрову просвещению и прогрессу. Петру казалось, что он сближает Россию с Западом, да так и было оно, но пропасть , бездна между свободой и несвободой все росла да росла.

И вот пришел блистательный век Екатерины, век дивного цветения русских исусств и русского просвещения, век, когда русское крепостное право достигло своего высшего развития.

Так тысечелетней цепью были прикованы друг к другу русский прогресс и русское рабство. Каждый порыв к свету углублял черную яму крепостничества..

Девятнадцатый век особый век в жизни России.

В этот век заколебался основной принцип русской жизни - связь прогресса с крепостничеством.

Революционные мыслители России не оценили величайшего значения совершившегося в середине девятнадцатого века освобождения крестьян. Это событие, как показало последующее столетие, было более революционным, чем события Великой Октябрьской Социалистической Революции: это событие поколебало тысечелетнюю основу основ России, основу которой не коснулся ни Петр, ни Ленин: зависимость русского развития от роста рабства.

После освобождения крестьян революционные лидеры, интеллигенция, студенчество бурно, со страстной силой, с самоотверженностью , боролись за неведомое Россией человеческое достоинство, за прогрес без рабства. Этот новый закон был полностью чужд русскому прошло-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

му и никто не знал какова же станет Россия если она откажется от тысячелетней связи своего развития с рабством, каков же станет русский характер?

В феврале 1917 года перед Россией открылась дорога свободы, и Россия выбрала Ленина.

Огромна была ломка русской жизни произведенной Лениным. Ленин сломал вековой помещичий уклад, Ленин уничтожил фабрикантов, заводчиков, купцов.

И все же рок русской истории определил Ленину , как ни дико и странно звучит это, не революционером, а консерватором. Он сохранил проклятие России: связь ее развития с крепостью, с несвободой.

Лишь те, кто покушаются на основу основ России- ее рабскую душу- являются русскими революционерами.

И так сложилось, что революционная одержимость, фанатическая вера в истинность марксизма, ненависть к социальному неравенству и к русскому самодержавию, привело к тому, что Ленин способствовал колоссальному развитию той России, которую он ненавидел всеми силами своей фанатической души.

Действительно трагично, что человек так искренне упивавшийся книгами Толстого и музыкой Бетховена, способствовал (новому закрепощению крестьян и рабочих) превращению в холопов (деятелей русской литературы, науки, музыки), подобных Алексею Толстому, химику Семенову, музыканту Шостоковичу.

Спор затеянный сторониками русской свободы был наконец решен- русское рабство и на этот раз оказалось непобедимо. Победа Ленина стала его поражением.

Но трагедия Ленина была не только русской трагедией, она стала трагедией всемирной.

Думал ли он , что в час совершенной им революции, не Россия пойдет за социалистической Европой, , а таившееся русское рабство

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

выйдет за пределы России и станет факелом, освещающим новые пути человечества.

Россия уже не впитывала свободный дух Запада. Запад зачарованными глазами смотрел на русскую картину развития, идущую по пути несвободы.

Мир увидел чарующую простоту этой дороги. Мир понял ~~сказочное и грозное величие~~, силу народного государства, построенного на несвободе. ~~тысячу лет топтавшего свободу человека, воздвигнувшего на работе здание, казалось, неотличимое от того, что воздвигалось во имя свободы человека.~~

~~Россия уже не шла за Западом. Запад затаив дыхание, всматривался в Россию.~~

Казалось свершилось то, что предвидели пророки России сто и полтараста лет назад.

Но как странно (и страшно) свершилось.

~~Ленин показал, что силы западной свободы и демократии совместимы с законом русского развития. Принцип русского развития не был поколеблен в октябре 1917 года, и что же время новые огромные ресурсы были использованы для его высшего торжества.~~

Ленинский синтез ~~русской~~ несвободы с социализмом ~~и народной революцией~~ ошеломил мир больше, чем открытие внутриатомной энергии. ~~Этот синтез порождал огромные энергетические богатства способные умножить и возвеличить славу нации и силу государства.~~

~~Это было часто русское национальное открытие.~~

~~Новатори Запада~~ Европейские апостолы национальных революций ~~[illegible]~~ увидели ~~новый свет, на этот раз~~ свет ~~шел~~ с востока. .. ~~Италия и Германия пошли указанным Россией путем~~ Итальянцы, а затем немцы стали развивать идею и практику национального социализма.

А свет все разгорался- его восприняла Азия, Африка.

Нации и государства могут развиваться во имя силы ~~[illegible]~~ и вопреки свободе!

~~То, что было [illegible] тысячелетним законом России стало для мира новым словом, законом [illegible] условий двадцатого века.~~

Но это не была пища для здоровых, это было ~~могучее~~ наркотическое лекарство безумцев, нищих, больных и слабых, ~~[illegible]~~ неудачников, отсталых либо битых.

~~[illegible] ли пророки России [illegible] в соединенном [illegible] скрежете колючей проволоки, что натягивали в тайге и вокруг [illegible] сибирской [illegible] Освенцима [illegible] пророчества [illegible] русской душе, всечеловечной и всесоединяющей", которой предсказывал Достоевский " изречь окончательные слова великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по христову евангельскому закону..."~~

~~Вот уж, в [illegible]: "[illegible] не пишем, [illegible] не пишем, [illegible] то уравнен."~~

~~Именно в двадцатом веке, и именно России суждено было сказать слово всемирного нового значения. И Россия сказала его.~~

~~[illegible] русский человек [illegible] человек [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] осуществил пророчество о [illegible] русской души.~~ Тысечелетний русский закон развития волей, страстью, гением Ленина стал законом всемирным.

Таков был рок истории. Вставка I (на обороте)

~~[illegible]~~

~~И так выразила себя русская душа, загадка человечества, перед которой столетиями недоумевали мыслители запада, толкователями которой выступили гении России.~~

Да и была ли она?

Попрежнему ли загадочна русская душа? Нет, загадки нет. Какая же загадка в рабстве? ~~[illegible]~~

~~Да и не черезмерное ли значение придавалось душе национальной, столь ли уж велико значение ее? Сохранилась ли загадка после того, как она выразила себя? Не пора ли обратить взоры~~ Пора понять отгадчиком России, ~~в сторону души человеческой, души свободной, ясной, не мистической~~ что одно лишь тысячелетнее рабство создало мистику русской души.

Вставка III

~~Но в~~ В восхищении византийской аскетической чистоте, ~~[illegible]~~ христианском кротком ~~человеколюбии душа~~ русской души, с живот невольное признание незыблемости русского рабства. Истоки этой ~~Русская душа тысячелетняя раба.~~ христианской кротости, этой византийской аскетической чистоте, те же, что и истоки ленинской страсти, нетерпимости, фанатичной веры — они, в тысячелетней русской крепостной несвободе.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка I

Ленинская нетерпимость, страсть, мемор, ленинская непоколебимость ~~жестокость~~ к инакомыслящим, презрение к ~~своб~~ ~~[illegible]~~ свободе, ~~[illegible]~~ жестокость к врагам, фанатичность ленинской веры, всё то, что принесло победу ленинскому делу рождены, откованы ~~[illegible]~~ в тысячелетних глубинах русской крепостной жизни, русской несвободы. Потому то ленинская победа послужила несвободе.. А рядом, тут же, бесплотно, не знала продолжались и жили, чаровавшие миллионы людей ~~[illegible]~~ ленинские черты милого, дорогого русского, трудового интеллигента.

Вставка II

~~Из ошибки пророков России~~

И потому-то так страшно, так ~~Ленин заворожил~~ по-трагическую ~~[illegible]~~ ошиблись ~~[illegible]~~ пророки России, ~~[illegible]~~ и ~~[illegible]~~. Да где же она, эта „русская душа, всечеловечная и всесоединяющая" ~~которой~~ предсказывал Достоевский „изречь окончательные слова великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по христову евангельскому закону"

Да в чем же она, господи, эта всечеловечная и всесоединяющая душа? ~~[illegible]~~

~~[illegible]~~

Думали ли пророки России в соединенном скрежете колючей проволоки, что наблюдали в смертной тайге и вокруг Освенцима, увидать совершение своих пророчеств ~~[illegible]~~ обудущем всесветном торжестве русской души. Ленин ~~[illegible]~~ противоположен ~~[illegible]~~, пророкам России. ~~Он вместе с ними. Он, как и они, [illegible] и [illegible] России, не [illegible] не отличал свободы от рабства, подтвердил незабвенность русского рабства~~. Он бесконечно далек от их идей кротости, ~~[illegible]~~, византийской христианской чистоты и евангельского закона.. Но удивительно и странно — он, одновременно, ~~[illegible]~~ вместе с ними. Он, ~~[illegible]~~ идя совсем иной, своей, ленинской дорогой, не старался уберечь ~~[illegible]~~ Россию ~~[illegible]~~ от тысячелетней бездонной трясины несвободы, ~~[illegible]~~ он как и они признал незабвенность русского рабства, он, как и они рожден ~~[illegible]~~ нашей несвободой.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

(Вставка III)

Что же это, действительно, именно русский, и только русский закон развития? ~~Потому ли он русский, что свойства русской души определили его?~~

Неужели именно русский душе и только ей определено ~~расти~~ развиваться ~~не~~ не с ростом свободы, а с ростом рабства?

Действительно, он изъявляется не здесь, как русский душа.

Нет, нет, нет, конечно.

Закон этот ~~присущ не душе~~ определен ~~а~~ темп, параметрами, а их десятки, а может быть и сотни, которые ~~определили~~ ~~развит~~ ~~ш~~ на историю России. ~~Но~~ Не в душе тут дело.

И пусть ~~эти~~ в эти параметры, в леса и степи, в тони и равнины, в сильное поле, в русскую трагическую огромность, между Европой и Азией, ~~[illegible]~~ тысячу лет назад ~~[illegible]~~ вросли бы французы, немцы, итальянцы, англичане, закон и ~~развитие~~ истории стал бы тем же каким был закон русского прогресса.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Да и не один русские познали
~~горечь~~ этих ~~строгих~~ дороги.
В Немало народов — на
всех континентах земли, которые
то отдаленные, смутно, то ближе, чем
в ~~русской дор~~ своей
узнавали
горечи ~~повторяли~~ горечь
русской дороги

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

179

Крепостная душа русской души живет и в русской вере, и в русском неверии, и в русском кротком человеколюбии, и в русской бесшабашности, хулиганстве и удали, и в русском скопидомстве, и в русской аскетической чистоте, и в русском мещанстве, и в русском покорном трудолюбии, и в русском сверхмошенничестве, и в грозной для врага отваге русских воинов, и в отсутствии человеческого достоинства, в характере русских советских ученых и писателей, и в неразумном бунте русских бунтовщиков, и в исступлении сектантов, крепостная душа и в ленинской революции, и в страстной восприимчивости Ленина к революционным учениям запада, и в ленинской одержимости, и в ленинском насилии, и в победах ленинского государства.

Всюду в мире, где существует рабство, рождаются и подобные души.

Где же надежда России если даже великие пророки ее не различают свободы от рабства?

Где же надежда России если великие ее видят кроткую и светлую красоту русской души в ее покорном рабстве?

Где же надежда России если великий преобразователь ее, Ленин, не нарушил, а закрепил связь русского развития с несвободой, с крепостью?

Где пора русской свободной, человеческой душе? Да, когда же наступит она? А может быть и не будет ее, никогда не настанет?

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

23

180

Ленин умер. Но не умер ленинизм. Не ушла из рук партии, завоеванная Лениным власть. Товарищи Ленина, его помощники, его сподвижники и ученики продолжали ленинское дело.

...кто ... кого оставил он страну в будущем разлом должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь: Ленин умер,
Их смерть к тоске не привела.
Еще суровей и угрюмей они творят его дела."

Осталась, завоеванная Лениным диктатура партии, созданная им армия, милиция, ВЧК, лик. газ. и рабочих. Двадцать восемь томов произведений остались после смерти Ленина. Кто же из соратников его возможно глубже и полнее сумеет вобрать в себя, выразить своим характером, сердцем, мозгом истинную главную суть ленинизма. Кто примет знамя Ленина, кто понесет его, кто построит великое государство, заложенное Лениным, кто поведет партию нового типа от победы к победе, кто закрепит новый порядок на земле.

Блестящий, бурный, великолепный Троцкий?

Наделенный даром теоретика, обаятельный Бухарин?

Наиболее близкий народному крестьянскому и рабочему интересу практик государственного дела волоокий Рыков?

Способный к любым многосложным сражениям в Парламенте, Конвенте, в государственном руководстве, образованный и просвещенный Каменев?

Знаток международного рабочего движения, полемист-дуэлянт международного класса Зиновьев?

Характер, дух каждого из них был близок, созвучен тем или иным граням ленинского характера. Но оказалось, что эти грани ленинского характера, интеллигент, не были главными, основными, определяющими суть. Корень

2

~~[illegible]~~ ~~партии, государства~~, рождающейся нови.

Роковым ~~[illegible]~~ образом случилось так, что все черты ленинского характера, которые были выражены в ~~революционном~~ характере почти гениального Троцкого, Бухарина, Рыкова, ~~Зи~~ Каменева, Зиновьева оказались крамольными чертами, привели всех названных ~~[illegible]~~ лидеров к плахе.

Суть ленинского характера была не в этих чертах и гранях.

В них ~~[illegible]~~ оказалась ленинская слабость, крамола, ленинские чудачества, иллюзии ~~ленинского~~ суть нови была не в них.

Ведь и черты ~~[illegible]~~ Луначарского были в некоей Ленинской грани, слушавшей „Аннексионату" и ~~[illegible]~~ упивавшейся „Войной и Миром". Но уже ~~не~~ бедняге Луначарскому было определено ~~[illegible]~~ сурово и угрюмо творить главное дело ~~[illegible]~~ ленинской партии, ~~[illegible]~~ ~~Луначарского~~ Не Троцкому, ~~[illegible]~~ Бухарину, ~~[illegible]~~ Рыкову, ~~[illegible]~~ Каменеву, ~~[illegible]~~ Зиновьеву ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ судила история выразить сокровенную суть Ленина.

(вставка на оборотъ)

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

Ненависть Сталина к ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ лидерам оппозиции была ~~[illegible]~~ его ненавистью к тем чертам ~~[illegible]~~ ленинского характера, которые ~~[illegible]~~ противоречили ленинской сути.

~~[illegible]~~ Сталин ~~убил~~ казнил ближайших друзей и соратников Ленина потому что они (каждый по своему) мешали осуществиться тому главному, в чем была сокровенная суть ~~[illegible]~~ Ленина.

Борясь с ними, казнив их он как бы и с Лениным боролся, и Ленина казнил. Но одновременно именно он, ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ победоносно утвердил Ленина и ~~утвердил~~ Ленинцев, ~~[illegible]~~ подняв укрепил над Россией ~~[illegible]~~ знамя Ленина.

Имя Сталина навечно вписано в историю России.

Послереволюционная Россия вглядываясь в глаза Сталина познала себя.

Двадцать восемь томов ленинских сочинений- речей, докладов, программ, экономических и философских исследований не послужили само познанию Россией себя, своей судьбы. Хаос превышающий вавилонский, был вызван смешением западной революции с русским строем развития и жизни.

Не только матросы и конники Буденного, не только русское крестьянство и рабочие, но и сам Ленин были беспомощны в понимании истины произошедшего.. Рев революционной бури, законы материалистической диалектики, логика " Капитала " смешались с уханием гармошек, с " Яблочком" и " Цыпленком жареным ", с гудением самогонных аппаратов, с призывом лекторов и агитаторов, обращенных к матросам и рабфаковцам, не поддаваться ядовитой ереси Каутского, Кунова, Гильфердинга...

Огонь, бунт, разгул охватившие Россию, подняли со дна российского котла груз обиды, злобы, накопившиеся за столетия народного крепостного страдания.

Из романтики революции, из безумств пролеткульта, из зеленых самогоных республик, из хмельного удальства и мужичьего бунта, из матросского бешенства на " Алмазе " поднимался новый, могучий, еще не виданный Россией, полицмейстер.

Страстное народное желание стать хозяином пахотной земли, понятое Лениным и возглавленное Лениным, было враждебно государству основанному Лениным, несовместимо с этим государством. С этим стремлением народа стать хозяином земли было непоколебимо покончено. В 1930 году советское государство, основаное Лениным, стало безраздельным хозяином всех земель лесов, вод в Советском Союзе, полностью отстранив от владения пахотной землей крестьянство.

Путаница, противоречия, туман царили не только на узловых станциях, пристанях и крышах эшелонов, не только в деревенских чаяниях и в

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

воспаленных головах поэтов. Путаница и туман царили в области революционной теории, в ошеломляющих противоречиях с практикой кристально ясных построений первого теоретика партии.

Основной ленинский лозунг был " Вся власть Советам " , но дальнейший ход жизни показал, что созданные Лениным советы не имели, и не имеют по сей день, никакой власти- являются инстанцией чисто формальной или служебно-исполнительской.

Весь теоретический пафос молодого Ленина был направлен на борьбу с народничеством, эсерами, на доказательство того , что Россию не минет капиталистический путь развития. А весь пафос Ленина в 1917 году был направлен на доказательство того, что Россия минуя капиталистический путь, сопряженный с демократическими свободами, может и должна войти дорогой пролетарской революции.

[redacted]

И мог ли думать Ленин, что основав Коммунистческий Интернационал, и превозглашая на втором конгрессе Коминтерна лозунг мировой революции, он готовил почву для невиданного роста принципа национального суверинитета.

Вставка I (на обороте)

Сталин вправил мозги послеоктябрьской России, разбил всем сестрам по серьгам, а кому серег не полагалось оторвал их вместе с ушами, либо с головой.

Вставка II (на обороте)

В Сталине, в его могучей работе, в его характере, в его навыках выразился характер государственности. Именно государственности !

В Ленине воплотилось русское национальное начало, в Сталине русская государственность. Русская государственность не исторична, она надисторична.

Все черты, не ведающей жалости к людям, крепостной России собрал в себе характер Сталина.

В его невероятной жестокости, в его невероятном вероломстве, в его способности притворяться и лицемерить, в его грубости , в его юморе выразился азиат.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка I

Эта сила государственного национализма, и этот бешеный национализм людских масс, лишенных свободы человеческого достоинства, стали главным рычагом, термоядерной боеголовкой нового порядка, определили рок двадцатого века.

Вставка II

шевиков пошла другим путем. Партия большевиков ~~стала партией~~ предстояло стать партией национального ~~не людей, а~~ государства. Слияние партии и государства нашло свое выражение в личности Сталина.

В Сталине, в его характере, уме, воле, ~~в его жестокости~~, государство выразило свой характер, свою волю, свой ум, ~~жестокость, свои главные жизненные интересы.~~

Казалось Сталин строил основанное Лениным государство ~~создавал его~~ по образу и подобию своему. Но, дело, конечно, было не в этом - его образ был подобием государства, потому то он и стал хозяином. Но, видимо, иногда, особенно под конец жизни ему казалось, что государство слуга его.

Вставка III

Ее принцип универсален, незыблем, он применим ко всем укладам России на протяжении ее тысячелетней истории. С помощью Сталина, унаследованные от Ленина революционные категории диктатуры, террора, борьбы с буржуазными свободами, казавшиеся Ленину категориями временными были перенесены в основу, в фундамент, в суть, слились, объединились с традиционной, национальной тысячелетней русской несвободой. С помощью Сталина ~~свободы, демократические и народнические элементы, социал-демократические~~ эти категории и стали содержанием государства, а социал-демократические, иные пережитки были изгнаны в фарму, в театральную декорацию.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

В его знаниях революционных учений, в пользовании терминологией [redacted] прогрессивного Запада; в знании литературы и театра, любимых русской демократической интеллигенцией, в его цитатах из Гоголя и Щедрина, в его умении пользоваться тончайшими приемами конспирации, в его аморальности выразился революционер нечаевского типа, того для которого любые средства оправданы грядущей целью.

В его вере в чиновную бумагу и полицейскую силу, как главную силу жизни, в его тайной страсти к мундирам, [redacted] орденам, в его беспримерном презрении к человеческому достоинству, в обожествлении им чиновного порядка и бюрократии, в его готовности убить человека ради святой буквы закона и тут же пренебречь законом ради чудовищного произвола, выразился полицейский чин, жандармский туз.

Вот здесь то и был характер Сталина, в соединении этих трех Сталиных.

Вот эти три Сталина и создали [redacted] сталинскую государственность– ту, для которой закон есть лишь орудие произвола, ту, что тысячелетними корнями своими ушла в крепостное прошлое, обратившее мужиков в рабов, в татарское иго , обратившее в холопов тех, кто княжит над мужиками, ту, что одновременно граничит с вероломной, мстительной, лицемерной и жестокой Азией, с просвещенной демократичной, торгашеской, продажной Европой.

Этот азиат в шевровых сапожках, цитирующий Щедрина, живущий законами кровной мести и одновременно пользующийся словарем революции, внес ясность в послеоктябрьский хаос, [redacted] осуществил свой характер в характере государства.

Главный принцип, построенного им государства, в том, что это государство без свободы. [redacted]

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

В этом государстве [redacted] гигантские заводы, искусственные моря, каналы, гидростанции не служат человеку, они служат государству без свободы. [redacted]

В этом государстве человек не сеет то, что хочет посеять, человек не хозяин поля на котором работает, не хозяин яблонь и молока; земля родит по инструкции [redacted] государства без свободы. [redacted]

В этом государстве не только малые народы, но и [redacted] русский народ не имеют национальной свободы. Там, где нет человеческой свободы не может быть и национальной свободы, ведь национальная свобода это прежде всего свобода [redacted].

В этом государстве нет общества, так как общество основано на свободном антогонизме и на свободной близости людей, а в государстве без свободы немыслима непосредственная близость и вражда.

Лицемерие Сталина [redacted] выразилось в лицемерии его государства. И лицемерие это главным образом выразилось в игре в свободу. Государство не описывало мертвую свободу! Драгоценнейшее, живое, радиоактивное содержание свободы [redacted] и демократии было умерщвлено, превращено в чучело, [redacted] в словесную шелуху. Так лакеи, в чьи руки попали тончайшие секстанты и хронометры, используют их в качестве украшений.

Умерщвленная свобода стала украшением государства, но украшением не бесполезным. Мертвая свобода стала главным актером в гигантской инсценировке, [redacted] в театральном представлении невиданного объема. Государство без свободы создало макет парламента, выборов, профессиональных союзов, макет общества и общественной жизни. В государстве без свободы макеты правлений колхозов, правлений союзов писателей и художников, макеты президиумов райисполкомов и облисполкомов, макеты бюро и пленумов райкомов, обкомов и центральных комитетов национальных компартий обсуждали дела и выносили решения, которые были вынесены заранее [redacted] совсем в другом месте. Даже Президиум Центрального Комитета Партии был театром.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

~~Великий~~ Тысячелетний принцип роста русского ~~развития~~ ~~прогресса через рабство роста~~ просвещения, науки и промышленной мощи через посредство роста ~~народа~~ человеческой несвободы, принцип взращенный ~~проверенный~~ боярской Русью, Иваном Грозным, Петром Великим, ~~великой~~ Екатериной. Этот принцип достиг при столице своего полного ~~высшего, своего~~ ~~видимого~~ торжества ~~под знаменем Ленина~~ ~~водительством Сталина~~ ~~октябрьский~~ ~~русский прогресс через рабство~~ ~~Этот принцип стал всемирным — Рожден Интернат~~ ~~Москва занимал в Риме Берлине, в Пекине.~~

~~Никогда казалось, свободе в России не было так ~~окончательно~~ непоколебимо растоптано вы-~~ ~~жения. И уд~~

И поистине удивительно, что Сталин ~~рас~~ так основательно разгромив ~~обезвреживал~~ ~~показав~~ свободу всё же продолжал бояться её. Быть может, что ~~не часто~~ страх перед нею заставлял его ~~лицемерить~~ проявлять поистине невиданное лицемерие.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Этот театр был в характере Сталина. Этот театр был в характере государства без свободы. Поэтому государству и понадобился Сталин, осуществивший через свой человеческий характер характер государства.

Что же было реальностью, а не театром ? Кто же , действительно, решал, а не делал вид, что решает?

Реальной силой был Сталин. Он решал. Но конечно, он не мог лично решить все вопросы в государстве,- дать ли отпуск учительнице Семеновой, сеять ли в колхозе " Заря " горох или капусту...

Хотя принцип государства без свободы требовал, чтобы именно так обстояло дело, чтобы Сталин решал все вопросы без изъятия. Но физически это оказалось невозможно, и второстепенные вопросы решали доверенные люди Сталина, решали всегда одинаково ; в духе Сталина.

Только поэтому они были доверенными людьми Сталина или доверенными его доверенных. ~~Они то и давали макетам правлений, пленумов, бюро, президиумов, решения вопросов о севе проса, доении коров, приеме на работу девчонки счетовод~~ Их решения были объединены одной общей чертой, независимо от того касались ли они постройки гидростанции в нижнем течении Волги либо посылки на двухмесячные курсы доярки Анюты Феоктистовой- они выносились в духе Сталина. Суть ведь была в том, что дух Сталина и дух государства были едины.

Доверенные Сталина -государства сразу были видны на любых заседаниях, собраниях, летучках, съездах, - с ними никто никогда не спорил, они ведь говорили именем Сталина-государства.

То, что государство без свободы всегда действовало от имени свободы и демократии, боялось ступить шаг без упоминания ее имени, свидетельствовало о силе свободы. Сталин мало кого боялся, но постоянно и до конца своей жизни он боялся свободы,- убив ее он заискивал перед нею мертвой.

Ошибочно мнение, что дела времен коллективизации и времен ежовщины бессмысленные проявления бесконтрольной и безграничной власти, которой обладал жес-

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

токий человек.

В действительности, кровь, пролитая в тридцатом и тридцать седьмом годах была пущена государству. Без нее оно бы не выжило. Ведь эту кровь пролила несвобода, чтобы преодолеть свободу. Дело это давнее , началось оно при Ленине.

Свобода была преодолена не только в области политики и общественной деятельности. Свобода была преодолена в сельском хозяйстве, в праве свободно сеять и свободно убирать урожай, свобода была преодолена в поэзии и философии, в садовом мастерстве, в круге чтения, в перемене места жительства, в труде рабочих чьи нормы выработки, условия техники безопасности, [illegible], заработная плата целиком [illegible] определялись волей государства.

Несвобода безраздельно торжествовала от Тихого океана до Черного моря. Она была всюду и во всем. И везде и во всем была убита свобода.

Это было [illegible] победоносное наступление и совершить его можно было лишь пролив [illegible] много крови: ведь свобода это жизнь , и [illegible] преодолевая свободу Сталин убивал жизнь.

Характер Сталина выразился в гигантах пятилеток, эти [illegible] двадцатого столетия соответствовали [illegible] и [illegible] дворцам азиатской древности, которые пленили душу Сталина. Эти гигантские стройки не служили человеку, так же, как не нужны были богу гигантские храмы и мечети.

С [illegible] выпуклой силой характер Сталина выразился в деятельности, созданных им, органов безопасности.

[illegible]

Пыточные допросы, истребительная деятельность опричины, призванной уничтожить не только людей, но и сословия, [illegible] развивавшиеся от Малюты Скуратова до графа Бенкендорфа, все это [illegible] нашло свои эквиваленты в душе Сталина, в делах созданного им карательного аппарата.

Но, пожалуй, особо зловещими [illegible] были те эквиваленты, что объединили

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

в единстве сталинской натуры русское революционное начало с началом могучей и безудержной , русской же, тайной полиции.

Это объединение революции и полицейского сыска, произошедшее в натуре Сталина и отраженное в созданных им органах безопасности так же имело свой прообраз в русском государстве.

Объединение Дегаева, - народовольца, интеллигента, а впоследстви агента охранки с начальником политического сыска полковником Судейкиным, произошедшее в годы, когда Иосиф Джугашвили был крошкой ребенком, и стало прообразом этого зловещего альянса.

Судейкин, умница, скептик, знаток и ценитель революционной силы России, насмешливый созерцатель убожества царя и царских министров, которым он служил, использовал Народовольца Дегаева в своих полицейских целях. Народоволец Дегаев служил одновременно в революции и в полиции.

Планам Судейкина не суждено было сбыться. Он хотел с помощью революции, попустительствуя ей, а затем создавая лишу, туфту, фальшивые дела, запугать царя, прийти к власти, стать диктатором. Он хотел, возглавив государство, уничтожить до тла революцию. Но дерзкие мечты его не состоялись- Дегаев убил Судейкина.

Сталин же победил. В его победе, где то тайно от всех и тайно от него самого, жила победа судейкинской мечты запречь в возок двух лошадей: революцию и тайную полицию.

Сталин, рожденный революцией, расправился с революцией и революционерами с помощью полицейского аппарата. Быть может, мучившая его мания преследования была вызвана тайным, таившимся в его подсознании страхом Судейкина перед Дегаевым? Покорный, обузданный в третьем отделении революционер-народоволец все же внушал ужас полицейскому полковнику. Особенно страшно было то, что оба они, вероломствуя, дружа и враждуя, жили в тесной тьме сталинской души.

И быть может здесь, или во всяком случае где-то поблизости, лежит объяснение одного из наибольших недоумений современников поры 1937

года – зачем было, уничтожая невинных, преданных революции людей, разрабатывать подробнейшие, лживые от начала до конца, сценарии их участия в вымышленных, не существующих заговорах.

Мучительными пытками, длящимися сутками, неделями, месяцами, а иногда и годами, органы безопасности заставляли несчастных, истерзанных бухгалтеров, инженеров, агрономов участвовать в театральных представлениях, играть роль злодеев, агентов заграницы, террористов, вредителей...

Для чего делалось это ? Миллионы раз миллионы людей задавали себе этот вопрос.

Ведь Судейкин, разрабатывая свои инсценировки, имел ввиду обман царя. А Сталину не было нужды обманывать царя- сам Сталин и был царем.

Да, да, и все же Сталин своими инсценировками стремился обмануть царя, что незримо, помимо его воли жил в тайной тьме его душ

Незримый владыка продолжал жить всюду, где казалось безраздельно торжествовала несвобода. Его, единственного, до конца дней своих ужасался Сталин.

Со свободой, во имя которой началась в феврале русская революция, Сталин не мог до конца дней своих справиться кровавым насилием.

И азиат, живший в сталинской душе, пытался обмануть свободу, хитрил с нею, отчаявшись добить ее до конца.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

189 9 (25.)

После смерти Сталина дело Сталина не умерло. Так же в свое время не умерло дело Ленина. Живет построенное Сталиным без свободы государство. Не ушла из рук партии, создавшей Сталиным мощь промышленности, вооруженных сил, карательных органов. Не поколебленный великий фундамент несвободы. Несвободы. Да, по-прежнему незыблемо, старжествует от тоже до тоже. Не поколебленные законы действуют все та же все проникающего театра. Все та же система выборов, все так же окованы рабством рабочие союзы, все так же беспредельно несвободны и беспаспортны крестьяне, все так же талантливо трудятся и мужчины и все так же в лакейских либеллигенция. Все то же кнопочное управление великой страны. Все та же неограниченная власть великого диктатора.

Но, конечно, неминуемо многое и изменилось, не могло не измениться. Государство без свободы вступило в свой третий этап. Его заложил Ленин. Его построил и достроил Сталин. И вот наступил третий этап — управляет уже построенным государством без свободы построено, как говорят строители, введено в эксплоатацию. Естественно, и строителей. Многое, что было необходимо в период стройки, стало теперь ненужным. Прошла пора уничтожения старых построек на строительной площадке, уничтожения, выселения, переселения жителей из разрушенных особняков, домиков, домов, хибарок.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

189 б

Небоскреб ~~[illegible]~~ заселен новыми жильцами. Конечно, не мало оказалось в нем недоделок. ~~[illegible]~~ ~~некоторых~~ Но нет уже нужды постоянно пользоваться ~~некоторыми~~ истребительными приемами великого ~~[illegible]~~ хозяина.

~~[illegible]~~ Фундамент ~~[illegible]~~ небоскреба — несвобода — по-прежнему незыблем. Что же ~~будет~~ дальше? ~~что произойдет со [illegible] фундаментом?~~

Так ли уже незыблем этот фундамент? ~~небоскреба?~~

Прав ли Гегель — всё ли действительное разумно? Действительно ли ~~разумно~~ бесчеловечное? Разумно ли ~~[illegible]~~ оно?

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка I (на обороте)

ради себя лишь одного совершало свой ужасный и жестокий путь роста и накопления, оно само того не ведая, в чреве своем, таило свободу.

Свобода совершалась в глубокой тьме и в глубокой тайне. По поверхности земли гремя катила, ставшая для всех явью, сметавшая все на своем пути могучая река. Новое национальное государство собственник всех несметных сокровищ - заводов, фабрик, атомных котлов, всех полей, безраздельный владыка каждого живого дыхания торжествовало свою победу. Революция, казалось, произошла ради него, ради его тысячелетней власти и торжества. Но владыка полумира был не только гробовщиком свободы.

Вставка II (на обороте)

У человека, совершившего революцию в феврале 1917 года, у человека создашего по велению нового государства и небоскребы, и заводы, и атомные котлы, нет другого исхода кроме свободы... Потому что, создавая новый мир человек остался человеком.

Все это иногда ясно, иногда туманно, иногда умом, а иногда одним сердцем понимал и чувствовал Иван Григорьевич.

Как бы не были огромны небоскребы и могучи пушки, как бы не была безгранична власть государства и могучи империи, все это лишь дым и туман, который исчезнет. Остается, развивается и живет лишь истинная сила - она в одном, в свободе. Жить человеку значит быть свободным.

Вставка III (на обороте)

И Ивана Григорьевича не удивляло, что слово свобода было на его губах, когда он студентом уходил в Сибирь, и что слово это жило, не исчезало из его седой головы и теперь.

Вставка I

~~Ивсе же~~ Сила ~~[illegible]~~ народной революции, начавшейся в феврале 1917 года была так велика, ~~[illegible]~~, что даже диктаторское государство не смогло ее заглушить. И в то время, как государство

Вставка II

~~[illegible]~~ Она совершалась вопреки гению, ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ вдохновенно ~~не~~ сотворившему новый мир, оказавшийся ~~[illegible]~~ миром голодных и рабов, ~~[illegible]~~, свобода совершалась ~~безмерному~~ вопреки ~~[illegible]~~ космическому ~~[illegible]~~ сталинскому насилию.

Она совершалась потому что люди ~~[illegible]~~ продолжали оставаться людьми.

Вставка III

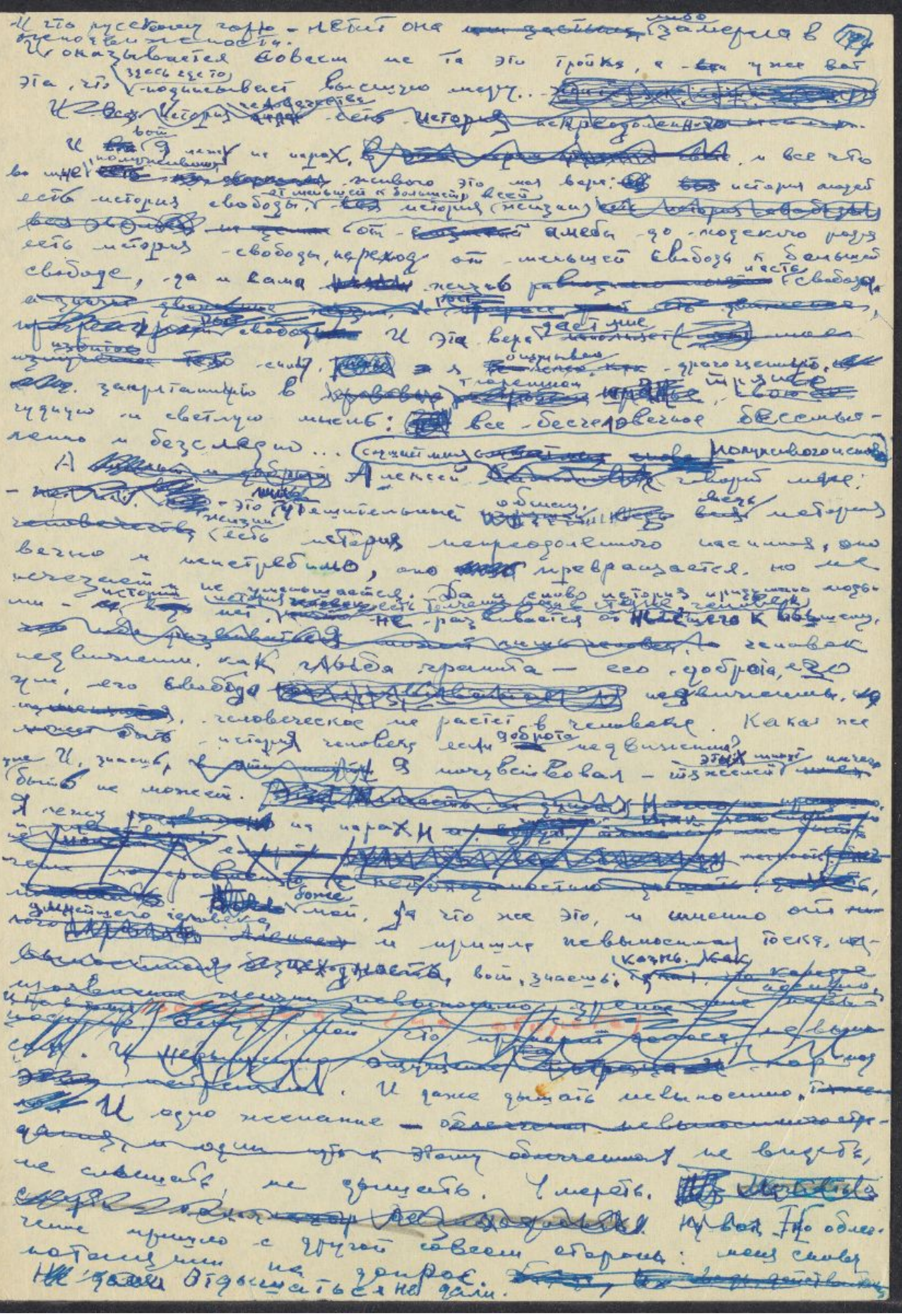
~~[illegible]~~ Не все действительное разумно. Все бесчеловечное бессмысленно и бесполезно!

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

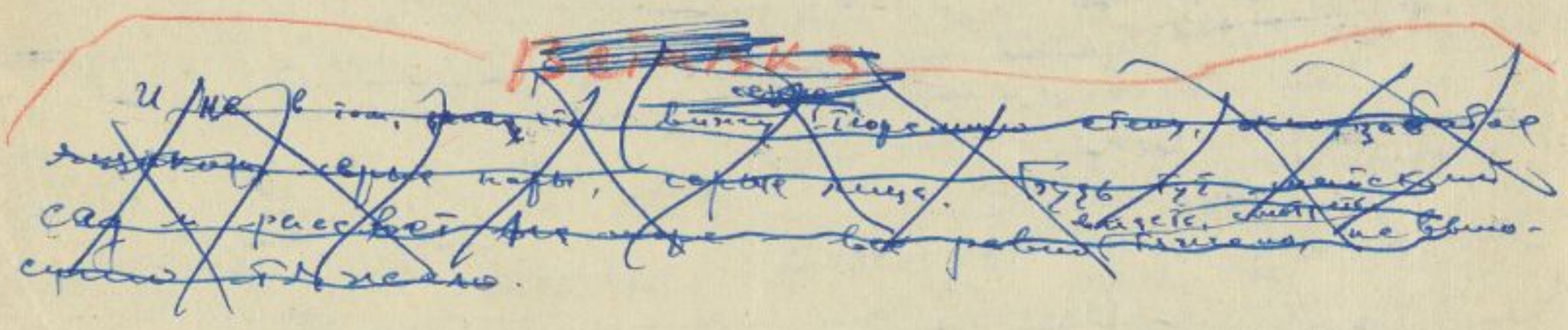
Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

[illegible] Это вера моя. [illegible] Но Ало мне [illegible] Это вера моя. И я [illegible] Это [illegible] Это [illegible] Это



Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.



Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Иногда стало.. И я 125
~~[illegible]~~ верю в неминуемость сво-
боды. ~~[illegible]~~ человеке. К черту
~~[illegible]~~ тройку, ты стоглетий,
~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ тысячелетий,
~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~

(196) ~~Глава предпоследняя~~

В зимний ~~Но вот пришел~~ день ~~и~~ Иван Григорьевич проводил на кладбище Анну Сергеевну. Не пришлось ему поделить с ней всё что вспомнил он, что продумал ~~[illegible]~~ за месяцы ее болезни.

Он отвез вещи покойной в деревню, провел два дня с Ллешей и снова вернулся ~~в [illegible]~~ на работу в арте

Прошел год и снова Иван Григорьевич ~~и поезда. Он получил~~ ~~командировку из отдела~~ в ~~южный~~ приморский город, где под зеленой горой стоял дом его отца.

Поезд шел вдоль самого берега и Иван Григорьевич на короткой остановке вышел из вагона, ~~и подошел к воде.~~

~~Он стоял на берегу, волны окатывали камни и Костров~~ глядел на ~~живую~~, зеленую и черную, ~~блестящую и~~ движущуюся, ~~рваную и гибкую~~, пахнущую соленой прохладой воду.

Море и ветер были ~~все время~~ и когда следователь вызывал ~~Кострова~~ его на ночной допрос, и когда копали могилу, умершему на этапе зека, и когда служебные собаки лаяли под окнами барака и снег ~~[illegible]~~ скрипел под сапогами конвоиров, ~~и когда аммиачным зловонием дышала ночная параша в пересыльной тюрьме.~~

Море вечно и эта вечность его свободы ~~поразила Кострова, она~~ казалась Ивану Григорьевичу сродни равнодушию. ~~[illegible]~~ Морю не было до него дела, когда он шел свою жизнь за полярным кругом, и не будет до него дела, гремящей и плещущей свободе, когда он перестанет жить. Он подумал - это не свобода, это пришедшее на землю астрономическое пространство, осколок вечности, движущейся и ~~[illegible]~~, равнодушной....

~~И все же прекрасно море, слезы выступают на глазах при свидании с ним.~~ Море не свобода, оно подобие ее... Как же прекрасна свобода, если напоминание о ней, подобие ее, наполняет человека ~~[illegible]~~ счастьем.

~~Часы проведенные на родине стали самыми счастливыми и самыми~~ горькими ~~[illegible]~~ в жизни Ивана Григорьевича.

Переночевав на вокзале он рано утром пошел в сторону дома. В безоблачном ~~[illegible]~~ небе поднималось осеннее солнце и его нельзя было отличить от весеннего солнца. ~~столько мягкого света, нежаркого, ласкового тепла было в нем.~~

Он шел ~~по знакомой улице и~~ в пустынной и сонной тишине, ~~в его душе поднялось~~ он ощутил такое смятение, что, казалось, ~~мир~~ на этот раз не выдержит, все выдержавшее сердце. Мир в эти минуты стал божественно неподвижен, ~~в святой церкви~~ милая святыня его детства ~~все~~ была вечна и неизменна. Его ноги когда то шли по этому ~~скользкому~~, прохладному ~~[illegible]~~ ~~теплому~~ булыжнику, его детские глаза всматривались в эти, тронутые осенним ~~[illegible]~~ ржавчиной, округлые горы. Он слушал ~~бормотание~~ шум ручья, идущего ~~с горы~~ к морю среди городских отбросов, - арбузных ~~и дынных~~ корок и кукурузных початков.

По улице, в сторону базара шел старик абхазец в черной сатиновой рубахе, подпоясанной кожаным, тонким пояском, нес корзину каштанов.

Быть может ~~У~~ этого старика, застывшего и неизменного в своей седине, ~~в дряхлости~~ покупал Иван Григорьевич в детстве каштаны и инжир... И ~~[illegible]~~ тот же ~~нежный~~ прохладный и теплый, пахнущий морем и горным небом, и чесночным кухоным чадом, и розами, - южный, утренний воздух... И те же домики с закрытыми ставнями, со спущенными занавесками. И те же, сорок лет назад бывшие, не ~~постаревшие~~ повзрослевшие дети, те же не ушедшие в могилу, старики спали за этими закрытыми ставнями...

Он вышел на шоссе и стал подниматься в гору. ~~Ручей все говорил с ним.~~ Шумел ручей. Иван Григорьевич ~~узнал~~ помнил его голос.

Никогда он не видел свою жизнь, всю целиком, и, вот, он увидел ее.

~~Мало кто, испытал столько людского зла, как он.~~ Сейчас думая

И увидя ее, он не испытал злобы

~~об этом он подумал, что нет у него чувства мести~~ к людям.

Все они, и те, что вели ~~его~~, толкая прикладом, в кабинет следователя, и те, ~~кто давали о нем показания~~, и те, кто не давали ему спать на допросах, и те, кто подло говорили о нем на собраниях, и те, кто отрекались от него, и те, кто крали его лагерный хлеб, и те, кто били его, и те, ~~кто отвернулись от него~~ - все они в своей слабости, грубости, злобе- ~~не желая~~ казались ему ~~должны~~ ~~ему~~ ~~были~~ делали зло не потому, что им хотелось делать зло.

Они изменяли слову, говорили неправду, клеветали, отрекались, (И всё-таки они были людьми.) потому что иначе не проживешь, пропадешь. Разве эти люди хотели того, чтобы он, потеряв любовь, ~~потеряв к ней свои дарования~~, старый, одинокий, шел к родному дому.

Люди ведь никому не хотели зла, люди всю жизнь делали зло. (Вставка (на обороте)) Он ничего не достиг, после него не останется книг, картин, открытий. Он не создал школы, партии, у него не было учеников.

Почему так была тяжела его жизнь? Он не проповедывал, не учил - он оставался ~~оставался~~ тем, кем был от рождения - человеком.

Вот открылся склон горы, и за перевала стали видны вершины ~~старых~~ дубов. В детстве ходил он там в лесном полумраке, разглядывал ~~остатки~~ следы исчезнувшей жизни черкесов, -одичавшие садовые деревья, остатки оград вокруг жилья.

Может быть ~~его~~ родной дом стоит такой же неизменный, как неизменными показались ~~большая местность~~ улицы, ручеек, ~~~~.

Вот еще один виток дороги... На миг показалось ему, что страшный, никогда не виданный им, более яркий, чем северное сияние, свет залил землю... Еще несколько шагов и в этом свете он увидит дом, и к нему, блудному сыну, выйдет мать и он станет перед ней на колени и ее молодые прекрасные руки лягут на его плешивую и седую голову.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Вставка

И все же люди были людьми. И чудное, дивное дело - хотели они того или нет, они не давали умереть свободе, и даже самые страшные из них берегли ее в страшных своих, исковерканных и всё же человеческих душах.

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Он увидел заросли колючки, хмеля, ~~узнал старую знакомую черешню, затерявшуюся среди окружившего ее шиповника...~~

Ни дома, ни колодца, ~~ни какой-нибудь ограды~~, лишь несколько камней белело среди ~~серой~~ пыльной, выжженой солнцем травы.

~~Исчез, стерт с земли дом, где он родился.~~ Лишь он ~~один~~ стоял здесь - седой, сутулый, ~~попрежнему~~ ~~такой~~ и все же тот же, неизменный.

1955-1963

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

„Все мерзят"

ПАПКА

ДЛЯ

БУМАГ

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Арт 1068, цена 2 р. 15 к

Harvard University - Houghton Library / Grossman, Vasilii Semenovich. ??? ????? [Vse techet] : typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902-2013, (bulk) 1923-1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.